2026
№ 2

МИР КРИМИНАЛИСТИКИ

Редакционная коллегия

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А. И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Почетный Председатель Международного союза криминалистов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации

А. А. Бессонов,
генерал-майор юстиции,
доктор юридических наук, доцент,
член Международного союза криминалистов

А. И. Александров,
доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

В. Ю. Владимиров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Б. Я. Гаврилов,
доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

И. В. Грошев,
доктор психологических наук,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

В. К. Дадабаев,
доктор медицинских наук, доцент

А. Г. Звягинцев,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. М. Зинин,
доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

А. В. Камалян,
кандидат медицинских наук

Ю. Ф. Каменецкий,
кандидат юридических наук, доцент,
член Президиума Международного союза криминалистов

М. В. Кардашевская,
доктор юридических наук, профессор

И. М. Комаров,
доктор юридических наук, профессор,
член Президиума Международного союза криминалистов

А. Е. Кукушкин,
Председатель Национальной
Ассоциации организаций ветеранов следственных
органов «Союз ветеранов следствия» ,
Председатель Международного союза криминалистов

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный член Литовского криминалистического общества,
член Международного сообщества судебных экспертов
член Президиума Международного союза криминалистов

А. А. Мохов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации

Е. Р. Россинская,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член Президиума Международного союза криминалистов,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, академик РАЕН

И. М. Рагимов,
президент ассоциации юристов
стран Черноморско-Каспийского региона,
член Президиума Международного союза криминалистов,
иностранный член Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Савенков,
доктор юридических наук, профессор, академик РАН,
член Президиума Международного союза криминалистов,
заслуженный юрист Российской Федерации

К. К. Сейтенов,
доктор юридических наук, профессор,
член Международного союза криминалистов,

С. А. Смирнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации

О. А. Соколова,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Усов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации

Л. В. Чичановская,
доктор медицинских наук, профессор

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Швед,
доктор юридических наук (Республика Беларусь)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации, почетный адвокат России,
лауреат премии Правительства Российской
Федерации в области науки и техники,
лауреат премии Правительства Российской
Федерации в области образования

2026
№2

THE WORLD OF CRIMINALISTICS

Editor's Board

CHAIRMAN

A. I. Bastrykin,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honorary Chairman of the International Union of Criminalists, honored lawyer of the Russian Federation, doctor of law, professor, general of justice of the Russian Federation

A. A. Bessonov,
major general of justice,
doctor of legal science, associate professor
member of the International Union of Criminologists

A. I. Alexandrov,
doctor of legal science, professor
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation,

V. Yu. Vladimirov,
doctor of legal science, professor,
honored lawyer of the Russian Federation

B. Ya. Gavrilov,
doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation

I. V. Groshev,
doctor of psychological sciences,
doctor of economics, professor,
honored scientist
of the Russian Federation

V. K. Dadabaev,
doctor of medical sciences, associate professor

A. G. Zvyagintsev,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation

A. M. Zinin,
doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation,
honorary worker of higher professional
education of the Russian Federation,

A. V. Kamalyan,
doctor of medical sciences

Yu. F. Kamenetsky,
candidate of legal science, associate professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,

M. V. Kardashevskaya
doctor of legal science, professor

I. M. Komarov,
doctor of legal science, professor,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,

A. E. Kukushkin,
Chairman of the National Association of Organizations of Veterans of investigative bodies "Union of Veterans of Investigation" —
Chairman of the International Union of criminologists

N. P. Mailis,
doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation,
honorary member of the Lithuanian Forensic Society,
member of the International Community of Forensic Experts,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists

A. A. Mokhov,
doctor of legal science, professor,
honorary worker of education of
the Russian Federation

E. R. Rossinskaya,
doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honorary worker of higher professional education of
the Russian Federation,
academician of the Russian Academy of Sciences

I. M. Rahimov,
President of the Association of Lawyers
of the countries Black Sea-Caspian region,
foreign member of the Russian Academy of Sciences,
doctor of legal science, professor

A. I. Savenkov,
doctor of legal science, professor, academician of
the Russian Academy of Sciences,
member of the Presidium of the International Union of Criminalists,
honored lawyer of the Russian Federation

K. K. Seitenov,
doctor of legal science, professor,
member of the International Union of Criminalists,

S. A. Smirnova,
doctor of legal science, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation

O. A. Sokolova,
doctor of legal science, professor

A. I. Usov,
doctor of legal science, professor

O. V. Khimicheva,
doctor of legal science, professor,
honored worker of the higher school
of the Russian Federation

L. V. Chichanovskaya,
doctor of medical sciences, professor

V. N. Chulakhov,
doctor of legal science, professor

A. I. Shved,
doctor of legal science (Republic of Belarus)

N. D. Eriashvili,
doctor of economics, candidate of legal science,
candidate of historical sciences,
honorary worker of Education of the Russian
Federation, honorary lawyer of Russia,
laureate of the Russian Government Prize
in science and technology, laureate of the
Government of the Russian Federation Award
in the field of education

2026
№ 2

МИР КРИМИНАЛИСТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Информация о научно-практическом форуме Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева 5

Бастрыкин А.И. Военные преступления киевского режима не останутся безнаказанными 23

Антонова Е.Ю. Противодействие распространению деструктивной идеологии среди несовершеннолетних в цифровом пространстве: уголовно-политические аспекты 27

Гайворонская А.А. Использование деструктивных идей для вовлечения подростков в экстремистскую деятельность 33

Гурьянов Д.И. Трансформация механизмов вовлечения подростков в организованные преступные группы через цифровую среду: кризис традиционной профилактики и необходимость цифрового ответа 37

Карагодин В.Н. Основные элементы методики расследования совершаемого в школах насилия в отношении несовершеннолетних 43

Литвишко П.А. Понятие электронного доказательства в международном и национальном контекстах 48

Озеров И.Н. К вопросу о пределах компетенции следователя, оперативного подразделения и специалиста при раскрытии и расследовании преступлений в особых условиях 60

Ревин В.В. Правовая природа виртуального имущества как предмета хищения: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства 69

Скобелин С.Ю. Транснациональная киберпреступность как угроза национальной безопасности 79

Хорев М.В., Бондаренко Р.В. Открытые данные как инструмент борьбы с трансграничной киберпреступностью 84

Чеснокова Е.В. Использование технологий искусственного интеллекта при совершенствовании научно-методического обеспечения судебной экспертизы 89

Шайкова М.В. Детерминанты деструктивного поведения несовершеннолетних в современном социуме 93

Шеметов А.К. Направления поиска малолетнего, пропавшего без вести 99

Следствие сквозь годы…

Звягинцев А.Г. Аромат вины 103

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-87142
от 05 апреля 2024

Учредители ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»
ООО «Издательство Юнити-Дана»

Главный редактор

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
почетный работник
сферы образования
Российской Федерации,
Лауреат премии Правительства
Российской Федерации
в области науки и техники,
Лауреат премии Правительства
Российской Федерации
в области образования

В. Н. Закаидзе,
Генеральный директор
Издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел/факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

Редакция и внешние рецензенты не несут ответственности за качество, правильность и корректность цитирования произведений авторами статей.

Ответственность за качество, правильность и корректность цитирования произведений несут исключительно авторы опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru
www.niion.org

2026
№ 2

THE WORLD OF CRIMINALISTICS

Chief editor

N. D. Eriashvili,
doctor of economics,
candidate of legal science, candidate of historical sciences,
honorary worker of Education
of the Russian Federation,
laureate of the Russian
Government Prize
in science and technology,
laureate of the Government
of the Russian Federation
Award in the field
of education

V. N. Zakaidze,
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»
1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel/fax: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

The editors and external reviewers are not responsible for quality, correctness and correctness of citation of works by authors articles.

Responsibility for quality, correctness and correct citation of works bear exclusively authors of published materials.

www.unity-dana.ru
www.niion.org

CONTENT

Information about the scientific and practical forum Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev 5

Bastrykin A.I. The War Crimes of the Kiev Regime Will Not Go Unpunished 23

Antonova E.Yu. Countering the Spread of Destructive Ideology among Minors in the Digital Space: Criminal and Political Aspects 27

Gayvoronskaya A.A. The Use of Destructive Ideas to Involve Minors in Extremist Activities 33

Guryanov D.I. The Transformation of Mechanisms for Involving Minors in Organized Criminal Groups through the Digital Environment: The Crisis of Traditional Prevention and the Need for a Digital Response 37

Karagodin V.N. The Main Elements of the Methodology for Investigating Violence Against Minors in Schools 43

Litvishko P.A. The Concept of Electronic Evidence in the International and National Contexts 48

Ozerov I.N. On the Limits of the Competence of an Investigator, an Operational Unit, and a Specialist in the Disclosure and Investigation of Crimes in Special Conditions 60

Revin V.V. The Legal Nature of Virtual Property as an Object of Theft: A Comparative Legal Analysis of Russian and Foreign Legislation 69

Skobelin S.Yu. Transnational Cybercrime as a Threat to National Security 79

Khorev M.V., Bondarenko R.V. Open Data as a Tool for Combating Cross-Border Cybercrime 84

Chesnokova E.V. The Use of Artificial Intelligence Technologies in Improving the Scientific and Methodological Support for Forensic Expertise 89

Shaykova M.V. Determinants of Destructive Behavior among Minors in Modern Society 93

Shemetov A.K. Directions for Searching for Minors Who Have Gone Missing Investigation 99

Through the Years...

Zvyagintsev A.G. The Scent of Guilt 103

Информация о научно-практическом форуме Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Открытие научно-практического форума «Борьба с киберпреступностью: современные вызовы, угрозы и пути их решения»

С 27 по 29 мая 2026 г. во исполнение п. 5 Плана научно-исследовательской деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева на 2026 г. и в соответствии с Планом работы Международного союза криминалистов в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева состоялся научно-практический форум «Борьба с киберпреступностью: современные вызовы, угрозы и пути их решения», включающий следующие мероприятия.

1. *Международная научно-практическая конференция, проводимая совместно с Международным союзом криминалистов: «Противодействие транснациональной киберпреступности: наука, практика, образование, судебная экспертиза» (Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Москва, 27 мая 2026 года).*

Выступление ректора Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева А.А. Бессонова на открытии форума

В рамках конференции был организован круглый стол «Судебные экспертизы при расследовании киберпреступлений» (Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Москва, 27 мая 2026 г.).

2. *II Всероссийская научно-практическая конференция «Организация профилактической работы с подростками, имеющими деструктивную идеологию» (Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Москва, 29 мая 2026 г.).*

В рамках конференции проведены круглые столы:

- «Расследование и предупреждение киберпреступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних: проблемы и пути их решения» (Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Екатеринбург, 29 мая 2026 г.);
- «Правовые аспекты борьбы с проявлениями киберэкстремизма и терроризма в молодежной среде», посвященный памяти почетного профессора Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева В.В. Бычкова (Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Москва, 29 мая 2026 г.).

3. *Научно-практическая конференция «Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними: проблемы и пути их решения» (Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Хабаровск, 29 мая 2026 г.).*

Научно-практический форум «*Борьба с киберпреступностью: современные вызовы, угрозы и пути их решения*» объединил на своих площадках более 400 участников (415), среди которых 55 докторов наук и 147 кандидатов наук. Итоги форума определили следующие мероприятия.

Демонстрационная площадка отечественных программных продуктов для извлечения информации из мобильных устройств, восстановления паролей к широкому ряду приложений, а также для восстановления доступа к зашифрованной информации

IV Международная научно-практическая конференция
«Противодействие транснациональной киберпреступности:
наука, практика, образование, судебная экспертиза»
Москва, 27 мая 2026 г.

В конференции приняли участие 163 человека, в том числе 15 докторов и 51 кандидат наук.

Дискуссионное поле конференции было образовано следующей научно-практической тематикой:

- противодействие киберпреступности в Российской Федерации и мировом пространстве: современные тенденции;
- киберпреступность: проблемы квалификации и расследования;
- международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы;
- подготовка кадров в сфере противодействия киберпреступлениям.

Выступление заместителя начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации кандидата юридических наук, государственного советника юстиции 3 класса, П. А. Литвишко

Высокий уровень мероприятия был обусловлен выступлениями следующих руководителей подразделений правоохранительных органов федерального уровня, непосредственно занимающихся борьбой с киберпреступлениями:

- *Александра Евгеньевича Кречета* — директора Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, генерал-майора юстиции;
- *Станислава Алексеевича Васильева* — и. о. заместителя руководителя управления контроля за следственными органами Главного следственного управления;
- *Петра Андреевича Литвишко* — заместителя начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации — начальника управления правовой помощи и правоохранительного содействия, кандидата юридических наук, государственного советника юстиции 3-го класса;
- *Данилы Владимировича Филлипова* — заместителя начальника Следственного департамента МВД России, генерал-майора юстиции;
- *Анастасии Викторовны Громовой* — заместителя начальника ЭКЦ МВД России, кандидата филологических наук, полковника полиции;
- *Максима Александровича Толкачева* — заместителя начальника Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России, полковника полиции.

Выступление заместителя начальника Следственного департамента МВД России генерал-майора юстиции Д.В. Филиппова

Международное участие было представлено делегатами таких учреждений, как Центр противодействия современным вызовам и внедрения цифровых технологий Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, Следственное управление Генеральной прокуратуры Республики Абхазия, Главная транспортная прокуратура Республики Казахстан, Главная военная прокуратура Республики Казахстан, прокуратура Акмолинской области Республики Казахстан.

На межведомственном уровне внесли свой вклад сотрудники следующих организаций: Главного следственного управления и Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, Следственного департамента МВД России, Центра ИИ МГИМО МИД России, Департамента противодействия мошенничеству ПАО «Сбербанк».

Активно присоединились к обсуждаемой тематике представители научных школ Академии управления МВД России, Волгоградской академии МВД России, Саратовской государственной юридической академии, Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Российской государственной академии интеллектуальной собственности, МГТУ имени Н.Э. Баумана, Российского государственного университета правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева, Университета прокуратуры Российской Федерации, Университета имени О.Е. Кутафина, Байкальского государственного университета, Российского биотехнологического университета, Института судебных экспертиз РУДН имени Патриса Лумумбы, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Государственного социально-гуманитарного университета, Института финансовых технологий и экономической безопасности НИЯУ МИФИ, Калининградского государственного технического университета, Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации.

В аспекте судебно-экспертной деятельности активно в работу включились сотрудники РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, ЭКЦ МВД России.

Работа IV Международной научно-практической конференции
«Противодействие транснациональной киберпреступности: наука, практика, образование, судебная экспертиза»

В дискуссии приняли участие сотрудники территориальных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: по Хабаровскому краю и Еврейской ав-

тономной области, по Республике Башкортостан, по Забайкальскому краю, по Ульяновской области, по Пермскому краю, по Тверской области, по Липецкой области, по Чеченской Республике, по Амурской области, по Красноярскому краю и Республике Хакасия, по Орловской области и др.

Также следует отметить представителей следующих научных школ: Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Института государства и права РАН, Центра трансфера технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Культурного центра имени И.М. Астахова.

В рамках конференции была организована демонстрационная площадка отечественных программных продуктов для извлечения информации из мобильных устройств, восстановления паролей к широкому ряду приложений, а также для восстановления доступа к зашифрованной информации, в том числе разработанных преподавателями и курсантами Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева и Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

На Молодежной секции конференции курсантам московских вузов была предоставлена возможность показать результаты собственных научных исследований, в том числе разработанного программного обеспечения для сбора и обработки цифровой информации.

Участники конференции констатировали, что развитие информационно-коммуникационных технологий влечет изменение форм и методов противодействия киберпреступности, включая неправомерную трансграничную деятельность в киберпространстве. В совместном заявлении участники конференции выразили общую обеспокоенность существующим уровнем киберпреступности. Заслушав и обсудив доклады и сообщения, участники конференции отмечают актуальность следующих направлений:

1) создание ведомственного реестра и рипозитория (централизованного цифрового хранилища) криминалистических методик и релевантных научно-методических материалов на основе системы научно-методического обеспечения как прогрессивного комплекса всех видов методических материалов и процессов их разработки, валидации и внедрения в практику расследования киберпреступлений;

2) развитие облачных платформ для безопасного и неизменного хранения цифровой доказательственной информации с применением блокчейн-технологий и распределенных реестров;

3) совершенствование программных технико-криминалистических средств для автоматизированного поиска, фиксации и исследования цифровой информации на базе технологий искусственного интеллекта, позволяющих анализировать большие массивы данных;

4) развитие технологий искусственного интеллекта в решении задач выявления, фиксирования и исследования следов преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, а также прогнозировании и предупреждении таких преступных проявлений на стадии приготовления;

5) формирование федерального централизованного криминалистического учета объектов, необходимых для расследования киберпреступлений (IP-адреса, адреса электронной почты, ID-идентификаторы аккаунтов в мессенджерах, данные банковских карт и счетов, используемые для совершения преступлений; почерк преступника при написании программного кода и др.).

Круглый стол
«Судебные экспертизы при расследовании киберпреступлений»
Москва, 27 мая 2026 г.

Работа круглого стола «Судебные экспертизы при расследовании киберпреступлений»

В рамках конференции состоялся круглый стол «Судебные экспертизы при расследовании киберпреступлений», в ходе которого обсуждались вопросы, затрагивающие:

- правовые и организационные проблемы судебно-экспертной деятельности в эпоху цифровизации;
- теоретические и прикладные аспекты родов и видов судебных экспертиз;
- современное состояние и тенденции развития частных судебно-экспертных теорий и учений и их роль в расследовании киберпреступлений.

В круглом столе приняли участие более 95 человек, из них 10 докторов, 35 кандидатов наук.

В ходе проведения мероприятия было отмечено, что взаимодействие специалистов в области судебно-экспертной деятельности на международном и межведомственном уровнях откроет несомненные перспективы для разработки адекватных ответов на противоправную деятельность с использованием современных цифровых технологий. Результатом работы круглого стола стали следующие положения:

1) технологии искусственного интеллекта обладают большим потенциалом в судебной экспертизе. Тем не менее в данный момент не представляется возможным применять нейросети во всех рутинных функциях в работе судебных экспертов;

2) распространенными видами киберпреступлений являются фишинг, атаки с использованием программ-вымогателей (ransomware), криптоджекинг (использование ресурсов жертвы для майнинга криптовалюты), утечки данных, DDoS-атаки, атаки на критическую инфраструктуру, которые требуют разработки мер по их предупреждению, в том числе в рамках экспертной профилактики;

3) основным направлением эволюции кибермошенничества признано развитие инструментов искусственного интеллекта, в связи с чем требуется разработка программного обеспечения его выявления, в том числе в ходе производства судебных экспертиз.

II Всероссийская научно-практическая конференция
«Организация профилактической работы с подростками,
имеющими деструктивную идеологию»
Москва, 29 мая 2026 г.

В рамках II Всероссийской научно-практической конференции «Организация профилактической работы с подростками, имеющими деструктивную идеологию», проведенной во исполнение п. 5.6 Плана научно-исследовательской деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева на 2026 г., рассмотрены следующие вопросы:

- предупреждение преступлений, совершаемых под воздействием деструктивной идеологии;
- противодействие распространению деструктивной идеологии (уголовно-правовые и криминологические аспекты);
- деструктивная идеология как предмет научных исследований;
- расследование преступлений, совершенных подростками — представителями деструктивных субкультур.

В конференции приняли участие представители государственной власти, практические работники и ведущие ученые в сфере юриспруденции, педагогики, психологии, политологии и филологии. Среди выступающих:

- депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *Татьяна Викторовна Буцкая*;
- генеральный директор Центра изучения и сетевого мониторинга молодежной среды *Максим Николаевич Лупин*;
- заместитель руководителя аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка *Екатерина Альбертовна Балан*;
- заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук *Александр Иванович Чучаев*.

Мероприятие объединило 62 участника, в том числе 23 доктора и 11 кандидатов наук.

Выступление ректора Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева А.А. Бессонова на конференции «Организация профилактической работы с подростками, имеющими деструктивную идеологию»

В мероприятии также приняли участие сотрудники организационно-аналитического отдела управления процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений и третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, сотрудники и аспиранты Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, представители Университета прокуратуры Российской Федерации, Академии управления МВД России, Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Научно-исследовательского института ФСИН России, Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, Российской государственной академии интеллектуальной собственности и других высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов.

Выступление депутата Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации Т.В. Буцкой

В докладах были сформулированы основные проблемы, связанные с распространением деструктивной идеологии среди несовершеннолетних, названы основные направления совершенствования профилактической работы и отмечена особая роль Следственного комитета Российской Федерации в данной деятельности. После каждого выступления проходила научная дискуссия.

Выступление профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
доктора юридических наук, профессора Л.Р. Клебанова

Участники конференции, представляющие научное сообщество, образовательные организации, правоохранительные органы, органы государственной власти, экспертные учреждения, специалисты в области права, криминологии, психологии, педагогики, социологии, информационной безопасности и молодежной политики, обсудив современные тенденции преступности несовершеннолетних, проблемы распространения деструктивной идеологии в молодежной среде в современной России, а также вопросы противодействия киберэкстремизму, предупреждения де-

виантного поведения подростков и совершенствования механизмов государственной профилактической деятельности, пришли к следующим выводам.

1. Современное состояние подростковой преступности характеризуется существенной трансформацией факторов, определяющих противоправное поведение несовершеннолетних. Наряду с традиционными причинами, связанными с семейным неблагополучием, недостатками воспитания, социальным неравенством и негативным влиянием ближайшего окружения все большее значение приобретают цифровые факторы риска.

2. Информационно-телекоммуникационная среда становится не только пространством социализации несовершеннолетнего, но и средством распространения деструктивных установок, противоправных моделей поведения и криминальных практик. Особую тревогу вызывает использование цифровых технологий в стране для вовлечения подростков в совершение преступлений террористической, экстремистской, мошеннической, диверсионной и иной направленности. Современные механизмы вовлечения несовершеннолетних отличаются высокой степенью латентности, психологической адаптивностью и использованием методов информационного воздействия, рассчитанных на возрастные особенности подростков.

3. Профилактическая деятельность в отношении несовершеннолетних должна быть ориентирована не только на предупреждение сформировавшихся противоправных установок, но и на раннее выявление факторов риска, способных привести к формированию деструктивной идеологии у подростка.

Существующая система профилактики нуждается в дальнейшей модернизации с учетом новых цифровых вызовов, изменений структуры подростковой среды и появления ранее неизвестных форм противоправного поведения. Особое внимание должно быть уделено формированию устойчивой правовой культуры несовершеннолетних.

4. Значительная часть подростков обладают фрагментарными (клиповыми) знаниями о действующем законодательстве, не осознают правовых последствий своих действий и зачастую воспринимают противоправное поведение как допустимый способ достижения личных целей. В связи с этим представляется необходимым усиление правового просвещения несовершеннолетних путем совершенствования образовательных программ.

Выступление главного научного сотрудника НИЦ 4 ВНИИ МВД России
доктора юридических наук, профессора, полковника милиции в отставке А.М. Воронова

Целесообразным является возвращение в образовательные программы общеобразовательных организаций учебных дисциплин правовой направленности, включая курсы «Человек и закон», «Правоведение» и иные формы системного правового образования школьников. Правовое воспитание должно носить непрерывный характер и осуществляться на протяжении всего периода обучения.

5. В настоящее время значительная часть профилактической деятельности строится на демонстрации негативных примеров противоправного поведения. Необходимым представляется обеспечение государственной поддержки проектов, ориентированных на создание положительного контента для подростковой аудитории. Существенное значение имеет исследование мотивации совершения преступлений несовершеннолетними.

6. Необходимо разработать межведомственный проект сопровождения несовершеннолетних в сфере цифровой грамотности и профилактики деструктивного поведения с участием образовательных организаций, органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних, органов социальной защиты населения, учреждений молодежной политики, психологических служб и аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Реализация такого проекта позволит обеспечить непрерывное сопровождение подростков группы риска и повысить эффективность принимаемых профилактических мер.

Участники конференции выражают уверенность в том, что реализация обозначенных направлений будет способствовать снижению уровня подростковой преступности, укреплению правопорядка, защите прав и законных интересов несовершеннолетних, а также формированию безопасной и благоприятной среды для развития подрастающего поколения Российской Федерации.

Работа конференции «Организация профилактической работы с подростками, имеющими деструктивную идеологию»

Круглый стол
«Правовые аспекты борьбы с проявлениями киберэкстремизма и терроризма в молодежной среде», посвященный памяти почетного профессора Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева В.В. Бычкова
Москва, 29 мая 2026 г.

Работа круглого стола «Правовые аспекты борьбы с проявлениями киберэкстремизма и терроризма в молодежной среде»

Всероссийский круглый стол «Правовые аспекты борьбы с проявлениями киберэкстремизма и терроризма в молодежной среде» был посвящен памяти почетного профессора Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, почетного сотрудника Следственного комитета Российской Федерации Василия Васильевича Бычкова, который занимался исследованием данной проблематики.

В круглом столе принял участие 21 человек, в том числе 6 докторов и 15 кандидатов наук.

С приветственным словом к участникам конференции обратился *Владимир Антонович Прорвич* — профессор-исследователь Департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ Высшей школы экономики, почетный профессор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, который отметил вклад Василия Васильевича Бычкова в создание академии, развитие юридической науки в России и в разработку мер по борьбе с киберэкстремизмом.

В работе круглого стола приняли участие представители ведущих высших учебных заведений страны:

- *Алексей Иванович Клименко* — начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
- *Сергей Борисович Вепрев* и *Александр Павлович Опальский* — профессора Президентской академии (РАНХиГС);
- *Анатолий Михайлович Багмет* — заместитель руководителя Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции;
- *Валерий Николаевич Карагодин* — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции.

Круглый стол стал эффективной площадкой для обсуждения вопросов борьбы с киберэкстремизмом и терроризмом в молодежной среде и диалога между учеными различных научных специальностей.

Круглый стол
«Расследование и предупреждение киберпреступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних: проблемы и пути их решения»
(Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, г. Екатеринбург)
29 мая 2026 г.

Работа круглого стола «Расследование и предупреждение киберпреступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних: проблемы и пути их решения»

Мероприятие объединило на своей площадке представителей Московской и Санкт-Петербургской академий Следственного комитета, Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, уполномоченных по правам человека и по правам ребенка в Свердловской области, преподавателей Уральского юридического института МВД России, Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева и сотрудников территориальных следственных органов Следственного комитета.

Конференция объединила на своей площадке 22 участника, среди которых 1 доктор наук, 11 кандидатов наук.

В ходе проведения круглого стола обсуждались вопросы:

- организационные и правовые проблемы обеспечения безопасности несовершеннолетних;
- характеристика причин и мер предупреждения преступности в отношении несовершеннолетних;
- средства, приемы и методы раскрытия и расследования преступлений рассматриваемого вида;
- психологические, тактико-организационные приемы установления психологического контакта с несовершеннолетним, получения от него достоверных и полных показаний;
- дискуссионные вопросы уголовно-правовой оценки преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

По итогам круглого стола участниками отмечено следующее.

1. Целесообразность дальнейших научных исследований и выработки рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение киберпреступлений и иных противоправных посягательств в отношении несовершеннолетних.

2. Необходимость наращивания усилий по организации криминалистического обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, в том числе с использованием современных цифровых технологий.

3. Междисциплинарный характер криминалистических изысканий проявляется в выявлении типичных психологических свойств личности несовершеннолетних разных возрастных групп, особенностей их поведения, обусловленных этими и иными факторами, специфики способов преступлений, совершаемых в отношении таких пострадавших, поведения таких лиц в ходе досудебного производства.

Разработка названных инновационных средств не является самоцелью, а вместе с традиционными инструментами арсенала следователя должна быть направлена на повышение эффективности досудебного производства по фактам совершения преступлений рассматриваемого вида.

Научно-практическая конференция
«Расследование и предупреждение преступлений,
совершенных несовершеннолетними: проблемы и пути их решения»
(Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева)
29 мая 2026 г.

В работе конференции приняли участие:

- судья Индустриального районного суда г. Хабаровска;
- заместитель начальника управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних УМВД России по Хабаровскому краю;
- кинорежиссер, член Союза кинематографистов России;
- заместитель начальника отдела финансовых расследований Росфинмониторинга по ДФО;
- начальник отдела экстренной психологии КГА НОУ «Хабаровский центр развития психологии и детства «Психология»;
- сотрудники экспертных учреждений ЭКЦ СК России;
- представитель Восточного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации;
- представитель отдела криминалистического сопровождения следствия по ДФО (КЦ) СУ СК России;
- представитель СУ СК России по Хабаровскому краю и ЕАО;

• профессорско-преподавательский состав учебных заведений: института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова; Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева; Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации; Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева; Новосибирского и Хабаровского филиалов Академии; курсант 4 курса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

В конференции приняли участие 52 ученых и практических работника, из них 24 кандидата наук, 23 сотрудника СК России.

Работа научно-практической конференции «Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними: проблемы и пути их решения»

В ходе пленарного заседания оживленные дискуссии вызвали выступления:

• судьи Индустриального районного суда Хабаровска *Г.В. Прокопова*, который отметил рост количества дел, рассматриваемых судом, где подсудимыми фигурируют несовершеннолетние;

• заместителя начальника управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних УМВД России по Хабаровскому краю *Н.В. Белозеровой* о необходимости профилактики преступлений среди несовершеннолетних и об имеющимся положительном опыте такой работы в Хабаровском крае;

• кинорежиссера, члена Союза кинематографистов России *Л.Н. Чернявского*, который обозначил проблему негативного влияния кинематографа на сознание несовершеннолетних;

• начальника отдела экстренной психологии КГАНОУ «Хабаровский центр развития психологии и детства «Психология»» *В.Н. Афанасьевой*, которая отметила проблемы взаимодействия с родителями несовершеннолетних, ставшими жертвами насилия;

• сотрудников криминалистических подразделений Следственного комитета, доложивших о возможностях раскрытия современных преступлений, совершаемых с исполь-

зованием телекоммуникационных технологий, по электронным следам, в том числе путем взаимодействия с администрациями социальных сетей, использования ресурсов сети Интернет.

Неподдельный интерес участников конференции вызвали выступления:

- заместителя начальника отдела финансовых расследований Росфинмониторинга по ДФО *Е.Е. Кочетова*;
- заместителя начальника по научной работе ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова *В.В. Семенчука*.;
- старшего эксперта Дальневосточного филиала Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации *Д.Л. Иванова*,
- следователя-криминалиста отдела криминалистического сопровождения следствия по ДФО ГУК (КЦ) СК России *А.Е. Антонюка*,

которые также отметили важность использования криминалистической значимой информации в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними.

По итогам конференции сделаны выводы и выдвинуты предложения:

1) о росте отдельных видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними, появлении новых способов совершения киберпреступлений, требующих адекватного реагирования со стороны правоохранительных органов и судебной системы;

2) о значимости комплексных профилактических мероприятий для предупреждения девиантного поведения среди несовершеннолетних при участии образовательных организаций, подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, иных подразделений правоохранительных органов, служб психологической помощи населению и других заинтересованных организаций;

3) о необходимости повышения квалификации следователей Следственного комитета Российской Федерации в части работы с цифровыми следами преступлений, их отыскания, процессуального закрепления и дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовным делам.

По итогам форума будет подготовлен тематический сборник научных статей с размещением в библиографической базе данных РИНЦ. Наиболее интересные научные статьи вошли в настоящий номер.

УДК 343

© Бастрыкин А.И., 2026

Военные преступления киевского режима не останутся безнаказанными

Александр Иванович Бастрыкин
Следственный комитет Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается широкий круг вопросов, касающихся расследования Следственным комитетом Российской Федерации преступлений киевского режима, в том числе в отношении детей. Анализ работы на данном направлении проводится на конкретных примерах с использованием статистических данных.

Ключевые слова: киевский режим, преступления против детей, защита прав граждан, Следственный комитет Российской Федерации.

Для цитирования: Бастрыкин А.И. Военные преступления киевского режима не останутся безнаказанными // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 23—26.

The war crimes of the Kiev regime will not go unpunished

Alexander I. Bastrykin
Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article examines a wide range of issues related to the investigation by the Investigative Committee of the Russian Federation of crimes committed by the Kiev regime, including those against children. The analysis of work in this area is based on specific examples using statistical data.

Keywords: Kiev regime; crimes against children; protection of citizens' rights; Investigative Committee of the Russian Federation.

For citation: Bastrykin A.I. The war crimes of the Kiev regime will not go unpunished // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 23—26.

Следственный комитет Российской Федерации (далее — СК России) с 2014 г. расследует преступления против мира и безопасности человечества, совершенные представителями силовых структур киевского режима.

За указанный период возбуждено свыше 10 тыс. уголовных дел, в рамках которых к уголовной ответственности привлекаются более 2400 лиц, включая военное и политическое руководство Украины, представителей украинских воинских формирований и наемников, членов радикальных националистических объединений[1].

Криминальная агрессия киевского режима выражается в ударах по гражданской инфраструктуре, убийствах мирных жителей, использовании иностранных наемников, жестоком обращении с населением и идеологическом сопровождении насилия. Не иначе как попиранием международных норм, в том числе Женевских конвенций о защите гражданского населения во время войны (1949) и дополнительных протоколов к ним[2], Конвенции о правах ребенка 1989 г.[3] и ряда других значимых международных актов, регулирующих защиту гражданского населения во

[1] Здесь и далее приведены статистические данные по состоянию на 1 июня 2026 г.

[2] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [рус., англ.] (Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным»), Заключена в г. Женеве 12.08.1949 (с изм. от 08.12.2005).

[3] *Конвенция* о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

время конфликтов, можно назвать применение в отношении мирных граждан тяжелого наступательного вооружения, прицельный обстрел больниц, школ и детских садов.

В результате украинской агрессии пострадали почти 31 тыс. мирных жителей, из которых 7774 погибли, в том числе 242 несовершеннолетних; получили ранения различной степени тяжести свыше 23 тыс. человек, среди которых 1270 детей. Общий размер причиненного ущерба в результате уничтожения объектов гражданской инфраструктуры составляет 560 млрд руб. Судами рассмотрено 884 уголовных дела, обвинительные приговоры постановлены в отношении 1152 лиц. За совершение наиболее жестоких преступлений 82 подсудимым назначено пожизненное лишение свободы.

В настоящее время в Верховном суде ДНР рассматривается уголовное дело в отношении 41 должностного лица из числа высшего политического и военного руководства Украины по обвинению в геноциде жителей Донецкой и Луганской народных республик.

В общем массиве следователями СК России возбуждено свыше 5 тыс. уголовных дел по фактам украинских обстрелов различным вооружением, атак с применением беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА) 53 субъектов Российской Федерации, а также вторжения в приграничные регионы России. Только в результате указанных преступных действий задокументирована гибель 1412 мирных жителей, из них 45 детей, ранения различной степени тяжести получили 6566 человек, в том числе 399 несовершеннолетних.

Объектами атак и поражения является критически важная гражданская инфраструктура, предприятия ВПК, нефтяная и энергетическая отрасли.

Вооруженными силами Украины не прекращаются попытки совершения и «ядерного терроризма» путем атак беспилотными воздушными судами Запорожской, Курской и Смоленской АЭС. На данных объектах атомной энергетики фиксировались повреждения хранилища отработанного ядерного топлива, механического и реакторного цехов.

Как уже отмечалось, под ударами оказываются и многоквартирные жилые дома, административные здания, школы, детские сады, лечебные учреждения, иные социально значимые объекты.

Главной причиной жертв среди мирного населения являются осуществляемые представителями киевского режима обстрелы объектов гражданской инфраструктуры из оружия взрывного (неизбирательного) действия, стрелкового и легкого вооружения, преимущественно производства стран НАТО.

Задокументированы факты применения БПЛА модели «Лорд» (Швейцария), «Стикер» (Австралия), иных разведывательных БПЛА иностранного производства. На местах их падений и взрывов изъяты комплектующие стран НАТО (США, Великобритания, Германия, Италия, Чехия, Турция, Прибалтийские страны). Тем самым страны НАТО, по сути, являются стороной украинского конфликта, непрерывно поставляя киевскому режиму новейшее вооружение, а инструкторы Североатлантического альянса организовывают подготовку наемников и террористов для участия в антироссийских операциях.

Наряду с ежедневными атаками по приграничным населенным пунктам Белгородской, Брянской и Курской областей, а также в глубь страны противником продолжаются удары по территории Новороссии.

Особо обращают на себя внимание циничные действия киевского режима по осуществлению прицельных атак на образовательные объекты, последствием которых являются гибель и причинение вреда здоровью детей.

Так, с 2014 г. вооруженными формированиями Украины были атакованы 2116 учреждений образования, среди которых детские сады, школы, колледжи. Такие факты, согласно международному гуманитарному праву, относятся к категории военных преступлений и преступлений против человечности.

В Запорожской области украинские военные 7 апреля 2026 г. дважды атаковали здание Великознаменской школы № 2 в с. Великая Знаменка с использованием десяти БПЛА, где находились 30 учеников и 18 педагогов. После прибытия на место оперативных служб и начала эвакуации боевиками был осуществлен повторный прицельный удар БПЛА по образовательному учреждению. В результате шесть учащихся школы получили ранения.

Очередным вопиющим свидетельством нацистской и террористической сущности киевского режима стал массированный ночной налет БПЛА Вооруженных сил Украины (далее — ВСУ), совершенный 22 мая 2026 г. по учебным корпусам Старобельского факультета Луганского государственного педагогического профессионального университета, Старобельского профессионального колледжа и Старобельского педагогического колледжа, а также по зданию студенческого общежития указанных учебных заведений.

Для расследования этого злодеяния 22 мая 2026 г. СК России возбуждено уголовноедело по факту совершения организованной группой террористического акта, повлекшего причинение смерти людям (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ). В ходе следствия установлено, что военнослужащие ВСУ, используя снаряженные взрывными устройствами не менее 7 БПЛА, целенаправленно нанесли массированные точечные удары по учебным корпусам и общежитию, достоверно зная, что эти объекты являются образовательными учреждениями, в которых обучаются и постоянно проживают студенты, в том числе несовершеннолетние. О преднамеренности действий украинских военных свидетельствует использование установленных на БПЛА антенн «Старлинк» для наведения на цель с помощью спутниковой связи.

В момент атаки в пятиэтажном здании общежития находились 85 студентов в возрасте от 15 до 22 лет и один комендант. В результате взрывов и последовавших возгораний произошло частичное обрушение межэтажных перекрытий общежития. Всего пострадали 67 молодых людей, которые в момент атаки спали, из них 21 погиб, ранения различной степени тяжести получили 46 студентов, в том числе 18 несовершеннолетних. Частичному разрушению также подверглись учебные корпуса. Потерпевшими признаны все подвергнутые атаке лица, а также близкие родственники погибших. В отношении всех пострадавших проводятся судебно-медицинские экспертизы.

Стоит подчеркнуть, что на местах происшествия обнаружены и изъяты семь двигателей БПЛА, фрагменты летательных аппаратов, осколки боеприпасов и поражающие элементы, а также фрагмент антенны «Старлинк». Следователями установлено, что обнаруженные фрагменты БПЛА украинского производства используются для изготовления таких типов аппаратов, как «Фаерпоинт-1», «Фаерпоинт-2» и «Журавець», способных нести боевую часть массой до 120 кг каждый. Для определения типа и мощности взрывных устройств и взрывчатых веществ в Центре специальной техники ФСБ России проводится взрывотехническая экспертиза.

Необходимо отметить, что во взаимодействии с Минобороны и МВД России следствием установлено, что запуск БПЛА осуществлен с территории Харьковской области военнослужащими 414-й отдельной бригады ВСУ «Птицы Мадьяра» под командованием Клименко. Дан-

ная бригада входит в состав сил беспилотных систем ВСУ под командованием Бровди. Целенаведение осуществлялось Главным управлением разведки Минобороны Украины, возглавляемым Иващенко. В отношении Клименко, Бровди и Иващенко вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых, они объявлены в международный розыск и заочно арестованы.

СК России продолжит работу до полного установления и привлечения к ответственности всех, кто причастен к организации и совершению подобных преступлений, независимо от их должностного положения или места нахождения. За совершение преступлений против мира и безопасности человечества никому не удастся уйти от ответственности.

Список источников

1. *Женевская* конвенция о защите гражданского населения во время войны [рус., англ.] (Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным»). Заключена в г. Женеве 12.08.1949 (с изм. от 08.12.2005).

2. *Конвенция* о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

References

1. *The Geneva* Convention for the Protection of Civilian Persons in Time of War [rus., eng.] (Together with the «Draft Agreement on Sanitary and Safe Zones and Localities», «Draft Rules concerning collective assistance to civilian internees»). Concluded in Geneva on 08/12/1949 (as amended dated 08.12.2005).

2. *Convention* on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989, entered into force for the USSR on 15.09.1990 // Collection of International treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.

Информация об авторе

А.И. Бастрыкин — Председатель Следственного комитета Российской Федерации, почетный Председатель Международного союза криминалистов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.I. Bastrykin — Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honorary Chairman of the International Union of Criminalists, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation.

УДК 343

© Антонова Е.Ю., 2026

Противодействие распространению деструктивной идеологии среди несовершеннолетних в цифровом пространстве: уголовно-политические аспекты

Елена Юрьевна Антонова
Московский университет «Синергия», Москва, Россия

E-mail: MIMorozova@synergy.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о рисках деструктивного влияния на несовершеннолетних, возникающих в связи с цифровой трансформацией общества. Делается акцент на некоторых уголовно-политических решениях, направленных на противодействие распространению деструктивной идеологии среди несовершеннолетних. Отмечается, что мер уголовно-правового характера недостаточно для предотвращения вовлечения несовершеннолетних лиц в противоправную деятельность.

Ключевые слова: несовершеннолетние, деструктивное воздействие, террористическая деятельность, диверсионная деятельность, насильственный контент, цифровые технологии, уголовная политика.

Для цитирования: Антонова Е.Ю. Противодействие распространению деструктивной идеологии среди несовершеннолетних в цифровом пространстве: уголовно-политические аспекты // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 27—32.

Countering the Spread of Destructive Ideology among Minors in the Digital Space: Criminal and Political Aspects

Elena Yu. Antonova
Moscow University «Synergy», Moscow, Russia

E-mail: MIMorozova@synergy.ru

Abstract. This article examines the risks of destructive influence on minors arising from the digital transformation of society. It highlights certain criminal policy decisions aimed at countering the spread of destructive ideology among minors. It notes that criminal law measures are insufficient to prevent minors from engaging in illegal activities.

Keywords: minors, destructive influence, terrorist activity, subversive activity, violent content, digital technology, criminal policy.

For citation: Antonova E.Y. Countering the Spread of Destructive Ideology among Minors in the Digital Space: Criminal and Political Aspects // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 27—32.

Развитие цифровых технологий и цифровая трансформация всех общественный отношений логически повлекли за собой и рост пользователей различных цифровых площадок. Активно «погружаются» в цифровой мир и несовершеннолетние, что подтверждается статистическими данными.

Так, исследования компании Mediascope[1] (данные на март 2025 г.) показывают, что в России пользуются Интернетом 90% детей в возрасте от 4 до 8 лет. К 9—11 годам число пользователей Интернета достигает 99%. Несовершеннолетние ежедневно выходят в интернет-пространство, как правило, через мобильные телефоны (смартфоны). 53% детей возрастной группы 4—8 лет хотя бы раз в месяц заходят в социальные сети, 19% — каждый день. Ежемесячная аудитория социальных сетей в возрастной группе 9—13 лет составляет 94%, ежесуточная — 65%. Наиболее активно пользуются социальными сетями дети в возрасте 14—17 лет:

[1] Mediascope — российская технологическая исследовательская компания, специализирующаяся на медиаисследованиях.

98% захотят в них ежемесячно, из них 85% — каждый день. 80% подростков 16—17 лет умеют редактировать фотографии, больше 50% — монтировать видео, больше 15% — записывать подкасты или вести стримы. У 24% лиц этой возрастной группы есть свой блог, еще 18% планируют его завести[1].

С учетом стремительного развития цифровых технологий можно, с одной стороны, утверждать, что «цифровое детство» является нормой современного общества. С другой стороны, такое раннее погружение в цифровое пространство увеличивает риски быть подвергнутым деструктивному воздействию.

По данным ВЦИОМ, только 10% россиян считают, что цифровая среда влияет на детей и подростков положительно, 30% полагают, что отрицательно, 57% придерживаются мнения, что она влияет на них в равной степени положительно и отрицательно[2].

Отрицать как положительные, так и негативные стороны влияния цифрового пространства на несовершеннолетних бессмысленно. Цифровая среда в настоящее время является ключевым источником информации, используется в образовательных целях и как средство общения между людьми.

Но необходимо помнить и о том, что цифровое пространство наполнено различного рода негативной информацией, деструктивно влияющей в первую очередь на несовершеннолетних. Так, в 2025 г. по требованию Роскомнадзора было удалено на 59% больше запрещенных материалов по сравнению с 2024 г. Особенно отмечается рост удаленных материалов, связанных с пропагандой ЛГБТ[3] (удалено 170 300 таких материалов, прирост к АППГ — 269%), наркотиков (удалено 229 300 материалов; +80%), детской порнографией (удалено 155 600 материалов; +131%), вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность (удалено 52 200 материалов, +60%) и др.[4]

Соответственно требуется четкое понимание того, какое деструктивное воздействие на несовершеннолетних оказывает цифровая среда и какие меры, в том числе уголовно-правового воздействия, необходимы, с тем чтобы его минимизировать. Разрабатывая такие меры, следует иметь в виду, что несовершеннолетние могут стать как потерпевшими от противоправных деяний, так и быть вовлеченными в таковые.

Чаще всего несовершеннолетние сталкиваются в цифровой среде с кибербуллингом, онлайн-грумингом, пропагандой суицидов и криминальных ценностей. Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка акцентирует внимание на рисках распространения дезинформации, которая используется, как правило, цифровыми мошенниками и инициаторами массовых беспорядков. Особенную популярность в последнее время набирают технологии замены изображения и порнографических роликов с использованием нейросетей для создания сцен унижения, в том числе в целях мести[5], а также пропаганды физического и психического насилия как нормы поведения в обществе.

Кроме того, в последние годы возросли радикализации несовершеннолетних и их вовлечение в террористическую деятельность, диверсию, экстремистские

[1] *Как* дети и подростки в России пользуются Интернетом. Интерографика // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3 (дата обращения: 22.05.2026).
[2] *Смак Т.* Дети в сети: обзор результатов исследования // Аналитический центр ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-v-seti (дата обращения: 21.05.2026).
[3] Организация признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.
[4] *Количество* удаленных РКН запрещенных материалов в 2025 году выросло на 59% // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2026/01/19/1170082-kolichestvo-udalennih-rkn-zapreschennih (дата обращения: 23.05.2026).
[5] *Доклад* о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году. М.а, 2024. С. 189.

деяния[1], сбыт наркотических средств и иных, запрещенных к обороту предметов в информационно-телекоммуникационных сетях[2] (далее — ИТС).

По данным МВД России, почти каждое третье (30,4%) преступление в 2025 г. совершено несовершеннолетними с использованием цифровых технологий — прирост к АППГ 14,1% (8,8 тыс.), в частности, было зарегистрировано имущественных преступлений 2,7 тыс. (+30,2%), незаконного оборота наркотиков — 992 (+11,2%), террористических и экстремистских преступлений — 266 (+3%)[3]. И это только преступлений, в процессе которых использовались цифровые технологии.

Для привлечения несовершеннолетних к совершению преступлений на цифровых площадках активно применяются такие инструменты, как социальные сети и онлайн-игры, через которые с ними устанавливается контакт, а дальнейшее взаимодействие происходит в ходе игр, общения в социальных сетях, тематических сообществах, в группах по трудоустройству. Происходит, как указывается в научной литературе, рекрутинг подростков со стороны лиц, личности которых тщательно законспирированы. Координация преступной деятельности также происходит на соответствующих цифровых площадках[4].

Несовершеннолетние являются наиболее уязвимой аудиторией, поскольку ввиду своего возраста они восприимчивы к получаемой информации и не всегда способны правильно оценить ее.

Кроме того, к психофизиологическим возрастным особенностям несовершеннолетних относят склонности к фантазиям, любопытству и игровому поведению. В результате этого отдельные подростки могут воспринимать преступную деятельность как некий квест[5].

Исследования показывают, что лица в возрасте от 12 до 17 лет непропорционально чаще вовлечены в некоторые формы кибердевиации по сравнению с другими возрастными группами. Среди этой группы подростков лица мужского пола чаще, чем женского, участвуют в большинстве форм кибердевиации, хотя некоторые данные свидетельствуют, что кибербуллинг и онлайн-преследование могут быть более распространены среди девочек-подростков. Кроме того, социально-экономическое неблагополучие также связано с хакерством, кибербуллингом и цифровым пиратством. Определенные модели использования технологий также связаны с вовлечением подростков в кибердевиацию, включая частоту использования цифровых устройств и Интернета и отсутствие родительского контроля в сети. Исследователи отмечают, что низкий самоконтроль также играет ключевую роль в кибердевиантности, во многом так же, как и в антисоциальном поведении подростков в реальной жизни[6].

---

[1] *Sela-Shayovitz R., Dayan H., Hasisi B.* Act of Age: Minor Lone-Actor Terrorists and Their Attacks // Crime & Delinquency. 2023. Vol. 69(5). P. 995—1019; *Антонова Е.Ю.* Вовлечение в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность с использованием цифровых технологий: уголовно-политический аспект // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф.: В 6 т. Казань, 20.09.2024. Казань: Познание, 2024. С. 14—24.

[2] *Антонова Е.Ю.* Противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXV Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч., Красноярск, 07—08 апреля 2022 г. Ч. 2. Красноярск: Сибир. юрид. ин-т МВД РФ, 2022. С. 22—24.

[3] *МВД*: почти треть преступлений подростков совершены с применением IT-технологий // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/26956827 (дата обращения: 23.05.2026).

[4] *Глянц Е.М.* Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность посредством взаимодействия в интернет-пространстве // Цифровые технологии и право: Сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 20 сентября 2024 г.): В 6 т. Т. 3 / Под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М.В. Залоило и др. Казань: Познание, 2024. С. 42—45.

[5] Там же.

[6] *Whitten T., Cale J., Brewer R.* et al. Exploring the Role of Self-Control Across Distinct Patterns of Cyber-Deviance in Emerging Adolescence // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2024. Vol. 0(0).

Названные и иные обстоятельства неминуемо повлекли за собой корректировки уголовного закона. Среди наиболее значимых, появившихся в уголовном законе относительно недавно, на наш взгляд, являются следующие:

- понижен возраст уголовной ответственности за преступления террористической и диверсионной направленности;
- установлена уголовная ответственность за целый ряд преступлений против личности, совершаемых с публичной демонстрацией в цифровом пространстве (так называемые треш-стримы), незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные, в том числе несовершеннолетних лиц, что вынесено в квалифицированный состав преступления (ч. 2 ст. 272.1 УК);
- нормы о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК) дополнены квалифицирующим признаком — «с использованием ИТС»; и т.д.

Есть в отечественном уголовном законе и иные нормы, направленные на противодействие деструктивному влиянию на несовершеннолетних, в том числе посредством цифровых технологий. Это целый ряд норм, предусматривающих ответственность за публичные призывы к совершению различных противоправных действий, пропаганду и публичное демонстрирование запрещенной атрибутики и символики, распространение заведомо ложной и опасной информации, искажение исторической правды.

Полагаем, что мер уголовно-правового характера для воздействия на лиц, оказывающих такое влияние на подрастающее поколение, в целом достаточно. Соглашаясь в целом с уголовно-политическими решениями в этой части, нельзя в полной мере согласиться с качеством принимаемых законов.

Например, нормы о содействии террористической и экстремистской деятельности, включающие в объективную сторону состава преступления такие действия, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение террористических и экстремистских преступлений, вооружение или подготовка лица в целях их совершения, дополнены квалифицирующим признаком «в отношении несовершеннолетнего». Данные составы преступлений теперь полностью охватывают состав о вовлечении несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления и не требует дополнительной квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 150 УК, поскольку предусматривают более строгое наказание, вплоть до пожизненного лишения свободы. Такое законодательное решение представляется правильным. Вместе с тем тот факт, что несовершеннолетние в настоящее время вовлекаются в преступную деятельность чаще всего через ИТС, законодатель почему-то учел только в ст. 150 УК РФ (п. «б» ч. 2), но не предусмотрел в ст. 205.1 и 281.1 УК РФ.

Считаем, что нормы о содействии террористической и диверсионной деятельности также должны быть дополнены квалифицирующим признаком «с использованием ИТС, включая сеть «Интернет»». Это соответствует требованиям социальной обусловленности — использование цифровых технологий увеличивает степень общественной опасности деяний, связанных с вовлечением (вербовкой, склонением) лиц в террористическую и диверсионную деятельность, является относительно распространенным и имеет тенденцию к увеличению деяний подобного рода.

Излишней представляется корректировка некоторых норм о насильственных преступлениях против личности, в которые законодатель добавил квалифицирующий признак «с публичной демонстрацией в СМИ или ИТС». Конечно, такой насильственный контент деструктивно

влияет, в том числе и в первую очередь, на несовершеннолетних, возводя насилие в норму и пропагандируя его на неопределенно широкую аудиторию. Вместе с тем такое законодательное решение затрудняет процесс квалификации преступлений, порождая трудности в определении места совершения преступления, момента его окончания, роли каждого соучастника при групповом выполнении объективной стороны и т.д. Логичнее было бы выделить в самостоятельный состав преступления «создание, распространение или публичную демонстрацию, в том числе в ИТС, материалов, содержащих сцены насильственных действий в отношении другого человека». Такое решение позволит исключить спорные вопросы квалификации преступлений, возникших в связи с названными выше корректировками уголовного закона, в том числе правильно оценить действие тех лиц, которые, будучи непричастными к самим насильственным действиям, создают, распространяют или публично демонстрируют насильственный контент. В предложенном составе преступления в качестве отягчающего признака можно предусмотреть «использование в процессе создания соответствующего деструктивного материала технологий искусственного интеллекта и дипфейков». Использование таких цифровых технологий увеличивает степень общественной опасности деяния, в том числе в ситуациях, когда при их помощи искусственно добавляется изображение человека, который не имеет отношение к совершаемому действию, демонстрирующемуся на фото- или видеоматериале (в независимости от того, кто изображается — насильник или жертва).

Вопрос о понижении возраста уголовной ответственности за преступления террористической и диверсионной деятельности до 14 лет представляется спорным. Полагаем, что данный вопрос решен без учета психофизиологических особенностей несовершеннолетних лиц.

Основной акцент в противодействии таких преступлений со стороны несовершеннолетних должен, на наш взгляд, решаться путем предотвращения фактов их вовлечения в такую деятельность со стороны взрослых лиц и профилактических мер в рамках различных образовательных, просветительских, воспитательных и патриотических мероприятий. На данное обстоятельство указывается и в Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий (утв. распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р)[1], которая среди основных задач обозначает совершенствование профилактических мер по снижению доли несовершеннолетних, вовлеченных в противоправную деятельность в информационно-коммуникационной сфере. Для этого следует активнее использовать различные цифровые площадки.

Подводя итог сказанному, отметим, что уголовно-политические решения должны быть научно обоснованными, системными, выверенными. Только это позволит избежать несогласованности норм между собой и выработать действительно эффективные меры уголовно-правового воздействия на лиц, оказывающих деструктивное воздействие на подрастающее поколение.

Список источников

1. *Антонова Е.Ю.* Вовлечение в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность с использованием цифровых технологий: уголовно-политический аспект // Цифровые технологии и

[1] *Правительство* Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://static.government.ru/media/files/AVixvkRaPxG3ZXDca0ShH3LexTiMMMsD.pdf (дата обращения 20.05.2026).

право: Сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф.: В 6 т. Казань, 20 сентября 2024 г. Казань: Познание, 2024. С. 14—24.

2. *Антонова Е.Ю.* Противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXV Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Красноярск, 7—8 апреля 2022 г. Ч. 2. Красноярск: Сибир. юрид. ин-т МВД РФ, 2022. С. 22—24.

3. *Гляниц Е.М.* Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность посредством взаимодействия в интернет-пространстве // Цифровые технологии и право: Сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 20 сентября 2024 г.): В 6 т. Т. 3 / Под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М.В. Залоило и др. Казань: Познание, 2024. С. 42—45.

4. *Доклад* о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году. М., 2024. 277 с.

5. *Sela-Shayovitz R., Dayan H., Hasisi B.* Act of Age: Minor Lone-Actor Terrorists and Their Attacks // Crime & Delinquency. 2023. Vol. 69(5). P. 995—1019.

6. *Whitten T., Cale J., Brewer R.* et al. Exploring the Role of Self-Control Across Distinct Patterns of Cyber-Deviance in Emerging Adolescence // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2024.

References

1. *Antonova E.Yu.* Involvement in terrorist, extremist and sabotage activities using digital technologies: criminal-political aspect // Digital technologies and law: collection of scientific papers of the III International scientific and practical conference: in 6 volumes, Kazan, September 20, 2024. Kazan: Poznanie Publishing House, 2024. P. 14—24.

2. *Antonova E.Yu.* Counteracting the involvement of minors in drug trafficking // Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice: materials of the 25th international scientific and practical conference: in 2 parts, Krasnoyarsk, April 7—8, 2022. Part 2. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 22—24.

3. *Glyants E.M.* Involvement of minors in criminal activity through interaction in the Internet space // Digital technologies and law: collection of scientific papers of the III International scientific and practical conference (Kazan, September 20, 2024): in 6 volumes. Vol. 3 / ed. by I.R. Begishev, E.A. Gromova, M. V. Zaloilo et al. Kazan: Poznanie, 2024. P. 42—45.

4. *Report* on the activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights of the Russian Federation in 2024. M., 2024. 277 p.

5. *Sela-Shayovitz R., Dayan H., Hasisi B.* Act of Age: Minor Lone-Actor Terrorists and Their Attacks // Crime & Delinquency. 2023. Vol. 69(5). P. 995—1019.

6. *Whitten T., Cale J., Brewer R.* et al. Exploring the Role of Self-Control Across Distinct Patterns of Cyber-Deviance in Emerging Adolescence // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2024.

Информация об авторе

Е.Ю. Антонова — профессор кафедры уголовного и публичного права Московского университета «Синергия», доктор юридических наук, профессор, советник юстиции.

Information about the author

E.Yu. Antonova — is a professor at the Department of Criminal and Public Law at Synergy Moscow University, Doctor of Law, professor, and justice adviser.

УДК 343

© Гайворонская А.А, 2026

Использование деструктивных идей для вовлечения подростков в экстремистскую деятельность

Александра Александровна Гайворонская
Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы механизмы вовлечения подростков в экстремистские организации, выделяются основные деструктивные идеи, используемые для вовлечения в экстремистскую деятельность, такие как психологическое отчуждение и демонизация «другого», формирование коллективной идентичности, социальная инженерия, основанная на поляризации. Подростковый возраст, как наиболее проблематичный с точки зрения воспитания, связан с тем, что в этот период происходит половое созревание, которое является катализатором множества психологических и психических изменений. Уязвимость подросткового возраста в сочетании с методами пропаганды и манипуляции создает благоприятную почву для распространения экстремистских практик.

Понимание деструктивных идей и их тактик, применяемых идеологами экстремизма, является ключевым для разработки эффективных мер противодействия.

Противодействие этой проблеме требует скоординированных усилий государства, общества, семьи и образовательных учреждений. Только совместными действиями мы сможем защитить молодое поколение от разрушительного влияния экстремизма и обеспечить безопасное будущее

Ключевые слова: деструктивные идеи**,** подростки, экстремистская деятельность, ксенофобия.

Для цитирования: Гайворонская А.А. Использование деструктивных идей для вовлечения подростков в экстремистскую деятельность // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 33—36.

The Use of Destructive Ideas to involve teenagers in extremist activities

Alexandra A. Gaivoronskaya
Main Directorate of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

Abstract. The mechanisms of teenagers' involvement in extremist organizations are analyzed, the main destructive ideas used to involve them in extremist activities are highlighted, such as psychological alienation and demonization of the "other", the formation of collective identity, and social engineering based on polarization. Adolescence, as the most problematic from the point of view of education, is associated with the fact that puberty occurs during this period, which is a catalyst for many psychological and mental changes. The vulnerability of adolescence, combined with propaganda and manipulation methods, creates a fertile ground for the spread of extremist practices. Understanding destructive ideas and their tactics used by extremist ideologues is key to developing effective counteraction measures. Countering this problem requires coordinated efforts by the State, society, family, and educational institutions. Only through joint actions will we be able to protect the younger generation from the destructive influence of extremism and ensure a secure future.

Keywords: destructive ideas, teenagers, extremist activity, xenophobia.

For citation: Gaivoronskaya A.A. The Use of Destructive Ideas to involve teenagers in extremist activities // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 33—36.

В современном мире, где информационное пространство переполнено, а человеческое внимание — дефицитный товар, экстремистские движения вынуждены постоянно искать более действенные стратегии, чтобы привлечь адептов к своим взглядам. Подростки, находящиеся в «уязвимом» возрасте, часто становятся их мишенью. Вот пример, который это иллюстрирует:

За короткий промежуток времени, с интервалом в десять дней, произошли два

инцидента с вертолетами Ми-8 на аэродромах Ямала (Ноябрьск) и Омска. Оба случая были квалифицированы как поджоги. В Ноябрьске личности злоумышленников были установлены оперативно: ими оказались два подростка в возрасте 13 и 14 лет. При попытке совершения поджога на вертолетной площадке они сами едва не пострадали и были доставлены в медицинское учреждение перед передачей правоохранительным органам. Аналогичное преступление в Омске также было раскрыто, и виновниками оказались подростки, но более старшего возраста — 16-летние юноши[1].

Известно, что подростковый возраст — это период перехода от детства к зрелости, который традиционно делится на собственно подростковый возраст и юность (раннюю и позднюю). Однако точные временные рамки этих этапов часто варьируются. Современные тенденции, в том числе акселерация, размыли привычные возрастные границы. Вследствие этого в различных областях (психологии, юриспруденции, медицине, социологии) встречаются разные определения подросткового возраста, например 10—14 лет, 14—18 лет или 12—20 лет[2]. Традиционно подростковый возраст выделяют как наиболее проблематичный с точки зрения воспитания. Это связано с тем, что именно в этот период происходит половое созревание, которое является катализатором множества психологических и психических изменений. При этом период взросления характеризуется глубоким погружением подростка в себя. Это время, когда он начинает осознавать свое «Я», Его внимание фокусируется на собственной личности, пробуждая интерес к своим качествам. Подросток испытывает потребность соотносить себя с другими людьми и формировать собственную оценку. Критерии для такой самооценки формируются в процессе самопознания, главным инструментом которого становится сравнение себя с другими — как с взрослыми, так и с сверстниками.

Рассмотрим *основные мотивы*, побуждающие идеологов экстремизма ориентироваться на подростков, а не на взрослых:

1) подростки более уязвимы к влиянию: их легче напугать и проще держать под контролем;

2) подростки склонны принимать убеждения тех, кого они считают авторитетом. Создав связь с подростком, идеологи экстремизма получают возможность воздействовать на его формирующееся мировоззрение, так как его ценности и взгляды еще не устоялись;

3) ограниченный жизненный опыт делает подростков менее способными предвидеть последствия своих действий и противостоять манипуляциям, так как они мало знакомы с обманом и преступными уловками;

4) подростки часто не обладают достаточными знаниями об информационной безопасности и могут быть излишне открыты к общению с незнакомыми людьми в Интернете, что создает определенные риски;

5) одним из ключевых факторов, привлекающих несовершеннолетних, являются обещания быстрого обогащения или получения иных материальных благ, транслируемые идеологами экстремизма. Как правило, первоначальные суммы, предлагаемые подросткам, невелики, однако их получение на ранних стадиях взаимодействия служит инструментом для установления доверительных отношений со стороны кураторов[3].

Под *деструктивными идеологиями* следует понимать в основном деструктивные идеи криминального характера, сторонники которых впоследствии выступают активными проводниками и носителями криминального мировоззрения,

[1] *Одноразовые* диверсанты: Кто и как вербует подростков на проведение терактов // Российская газета. https://rg.ru/2025/02/14/reg-urfo/odnorazovye-diversanty-kto-i-kak-verbuet-podrostkov-na-provedenie-teraktov.html?ysclid=mo1g07i937254027945&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

[2] *Фролова О.В*. Особенности развития детей подросткового и юношеского возраста // Вестник КГЭУ. 2009. № 1. С. 59—68.

[3] *Онлайн-вербовка* подростков: профилактическая работа в школе //Методические рекомендации для педагогических работников / Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского. СПб., 2025.

политического радикализма либо синкретизма экстремистских и криминальных идеологий[1].

Для манипулирования сознанием подростков в целях их вовлечения в экстремистскую деятельность предлагаются деструктивные идеи, такие как:

- создание образа врага (психологическое отчуждение и демонизация «другого»);
- идея «Великой цели» и «Особой миссии» (формирование коллективной идентичности);
- идея «Силы и власти»;
- идея «Свободы и бунта» (социальная инженерия);
- идея «Особой значимости и признания»[2].

Рассмотрим применение деструктивных идей для вовлечения подростков в экстремистскую деятельность.

1. *Создание образа врага* и психологическое отчуждение, формирующееся при разделении *на* «своих» и «чужих», представляет собой проявление ксенофобии. *Ксенофобия* — это иррациональный страх, неприязнь или ненависть к представителям других культур, национальностей, рас, религий или любых других групп, отличающихся от собственной[3]. Принадлежность к группе дает подросткам чувство безопасности, поддержки и стабильности. «Чужие» могут восприниматься как потенциальная угроза этой безопасности, как источник неопределенности и риска. При этом у них формируется черно-белая картина мира, где все проблемы объясняются действиями врага, что снимает необходимость сложного анализа и критического мышления.

2. *Идея «Великой цели» и «Особой миссии»* востребована подростками для осмысления своего места в жизни, своего предназначения. Подросткам внушается, что они являются особенными, избранными, которым предстоит изменить мир к лучшему. «Великая цель» оправдывает любые, даже самые жестокие, действия, включая насилие и терроризм как необходимые средства для достижения желаемого будущего.

3. *Идея «Силы и власти»*: привлечение через авторитет и контроль**.** У некоторых подростков наблюдается потребность в ощущении власти, контроля и собственной значимости. Экстремистские идеологи могут эксплуатировать эту потребность, предлагая им ложное чувство силы, которое часто подкрепляется агрессивным поведением, применением насилия и доминированием над другими.

4. *Идея «Свободы и бунта»* выражается в сознании подростков через стремление к независимости и протест против установленных правил и авторитетов (романтизация запретного). Экстремистские идеологии предлагают подросткам «свободу» от «угнетающих» норм и законов,

5. *Идея «Особой значимости и признания»* используется апологетами экстремизма для компенсации неуверенности и низкой самооценки подростков. Подросткам внушается чувство принадлежности к элите, уделяется повышенное внимание, их хвалят, восхищаются их «смелостью» и «преданностью».

Таким образом, экстремистские идеологи используют деструктивные идеи для вовлечения подростков, что является критически важным для понимания современных угроз. Уязвимость подросткового возраста в сочетании с методами пропаганды и манипуляции создает благоприятную почву для распространения экстремистских практик.

Противодействие этой проблеме требует скоординированных усилий государства, общества, семьи и образовательных

[1] *Розенко Е.А.* Правовое противодействие деструктивным идеологиям в Российской Федерации: криминологическая характеристика, особенности, тенденции // Вестн. Югор. гос. ун-та. 2019. № 3(54). С. 41—47.

[2] *РСМД* : Роль идеологии в современном мире // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/ analytics/ rol-ideologii-v-sovremennom-mire/ ?ysclid= mo1j6ae46285850306 (дата обращения: 16.04.2026).

[3] *Егорова М.С.* Феномен ксенофобии: социально-психологический аспект // Форум молодых ученых. 2018. № 3 (19). С. 148—157.

учреждений. Только совместными действиями мы сможем защитить молодое поколение от разрушительного влияния экстремизма и обеспечить безопасное будущее.

Список источников

1. *Егорова М.С.* Феномен ксенофобии: социально-психологический аспект // Форум молодых ученых. 2018. № 3 (19). С. 148—157.

2. *Одноразовые* диверсанты: Кто и как вербует подростков на проведение терактов // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/02/14/reg-urfo/odnorazovye-diversanty-kto-i-kak-verbuet-podrostkov-na -provedenie- teraktov .html? ysclid= mo1g07i 937254027945& utm_referrer =https%3A %2F%2F yandex.ru%2F(дата обращения: 16.04.2026).

3. *Онлайн-вербовка* подростков: профилактическая работа в школе // Методические рекомендации для педагогических работников / Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского. СПб., 2025. 70 с.

4. *Розенко Е.А.* Правовое противодействие деструктивным идеологиям в Российской Федерации: криминологическая характеристика, особенности, тенденции // Вестн. Югор. гос. ун-та. 2019. № 3(54). С. 41—47.

5. *РСМД.* Роль идеологии в современном мире // URL: https: russiancouncil. ru/analytics-and-comments/ analytics / rol-ideologii -v-sovremennom-mire/ ?ysclid= mo1j6ae46285850306 (дата обращения: 16.04.2026).

6. *Фролова О.В.* Особенности развития детей подросткового и юношеского возраста // Вестн. КГЭУ. 2009. № 1. С. 59—68.

References

1. *Egorova M.S.* The phenomenon of xenophobia: a socio-psychological aspect // Forum of Young Scientists. 2018. No. 3 (19). P. 148—157.

2. *Disposable* saboteurs: Who and how recruits teenagers to carry out terrorist attacks // - Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2025/02/14/reg-urfo/odnorazovye-diversanty-kto-i-kak-verbuet-podrostkov-na -providenie- teraktov .html? ysclid= mo1g07i 937254027945& utm_referrer =https%3A%2F%2F yandex.ru%2F(accessed: 04/16/2026).

3. *Online* recruitment of teenagers: preventive work at school //Methodological recommendations for teaching staff: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky. St. Petersburg, 2025. 70 p.

4. *Rozenko E.A.* Legal counteraction to destructive ideologies in the Russian Federation: criminological characteristics, features, trends. Bulletin of Ugra State University. 2019. № 3(54). P. 41—47.

5. *The INF* Treaty. The role of ideology in the modern world // URL: https: russiancouncil. ru /analytics-and-comments/ analytics / rol-ideologii -v-sovremennom-mire/ ?ysclid= mo1j6ae46285850306 (date of reference: 04/16/2026).

6. *Frolova O.V.* Developmental features of adolescent and adolescent children // Bulletin of the KGEU. 2009. No. 1. P. 59—68.

Информация об авторе

А.А. Гайворонская — инспектор отдела Управления научно-исследовательской деятельностью (Научно-исследовательский институт криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистический центр), кандидат психологических наук, доцент, капитан юстиции.

Information about the author

A.A. Gaivoronskaya — Inspector of the Department of Scientific Research Activities (Research Institute of Forensic Science) Main Directorate of Forensic Science (Forensic Center), Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Captain of Justice.

УДК 34

©Гурьянов Д.И., 2026

Трансформация механизмов вовлечения подростков в организованные преступные группы через цифровую среду: кризис традиционной профилактики и необходимость цифрового ответа

Дмитрий Игоревич Гурьянов
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
E-mail: akskrf@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются современные способы вовлечения несовершеннолетних в совершение тяжких и особо тяжких преступлений, реализуемые через цифровую среду. На основе официальных данных Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры и выступлений Президента РФ автором обосновывается рост подростковой преступности (на 10% в 2025 г.) при общем снижении числа зарегистрированных преступлений. Обосновывается неэффективность существующей модели профилактики и предлагаются пути ее трансформации: масштабное информирование о схемах вовлечения, введение дополнительных мер проверки при подозрительных покупках в магазинах, привлечение лидеров мнений и популярных блогеров для работы с молодежной аудиторией. Сделан вывод о необходимости «цифрового ответа» на современные вызовы в сфере профилактики подростковой преступности в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: подростковая преступность, вовлечение несовершеннолетних, цифровая среда, профилактика преступлений, цифровое слабоумие.

Для цитирования: Гурьянов Д.И. Трансформация механизмов вовлечения подростков в организованные преступные группы через цифровую среду: кризис традиционной профилактики и необходимость цифрового ответа // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 37—42.

Transformation of mechanisms for involving adolescents in Organized criminal Groups through the Digital Environment: the Crisis of Traditional prevention and the Need for a Digital Response

Dmitry I. Guryanov
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia
E-mail: akskrf@yandex.ru

Abstract. This article analyzes current methods of engaging minors in serious and especially serious crimes, implemented through the digital environment. Based on official data from the Investigative Committee of the Russian Federation, the Prosecutor General's Office, and speeches by the President of the Russian Federation, the author substantiates an increase in juvenile delinquency (by 10% by 2025) amid an overall decline in the number of registered crimes. The ineffectiveness of the existing prevention model is substantiated and ways to transform it are proposed: widespread information dissemination about involvement schemes, the introduction of additional screening measures for suspicious purchases in stores, and the involvement of opinion leaders and popular bloggers to reach young audiences. A "digital response" to current challenges in the field of juvenile delinquency prevention in the context of a special military operation is necessary.

Keywords: Juvenile delinquency, involvement of minors, digital environment, crime prevention, digital dementia.

For citation: Guryanov D.I. Transformation of mechanisms for involving adolescents in Organized criminal Groups through the Digital Environment: the Crisis of Traditional prevention and the Need for a Digital Response // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 37—42.

В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции, а также с учетом активной цифровизации общественной жизни в настоящее время происходит существенное изменение способов вовлечения лиц в совершение тяжких и особо тяжких преступлений против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, чему необходимо активно противостоять современными методами.

Согласно докладу Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина Президенту Российской Федерации В.В. Путину по итогам работы ведомства за 2025 г., за указанный период времени следователями Следственного комитета Российской Федерации расследовано более 16 000 преступлений, совершенных несовершеннолетними[1]. Также отдельно отмечен рост числа несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения деяния возраста уголовной ответственности, а также устойчивая динамика увеличения количества несовершеннолетних, которые совершают криминальные посягательства в составе организованной группы или преступного сообщества[2]. В связи с серьезностью и актуальностью данного вопроса Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал общенациональной задачей борьбу с подростковой преступностью.

Показателен и тот факт, что увеличение в 2025 г. числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, произошло при общей динамике снижения общего количества зарегистрированных преступлений, а также направленных в суд уголовных дел, что следует из анализа опубликованной статистики и публичных выступлений руководителей правоохранительных органов[3].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о большой проблеме профилактики совершения преступлений несовершеннолетними, что является отражением пробелов и недостатков существующей в современной модели профилактики с учетом активного развития информационных технологий и большого количества времени, проводимого несовершеннолетними в различном цифровом пространстве.

Как отмечает в своем исследовании Л.Л. Бошаева, «детерминантами преступности несовершеннолетних является, прежде всего, социально нестабильная, напряженная обстановка в семье (психологическое и физическое насилие); отсутствие организации досуга несовершеннолетних, вовлечение со стороны взрослых в преступную среду, проникновение в среду молодежи стандартов повседневного поведения, несовместимых с ценностными ориентациями нашего общества (культ жестокости, культ наркотиков, секты)[4]».

Именно в условиях противодействия указанным негативным факторам, активно влияющим на подростков, должна строиться система мер профилактики, в том числе и в цифровом пространстве. Существующая на современном этапе практика профилактической работы с несовершеннолетними неэффективна и требует переработки с учетом объективно сложившихся реалий, изменения структуры преступности, в том числе в связи с проведением специальной военной операции.

[1] *Бастрыкин*: за 2025 год расследовано более 16 000 преступлений несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Ведомости. 2026. 7 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/05/1181456-bastrikin-nesovershennoletnih (дата обращения: 20.05.2026)

[2] *В России* за 2025 год более 14 тыс. подростков совершили преступления [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2025. 21.10.2025. URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/2029219/?print=1 (дата обращения: 20.05.2026).

[3] *Генпрокуратура*: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10% [Электронный ресурс] // ТАСС. 2026. 3 января. URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (дата обращения: 20.05.2026)

[4] *Бошаева Л.Л.* Интернет-технологии как способ вовлечения несовершеннолетнего лица в преступную деятельность // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 153—155.

Анализ практики работы правоохранительных органов показал, что именно несовершеннолетние граждане Российские Федерации, в том числе иногда не достигшие возраста уголовной ответственности, зачастую вовлекаются лицами, находящимися за пределами Российской Федерации, в совершение террористических актов, взрывов, поджогов и иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и компонентам природной среды. Особенно важно, что подобные действия во многих случаях несут серьезный материальный ущерб для экономики Российской Федерации, подрывают обороноспособность и экономическую безопасность, дестабилизируют ситуацию в обществе, что недопустимо в условиях проведения специальной военной операции.

Вместе с тем, анализируя особенности использования несовершеннолетними информационного пространства, ряд как зарубежных, так и отечественных исследователей вводят в систему профилактики преступлений новый термин — «цифровое слабоумие», под которым понимается снижение общих аналитических способностей несовершеннолетних из-за бесконтрольного пребывания в Интернете, что выражается в ухудшении памяти, когнитивных нарушениях, проблемах с устной и письменной речью, снижении концентрации внимания, трудностях с выстраиванием логических цепочек и осмысленным изложением информации[1].

Благодаря пониженной критичности мышления несовершеннолетних из-за постоянного пребывания в цифровом пространстве они, во-первых, становятся исполнителями различных противоправных деяний, а во-вторых, целенаправленно вовлекаются в выполнение криминальных задач иными лицами, являющимися членами организованных преступных групп. В частности, из-за повышенной внушаемости, импульсивности и склонности к поиску одобрения в виртуальном пространстве подростки, иногда не осознавая противоправности своих действий, используются для поджога вышек сотовой связи, релейных шкафов, техники и имущества воинских формирований и правоохранительных органов[2].

Для организации эффективных мер профилактики противоправного поведения подростков в цифровой среде необходимо в первую очередь разобраться с современными способами вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Одной из особенностей вовлечения подростков в преступную деятельность в настоящее время является активное использование способов вовлечения, не связанных с применением насилия, а основанных на обмане, убеждении, обещаниях, т.е. на воздействии на сознание и подсознательную сферу несовершеннолетнего, часто либо не сформированную в должной мере, либо деформированную.

Обман в данной ситуации может выражаться в убеждении в безнаказанности за содеянное, предоставлении несовершеннолетнему неправильной юридической оценки действий, которые он должен выполнить, предоставлении неправильной информации о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, создании заблуждения относительно сути преступ-

[1] *Киселёв О.Н., Митрофанов М.В., Митрофанов Н.М*. Когнитивные и поведенческие дезадаптации несовершеннолетних в цифровой среде: правовые риски и профилактика//Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 4 (69). С. 88—95.

[2] *Алехин А.Н., Грекова А.А*. Особенности формирования мышления в условиях цифровой среды // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 162—176.

ления, последующего результата, убеждении, что поступок не будет преступлением[1]. Также возможны ситуации, когда лица, вовлекающие несовершеннолетних в совершение преступлений, создают для подростка якобы безвыходное положение, что на самом деле является обманом и манипуляцией.

В частности, на практике встречаются случаи, когда преступниками создаются и реализуются объемные цепочки взаимодействия с одним несовершеннолетним якобы разными лицами с анонимных аккаунтов, в рамках которых вначале подросток выполняет малозначительные задания за денежное вознаграждение, а именно фотографирует отдельные гражданские объекты, находящиеся поблизости от его места жительства. Затем с ним со схожей анонимной страницы начинают общаться якобы сотрудники правоохранительных органов, которые убеждают несовершеннолетнего в том, что в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий выявлен факт совершения им противоправных действий в пользу иностранного государства, однако он может избежать привлечения к уголовной ответственности в случае выполнения действий, на которые укажет этот якобы сотрудник правоохранительных органов. В подобных ситуациях несовершеннолетние начинают понимать противоправность ранее совершенных ими действий, боятся того, что об этом узнают их родители и друзья, а также что они могут быть привлечены к установленной законном ответственности. В результате подростки начинают делать все, что им скажет в анонимном чате якобы сотрудник правоохранительных органов, попадают к нему «на крючок» и в дальнейшем по его указанию совершают более серьезные и общественно опасные преступления, дестабилизирующие ситуацию в обществе.

Важно отметить, что в настоящее время сотрудниками правоохранительных органов недостаточно активно ведется работа в цифровом пространстве по освещению схем вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, установленная в рамках расследования конкретных преступлений. Как представляется, лицами, действующими против интересов Российской Федерации, используются однотипные отработанные алгоритмы вовлечения подростков, информация о которых должна максимально масштабно освещаться в средствах массовой информации, для того чтобы как можно большее число граждан знало о современных способах вовлечения в совершение преступлений, а также о том, как лучше поступить в схожей ситуации, кому необходимо доверять, какие методы используют в своей деятельности настоящие сотрудники правоохранительных органов и куда следует обращаться в похожих ситуациях. За основу в данном случае можно использовать имеющийся позитивный опыт по борьбе с телефонными мошенниками, которые путем обмана и злоупотребления доверием совершают преступления также против граждан, которых легче ввести в заблуждение.

Действенным механизмом может также являться введение по аналогии с дистанционным мошенничеством дополнительных мер проверки в тех случаях, когда лицо совершает подозрительные действия, возможно, под влиянием мошенников. В частности, большое количество предметов, необходимых для совершения террористических и диверсионных актов, приобретается в большом объеме подростками в строительных магазинах, что должно вызывать вопросы у работников соответствующих организаций. В этих магазинах должны быть в открытом доступе информационные материалы, в которых перечислены товары, покупка

[1] *Аменинцкий А.В.* Актульная кибербезопасность. М.: Автор, 2025. 556 с.

которых должна вызывать дополнительные вопросы со стороны персонала магазина, в частности, в случаях приобретения подростками в возрасте до 14 лет большого количества горючих и взрывоопасных жидкостей, химических соединений, которые могут применять для изготовления взрывных устройств, ломов и иных схожих предметов. Помимо общепринятых способов информирования общества о совершенных преступлениях, в целях профилактики преступности следует также использовать методы, обращенные в первую очередь на молодую аудиторию, которая получает информацию не из тех каналов связи и средств массовой информации, как взрослая аудитория. В частности, эффективной мерой для профилактики преступлений в цифровой среде может стать привлечение к соответствующей работе лидеров мнений, популярных именно в подростковой среде, в том числе популярных блогеров, обладающих высокими рейтингами у подростков, чей контент широко распространен в соответствующей среде.

Подобные передовые современные методы профилактики преступности, используемые в первую очередь в цифровой среде, безусловно, будут способствовать уменьшению как количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, так и последствиям от них, повышению правосознания подрастающего поколения, а также обеспечению интересов государства в условиях проведения специальной военной операции.

Список источников

1. *Алехин А.Н., Грекова А.А*. Особенности формирования мышления в условиях цифровой среды // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 162—176.

2. *Аменинцкий А.В.* Актуальная кибербезопасность. М.: Автор, 2025. 556 с.

3. *Бастрыкин А.И.:* за 2025 год расследовано более 16 000 преступлений несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Ведомости. 2026. 7 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/05/1181456-bastrikin-nesovershennoletnih (дата обращения: 20.05.2026);

4. *Бошаева Л.Л.* Интернет-технологии как способ вовлечения несовершеннолетнего лица в преступную деятельность // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 15—155.

5. *В России* за 2025 год более 14 тыс. подростков совершили преступления [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2025. 21.10.2025. URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/2029219/?print=1 (дата обращения: 20.05.2026);

6. *Гаврилова Т.Н.* Развитие цифровой деменции: к теории вопроса // Universum: психология и образование. 2022. № 3 (93). С. 46—47.

7. *Генпрокуратур*а: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10% [Электронный ресурс] // ТАСС. 2026. 3 января. URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (дата обращения: 20.05.2026)

8. *Гурьянов Д.И*. Широкое распространение деструктивной идеологии в подростковой среде как один из факторов, способствующих совершению тяжких и особо тяжких преступлений в отношении несовершеннолетних, в том числе торговле людьми // Организация профилактической работы с подростками, имеющими деструктивную идеологию: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 30 мая 2025 года. М.: Моск. акад. Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева, 2025. С. 27—30.

9. *Киселёв О.Н., Митрофанов М.В., Митрофанов Н.М*. Когнитивные и поведенческие дезадаптации несовершеннолетних в цифровой среде: правовые риски и профилактика // Право. Безопасность.

Чрезвычайные ситуации. 2025. № 4 (69). С. 88—95

References

1. *Alekhine A.N., Grekova A.A.* Features of the Formation of Thinking in the Digital Environment // Clinical and Special Psychology. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 162—176.

2. *Ameninsky A.V.* Current Cybersecurity. Moscow: Author, 2025. 556 p.

3. *Bastrykin A.I.:* Over 16,000 Juvenile Crimes Investigated in 2025 [Electronic Resource] // Vedomosti. 2026. March 7. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/05/1181456-bastrikin-nesovershennoletnih (Accessed: 20.05.2026).

4. *Boshaeva L.L.* Internet Technologies as a Way of Involving Minors in Criminal Activity // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 4 (208). P. 153—155.

5. *Over* 14,000 Teenagers Committed Crimes in Russia in 2025 [Electronic Resource] // Investigative Committee of the Russian Federation: Official Website. 2025. 21.10.2025. URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/2029219/?print=1 (Accessed: 20.05.2026).

6. *Gavrilova T.N.* Development of Digital Dementia: Toward a Theory of the Issue // Universum: Psychology and Education. 2022. No. 3 (93). P. 46—47.

7. *Prosecutor* General's Office: Juvenile Crime in Russia Increased by 10% in 2025 [Electronic Resource] // TASS. 2026. January 3. URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (Accessed: May 20, 2026).

8. *Guryanov D.I.* The widespread use of destructive ideology among adolescents as a factor contributing to the commission of serious and especially serious crimes against minors, including human trafficking // Organization of preventive work with adolescents with a destructive ideology: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, May 30, 2025. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, 2025. P. 27—30.

9. *Kiselev O.N., Mitrofanov M.V., Mitrofanov N.M.* Cognitive and behavioral maladjustments of minors in the digital environment: legal risks and prevention // Law. Security. Emergencies. 2025. No. 4 (69). P. 88—95

Информация об авторе

Д.И. Гурьянов – аспирант Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», заместитель руководителя следственного отдела по Железнодорожному району г. Пензы следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пензенской области, капитан юстиции.

Information about the author

D.I. Guryanov — is postgraduate student at the A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Deputy Head of the Investigative Department for the Zheleznodorozhny District of Penza, Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Penza Region, Captain of Justice

УДК 34

© Карагодин В.Н., 2026

Основные элементы методики расследования совершаемого в школах насилия в отношении несовершеннолетних

Валерий Николаевич Карагодин
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Екатеринбургский филиал, Екатеринбург, Россия

E-mail: uc.ural@mail.ru

Аннотация. В статье дается краткая характеристика основных элементов частной методики расследования совершаемого в школах насилия в отношении несовершеннолетних. К названным компонентам относятся криминалистическая характеристика преступлений названного вида, положения о доследственной проверке заявлений, сообщений о посягательствах такого рода, о первоначальном и последующем этапах расследования подобных деяний. Автором предпринимается попытка выделения ситуационных особенностей досудебного производства на указанных стадиях и этапах, предлагаются рекомендации по преодолению трудностей, встречающихся в указанные периоды.

Ключевые слова: насилие, несовершеннолетние потерпевшие, криминалистическая характеристика, следственные ситуации, преодоление противодействия расследованию.

Для цитирования: Карагодин В.Н. Основные элементы методики расследования совершаемого в школах насилия в отношении несовершеннолетних // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 43—47.

Key Elements of a Methodology for Investigating School Violence Against Minors

Valery N. Karagodin
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Yekaterinburg Branch, Yekaterinburg, Russia

E-mail: uc.ural@mail.ru

Abstract. This article provides a brief description of the key elements of a specific methodology for investigating violence against minors committed in schools. These components include a forensic characterization of these crimes, provisions for pre-investigation review of complaints and reports of such attacks, and the initial and subsequent stages of investigation. The author attempts to highlight the situational features of pre-trial proceedings at these stages and offers recommendations for overcoming the difficulties encountered during these periods.

Keywords: violence, minor victims, forensic characterization, investigative situations, overcoming resistance to investigation.

For citation: Karagodin V.N. Key Elements of a Methodology for Investigating School Violence Against Minors // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 43—47.

Первым элементом частной методики любого вида посягательства, как известно, является его криминалистическая характеристика[1]. Сведения об обстановке такого рода преступлений не должны ограничиваться лишь обобщенными данными о пространственно-временных характеристиках внешних условий. Существенное значение имеют психологический и организационный компоненты обстановки. Психологическая составляющая представляет собой данные о характере общения в коллективе школы в целом, включая учащихся, педагогов, вспомогательный персонал и т.п. К этому же компоненту относится информация об отношениях в отдельных подразделениях школы, между потерпевшим(ми) и субъектом(ами) преступления.

[1] *Криминалистика*: Учебник: В 3 ч. Ч. III: Криминалистическая методика / Под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М.: Проспект, 2021. С.27.

Организационный элемент включает в себя данные о недостатках контроля над поведением коллектива, мер по обеспечению безопасности учащихся.

Определенные особенности имеются в свойствах личности субъектов преступлений. Они могут дифференцироваться в зависимости от отношения к школе на учащихся, педагогов, вспомогательный персонал, других членов школьного коллектива, близких и родственников этих субъектов, а также посторонних, не имеющих каких-либо связей с образовательным учреждением, ставшим местом совершения насильственного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Среди нравственных качеств субъектов преступлений должны выделяться взгляды на допустимость насилия вообще и в отношении несовершеннолетних в частности. Большое значение имеют данные о проявлениях агрессивности, жестокости разных субъектов преступления, степени их эмоциональной устойчивости, типичных психических состояниях накануне и во время совершения насильственного преступления.

Описание способов совершения преступления должно даваться с учетом свойств личности субъектов, их реализующих. Это означает, что необходимо анализировать, какие типичные способы преступлений рассматриваемого вида повторяются в действиях субъектов, характеризующихся определенными типичными качествами.

Допустим, некоторые из педагогов, в целом характеризующихся положительно, в состоянии нервного срыва, вызванного влиянием разных обстоятельств, в том числе негативным поведением учеников в целом или только потерпевшего, утратив контроль над своим поведением, прибегают к физическому насилию. Как правило, такие субъекты ограничиваются нанесением единичных ударов руками пострадавшему. В дальнейшем субъекты такого типа испытывают раскаяние, признают свою вину. Аналогичное поведение свойственно и несовершеннолетним, также характеризующимся положительно и прибегающим к насилию в ответ на негативное поведение соучеников.

В то же время известны случаи, когда несовершеннолетние в ответ на мнимое или реальное физическое или психическое насилие соучеников реализовывали сложные способы причинения смерти и (или) тяжкого вреда здоровью педагогов, соучеников. В эти способы включались действия по планированию преступления, приисканию и подготовке орудий, тайной доставке орудий к месту посягательства, неожиданному его применению и т.п.

Наконец, некоторые субъекты, отличающиеся жестокостью, агрессией, совершают неоднократные насильственные преступления в отношении несовершеннолетних учащихся школы, применяя не сложные по содержанию, но продуктивные приемы сокрытия содеянного. Уместно заметить, что такие способы реализуются субъектами пресловутого буллинга, под которым понимается неоднократное физическое, психическое насилие несовершеннолетних в отношении лиц, также не достигших совершеннолетия[1].

Применяются подобные способы и взрослыми из числа педагогов, вспомогательного персонала, других лиц, характеризующихся определенным набором личностных свойств.

Субъекты, реализующие разные способы преступления, прибегают к разнообразным уловкам противодействия расследованию уже в ходе его осуществления. Следует отметить, что нередко в противодействии расследованию участвуют и несовершеннолетние потерпевшие.

[1] *Степанова И.Б., Явчуновская Т.М.* Подросток и насилие: проблемы и факты // Всеросс. криминол. журн. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podrostok-i-nasilie-problemy-i-fakty (дата обращения: 18.06.2026).

Все чаще в следственной практике встречаются случаи оговора несовершеннолетними учащимися педагогов в совершении насильственных преступлений.

Данные о таких действиях потерпевших и свойственных им личностных качествах должны находить отражение в криминалистических характеристиках рассматриваемого вида преступлений.

Важным элементом методики расследования преступления являются положения о проверке первичной информации о преступлениях анализируемой группы.

Рекомендации по производству на этой стадии уголовного судопроизводства должны разрабатываться с учетом текущих условий расследования, складывающихся к этому моменту.

В этот период возникают сложные ситуации, когда имеющаяся информация не позволяет сделать однозначный вывод, имело место событие осуществления насилия вообще. Такие ситуации, как правило, возникают при проверке заявлений несовершеннолетних о насилии в отношении них со стороны педагогов.

В рекомендации по разрешению подобных ситуаций целесообразно включать мероприятия по выявлению признаков подготовки и реализации инсценировки. В этих целях следует принимать меры к выявлению возможного конфликта между заявителем и педагогом, а также последующей подготовки к инсценировке в действительности не совершавшегося преступления. Кроме традиционных опросов свидетелей, целесообразно изучение хранящейся в гаджетах несовершеннолетнего заявителя информации. Там могут быть обнаружены данные об отношениях указанных лиц, об ознакомлении несовершеннолетнего с данными о практике расследования и судебного рассмотрения подобных деяний, а также переписка, содержащая сведения о намерениях оговора, и т.п.

Наряду с этим, несомненно, должны рекомендоваться действия по проверке версии о совершении педагогом преступления при обстоятельствах, описываемых заявителем.

Типичными для данной стадии досудебного производства являются ситуации, в которых факт причинения вреда здоровью или жизни несовершеннолетнего не вызывает сомнений, но неясно, является ли оно результатом преступления либо не являющегося таковым действия. В некоторых ситуациях обнаружения трупа несовершеннолетнего имеющиеся данные позволяют выдвигать версии как об убийстве, так и о самоубийстве либо наступлении смерти вследствие несчастного случая. Проверка этих версий предполагает проведение осмотра места происшествия, производство судебно-медицинской, криминалистических и иных экспертиз, допросов свидетелей и других следственных действий.

Некоторые оставшиеся в живых несовершеннолетние пострадавшие скрывают обстоятельства совершенного в отношении них преступления, давая ложные объяснения о получении телесных повреждений вследствие несчастного случая. Иногда такие потерпевшие скрывают совершение преступления конкретными субъектами из числа соучеников и заявляют, что подверглись насилию со стороны неизвестных злоумышленников. В этих ситуациях рекомендуется кроме оказания позитивного воздействия на потерпевшего установить маршрут его передвижения в день причинения ему физического вреда, находившихся там людей. В подобных условиях рекомендуется истребовать и тщательно проанализировать сведения о местонахождении аппарата мобильной связи пострадавшего, передвижении и нахождении рядом с ним аналогичных устройств, принадлежащих другим лицам.

В памяти аппарата мобильной связи пострадавшего, в его переписке могут быть обнаружен угрозы, оскорбления субъектов преступления, а также данные о вызове, заманивании жертвы в уединенные места, где могло быть совершено преступление.

Предполагаемые территории совершения преступления осматриваются в целях проверки версии о совершении там преступления, сопряженного с насилием в отношении несовершеннолетнего.

Некоторые субъекты производят видеофотосъемку действий по осуществлению насилия в отношении жертвы. Полученные изображения размещаются в электронных сетях или рассылаются соученикам. Проверка сообщения на эту тему не вызывает серьезных сложностей, хотя и может быть сопряжена с преодолением противодействия потерпевшего и субъектов предполагаемого преступления.

Простые ситуации характеризуются сотрудничеством со следствием потерпевшего и субъектов предполагаемого преступления. Несмотря на это, и в таких ситуациях требуется доследственная проверка для сбора данных, являющихся основанием для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела.

Центральным элементов методики расследования как раздела науки криминалистики являются положения о производстве расследования на первоначальном этапе, который ограничивается периодом от возбуждения уголовного дела до сбора доказательств, достаточных для предъявления обвинения или прекращения уголовного дела без предъявления обвинения[1].

Важность данного этапа расследования определяется тем, что именно при его осуществлении решается задача раскрытия преступления. К началу расследования уголовных дел о посягательствах рассматриваемой группы могут сохраняться сложные ситуации. В большинстве своем это проблемно-конфликтные ситуации, характеризующиеся наличием сведений об основных обстоятельствах расследуемого преступления и субъектах, его совершивших, оказывающих противодействие расследованию самостоятельно или совместно с другими лицами.

В некоторых из подобных ситуаций следствие не располагает достоверными данными о роли некоторых участников посягательства.

Разрешение подобных ситуаций обычно предполагает два направления расследования. Первое из них заключается в оказании правомерного воздействия в целях его прекращения. Для этого проводятся тактические операции, включающие в себя следственные действия, направленные на сбор доказательств, опровергающих доводы конфликтующих субъектов, предъявление собранных фактических данных названным лицам, убеждение их в предпочтительности сотрудничества со следствием и целесообразности отказа от продолжения противодействия.

Второе направление включает в себя установление скрываемых обстоятельств, проведение следственных и оперативно-розыскных действий по блокированию усилий противодействующей стороны, по недопущению выполнения новых действий, направленных на воспрепятствование расследованию. Это направление состоит в установлении скрываемых обстоятельств, принятии справедливого, обоснованного процессуального решения по уголовному делу, несмотря на продолжающееся противодействие расследованию. В подобных ситуациях большое значение приобретают мероприятия органов следствия и дознания по предупреждению действий, являющихся продолжением оказываемого противодействия. В частности, принимаются меры по ограждению потерпевшего, свидетелей от незаконного воздействия со стороны противодействующих субъектов. Во избежание уничтожения, фальсификации следов преступления проводятся следственные действия по обнаружению, изъятию, исследованию названных объектов.

[1] *Драпкин Л.Я.* Структура и функции первоначальных следственных действий в методике расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения): Материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, нояб. 1976 г.). М., 1976. С. 87; *Белкин О.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. III: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 259—260.

В первом из названных вариантов центральное место занимают следственные действия, связанные с оказанием правомерного воздействия на противодействующих расследованию субъектов. Основой второго является последовательное опровержение доводов противодействующей стороны, пресечение и предупреждение осуществляемой ими деятельности. Прекращение противодействия расследованию становится не единственной, а факультативной целью.

Заключительным элементом методики расследования являются положения о проведении расследования указанных преступлений на последующих этапах. В этот период расследования решаются задачи предъявления и проверки обоснованности обвинения в преступлениях анализируемой группы; выявления всех участников расследуемого деяния и их ролей; принятия мер к обеспечению возмещения материального ущерба; установления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Решение этих задач также характеризуются ситуационными особенностями. В сложных проблемно-конфликтных ситуациях принимаются меры по преодолению имеющихся трудностей расследования. В простых ситуациях в основном проверяют собранные доказательства, обоснованность и подтверждение версии следствия о правомерности предъявленного обвинения.

Список источников

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. III: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. 480 с.

2. *Драпкин Л.Я.* Структура и функции первоначальных следственных действий в методике расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения): Материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, нояб. 197 6г.). М., 1976. С. 85—89.

3. *Криминалистика*: Учебник: В 3 ч. Ч. III: Криминалистическая методика / Под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М.: Проспект, 2021. 664 с.

References

1. *Belkin R.S.* Forensic Science Course in 3 Volumes. Volume III Forensic Tools, Techniques, and Recommendations. Moscow: Yurist, 1997. 480 p.

2. *Drapkin L.Ya*. Structure and functions of initial investigative actions in crime investigation methods // Crime investigation methods (general provisions): materials of the scientific and practical conference (Odessa, November 1976). Moscow, 1976. P. 85—89.

3. *Forensic* Science: a textbook: in 3 parts. Part III Forensic Methodology / edited by V.V. Bychkov, S.V. Kharchenko. Moscow: Prospect, 2021. 664 p.

Информация об авторе

В.Н. Карагодин — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, член Международного слоюза криминалистов.

Information about the author

V.N. Karagodin — is a Head of the Forensic Science Department at the Yekaterinburg Branch of the A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Employee of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice, member of the International Society of Criminologists

УДК 343

©Литвишко П.А., 2026

Понятие электронного доказательства в международном и национальном контекстах

Петр Андреевич Литвишко
Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

E-mail: petrlitvishko@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются современные подходы к понятию и термину «электронное доказательство» в международном и внутригосударственном контекстах, а также с естественно-научной и лингвистической позиций; формулируется вывод об обоснованности использования термина в международном праве, цифровой криминалистике, правоохранительной деятельности и судебной практике, научно-методической литературе. В то же время являлось бы избыточным вводить электронное доказательство в качестве нового отдельного вида в уголовный процесс, поскольку оно охватывается существующими традиционными видами доказательств, а именно вещественными доказательствами, документами, протоколами процессуальных действий, заключениями экспертов и специалистов, а также показаниями.

Ключевые слова: электронное доказательство, цифровая криминалистика, уголовный процесс, международное право, материальность.

Для цитирования: Литвишко П.А Понятие электронного доказательства в международном и национальном контекстах // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 48—59.

The Concept of Electronic Evidence in International and National Contexts

Pyotr A. Litvishko
Main Directorate of International Legal Cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: petrlitvishko@yandex.ru

Abstract. The article explores the contemporary approaches to the concept and term of art of electronic evidence in the international and domestic contexts as well as from the angles of natural sciences and linguistics leading to the conclusion that it is justified to apply the term in international law, digital forensics, law enforcement and jurisprudence, scholarly research and methodology. At the same time, it would be superfluous to introduce electronic evidence as a new separate type into criminal procedure, since it is encompassed within the existing traditional types of evidence, namely physical evidence, documents, records of proceedings, expert opinions and testimonies.

Keywords: electronic evidence, digital forensics, criminal procedure, international law, materiality.

For citation: Litvishko P.A. The Concept of Electronic Evidence in International and National Contexts // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 48—59.

Введение

Существование в нашей жизни электронных доказательств — явление объективной реальности, современного материального мира, независимое от сознания, воли и даже научных взглядов людей. Не решенный пока вопрос, в обсуждение которого призвана внести вклад и эта статья, состоит лишь в том, требует ли это явление предоставления ему выделенного или даже некоего VIP-места в качестве категории sui generis в законодательном регулировании системы доказательств в уголовном процессе с юридико-технической точки зрения.

Как известно, среди российских процессуалистов имеются как сторонники выделения электронных доказательств в

самостоятельный вид доказательств[1], так и его противники[2]. В частности, в качестве одной из классификаций электронных доказательств на основе критерия видов техники, к которым они имеют отношение, предлагается разделить их на цифровые, аналоговые и квантовые[3].

Не вызывает сомнений прикладная значимость выделения электронных доказательств в обособленный режим в криминалистике (цифровой форензике), где, однако, принято говорить скорее о следах, нежели о доказательствах, поскольку последние находятся в ведении уголовного процесса. Так, отечественными криминалистами в научный оборот введены такие понятия, как «цифровые следы преступлений»[4], «(идеальные) закодированные информационные следы преступлений»[5]. Одно из самых емких и современных определений цифровых следов дано А.А. Бессоновым — «информация в форме битов или кубитов, отражающая данные о преступлении, содержащиеся на машинном носителе средства вычислительной техники, в его системе или информационно-телекоммуникационной сети»[6]. Всеобъемлющим характером отличается предложенное О.Ю. Антоновым понятие «следы преступной деятельности, фиксируемые с помощью информационно-телекоммуникационных технологий»[7], которое в отличие от предыдущих включает в свой охват не только цифровые, но в равной мере аналоговые и квантовые объекты.

Международный контекст

Действующие международные договоры не закрепляют определения электронного доказательства. Его дефиниция приводится в следующих международно-правовых документах:

- Регламент ЕС о европейских ордерах на предоставление и европейских ордерах на сохранение электронных доказательств в уголовных производствах и для исполнения связанных с лишением свободы наказаний по результатам уголовных производств 2023 г. (определяет электронное доказательство как «данные о подписчике, трафике или контенте, которые хранятся поставщиком услуг или от его имени, в электронной форме»[8]);
- Руководящие принципы по электронным доказательствам в гражданских и административных производствах, принятые Комитетом министров Совета Европы в 2019 г. («Электронное доказательство» означает любое доказательство, полученное из данных, содержащихся в любом устройстве или созданных любым устройством, функционирование которого зависит от программного обеспечения или данных, хранящихся в компьютерной системе или сети или передаваемых по ним»)[9];

[1] См., например: *Малык А.В.* Электронные доказательства: дискуссия // Мир криминалистики. 2024. № 3. С. 50—54.
[2] См., например: *Головко Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестн. экон. безопасности. 2019. № 1. С. 15—25.
[3] *Полицан Д.А.* Цифровое и электронное доказательство — pro et contra: проблемы терминологии // Росс. судья. 2022. № 7. С. 38—44.
[4] *Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н.* Цифровые следы преступлений: Монография. М.: Проспект, 2021. 168 с.
[5] *Бычков В.В.* Теория и практика расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 74—75; *Бычков В.В., Прорвич В.А.* Научные основы государственной программы борьбы с киберэкстремизмом: Монография / Под ред. д.ю.н., д.т.н., проф. В.А. Прорвича. М.: Альпен-Принт, 2024. С. 104—109, 153—154, 295.
[6] *Бессонов А.А.* Некоторые особенности криминалистической характеристики киберпреступлений (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации). Ч. 2 // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 4. С. 27.
[7] *Антонов О.Ю.* Классификация следов преступной деятельности, фиксируемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и ее значение для решения экспертных задач // Вестн. криминалистики. 2023. № 1(85). С. 14—20.
[8] *Regulation* (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings (art. 3).
[9] *Guidelines* CM (2018)169-add1final of the Committee of Ministers of the Council of Europe on electronic evidence in civil and administrative proceedings (Adopted by the Committee of Ministers on 30 Jan. 2019, at the 1335th meeting of the Ministers' Deputies), Explanatory Memorandum.

- обновленная редакция 2022 г. Модельного закона о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2007 г. (разработан УНП ООН) («Электронное доказательство» означает любые данные или информацию, создаваемые, хранящиеся, передаваемые или иным образом обрабатываемые в электронной форме, которые могут быть использованы для доказывания или опровержения факта при производстве по делу»)[1];
- Руководство Международной организации по стандартизации по установлению, сбору, получению и сохранению цифровых доказательств 2012 г. («цифровое доказательство» — информация или данные, хранящиеся или передаваемые в бинарной форме, на которые возможно полагаться как на доказательство»)[2];
- Практическое руководство ООН по порядку запроса электронных доказательств из других стран 2021 г. (в своем Глоссарии воспроизводит распространенное в нормативных и научных документах узкое определение электронных доказательств как вышеупомянутой (в Регламенте ЕС) «триады», включающей в себя основную информацию об абоненте (подписчике), данные трафика[3] и данные о содержании коммуникаций[4]).

В Конвенции ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям 2024 г. отсутствует дефиниция электронного доказательства, и вместо этого термина используется «доказательство в электронной форме», которое может трактоваться и как более широкое, и как более узкое по сравнению с электронным доказательством, поскольку в силу терминологии составлять электронное доказательство иногда могут и определенные сведения на бумажном носителе. Так, цифровое доказательство составляют, к примеру, перфокарта с записью, холодный (бумажный) криптокошелек, распечатанный QR-код.

В некоторых международных документах дается узкое определение электронных доказательств как упомянутой «триады». Тем самым в свете отечественного уголовно-процессуального закона такие доказательства в зависимости от способа их получения могут представлять собой все шесть видов доказательств, поименованных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, если они содержат названные три типа абонентских и коммуникационных данных, — вещественные доказательства, иные документы, протоколы следственных и судебных действий, заключения экспертов (специалистов) и показания.

С другой стороны, оперирующие «триадой» документы посвящены истребованию электронных доказательств, касающихся как аналоговых, так и цифровых средств электросвязи, от поставщиков ИКТ-услуг и не охватывают другие их виды, всю палитру цифровых артефактов, генерируемых в результате взаимодействия человека и машины (H2M*)* и (или) межмашинного взаимодействия (M2M) и получаемых в ходе осмотра и исследования устройств и программного обеспечения, образцы компьютерных вирусов и пр.

[1] *Model* Law on Mutual Assistance in Criminal Matters (2007), as amended with provisions on electronic evidence and the use of special investigative techniques (2022) (UN Doc. E/CN.15/2022/CRP.6 of 11 May 2022) (sec. 27).
[2] *ISO/IEC* 27037:2012 Information technology — Security techniques — Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence.
[3] Помимо данных о трафике (traffic data), в числе метаданных (metadata), образующих самостоятельную категорию наряду с данными об абоненте (подписчике) (subscriber data) и содержании (content data), различные правовые акты Евросоюза выделяют также данные о местонахождении (location data), данные о доступе (access data) и данные о транзакциях (transactional data), которые в основном охватываются данными о трафике.
[4] *The Practical* Guide for Requesting Electronic Evidence across Borders. Vienna: United Nations, 2021. P. 238.

Анализ смежной проблематики трансграничного юридически значимого электронного документооборота и обеспечения допустимости передаваемых доказательств в электронной форме при оказании международной правовой помощи по уголовным делам содержится в других работах[1]. Приведем здесь лишь предложения о дополнении УПК РФ положениями, направленными на имплементацию касающихся этих вопросов норм п. 14 ст. 40 Конвенции ООН против киберпреступности и п. 2 ст. 6 Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г. с учетом ст. 6—7 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

1. Статью 454 (Содержание и форма запроса) УПК РФ дополнить ч. 2: «В соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности запрос может быть направлен в электронной форме и подписан электронной подписью».

2. Статью 455 (Юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства) УПК РФ перед словами «заверенные и переданные в установленном порядке» дополнить словами «в том числе в электронной форме».

3. Часть 1 ст. 457 (Исполнение в Российской Федерации запроса о правовой помощи) УПК РФ после слов «переданные им в установленном порядке» дополнить словами «, в том числе в электронной форме и подписанные электронной подписью».

Кроме того, ст. 457 УПК РФ дополнить ч. 3.1: «В соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности материалы исполненного запроса могут быть переданы в компетентный орган иностранного государства в электронной форме и подписаны электронной подписью».

При этом вместо общего понятия «электронная подпись» в этих нормах может быть введено требование использования усиленной квалифицированной электронной подписи.

В настоящей работе не освещается законодательство зарубежных стран, которое достаточно исследовано в других изданиях[2]. Отметим лишь, что, подобно российскому, иностранные законы, как правило, не оперируют общим термином «электронное доказательство».

Национальный контекст

Можно выделить два аспекта противоречий по поводу понятия электронного доказательства — процессуально-естественно-научный и процессуально-лингвистический.

1. *Процессуально-естественно-научный аспект.* В этом аспекте базовым для понимания сущности электронного доказательства является определение компьютерной информации, которая в большинстве случаев и образует такое доказательство: в соответствии с прим. 1 к ст. 272 УК РФ под ней понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Здесь сразу следует привести уже долго высказываемое мнение о не отвечающей современным ИКТ-реалиям и неоправданной зауженности сигналов в этой легальной дефиниции лишь до электрических и ее негативных последствиях для правоприменительной практики[3], в то

[1] *Collecting* Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems: Monograph / editors S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow: Publishing House «Gorodets», 2024. P. 210—221.

[2] *Собирание* электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: Монография / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Проспект, 2022. 168 с.

[3] *Скобелин С.Ю.* Сложные вопросы расследования киберпреступлений // Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Москва, 29 февраля 2024 г.). М.: Моск. акад. Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 229; *Евдокимов К.Н.* Вопросы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (по материалам судебной практики) // Росс. следователь. 2023. № 5. С. 15—19; *Ефремова М.А.* К вопросу о понятии компьютерной информации // Росс. юстиция. 2012. № 7. С. 50—52.

время как уместно вести речь почти обо всех видах используемых в коммуникациях сигналов: в зависимости от физической природы носителя информации — помимо электрических (аналоговых и цифровых), также электромагнитных, акустических и других[1], в частности световых (оптических)[2].

Электронные доказательства (телекоммуникационные сообщения и другие данные, программное обеспечение и т.д.) в отрыве от их носителей — оборудования, иных устройств и предметов — имеют в своей первичной форме уникальную динамическую природу электрических и других упомянутых сигналов, в современных устройствах выражаемых в «цифре» (двоичном коде). В свою очередь, любой сигнал — это сам по себе тоже материальный (но не всегда вещественный), физический и в то же время эфемерный носитель информации, используемый для передачи сообщений в системе связи. Сигнал генерируется, однако его прием необязателен в отличие от сообщения, которое без приема принимающей стороной не будет являться таковым. Он может быть машиночитаемым, но без декодирования не доступным для непосредственного восприятия и понимания человеком, в том числе специалистом, его значения. Эти сигналы могут находиться в статическом (в процессе хранения на устройстве, как магнитные точки) и динамическом (в процессе передачи по сети[3]) состояниях, как на другом материальном носителе, так и вне его (все виды беспроводных сетей связи, функционирующих за счет использования электромагнитных волн в радио-, инфракрасном или оптическом диапазонах, лазерного излучения)[4], как в цельном (информационный ресурс), так и фрагментированном, мигрирующем по облачным сервисам виде.

Говорить о нахождении данных (сигналов) вне материального носителя информации даже в процессе их передачи по беспроводным сетям можно лишь условно — помимо того, что они сами являются такими носителями (хоть в основном неосязаемыми и невидимыми), также и в силу материальности физических полей[5]. Так, согласно ст. 2 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», носители сведений, составляющих государственную тайну, — это материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов. Факт того, что электрические и любые другие сигналы, средства связи, включая беспроводные и трансграничные, электронные доказательства являются материальными носителями информации, лег в основу ст. 294.1 УК РФ при ее разработке[6].

Однако в любом случае, для того чтобы сигналы в динамике могли стать установленными в ст. 74 УПК РФ «сведениями»

[1] В этом контексте показательно англоязычное обозначение радиоэлектронной разведки — signals intelligence, которое охватывает любые источники сигналов, сообщения и средства связи.

[2] Световые сигналы преобразуются из электричества в световые лучи и передаются по оптоволокну. Свет — форма материи, электромагнитное излучение (электромагнитные волны, поток фотонов). Фотон — безмассовая частица энергии, не имеющая электрического заряда; электрон — материальная частица с массой и отрицательным электрическим зарядом, образующая вещество.

[3] О проблеме понятия «информационно-телекоммуникационная сеть» в действующем российском законодательстве см.: *Бычков В.В.* Указ. соч. С. 40—43, 493.

[4] В соответствии с Федеральным законом от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» электросвязью являются любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Беспроводная передача данных осуществляется посредством электромагнитных радиоволн, представляющих собой распространяющиеся в пространстве колебания электромагнитного поля, которое, в свою очередь, является наряду с веществом одной из двух форм существования материи.

[5] *Лукьянова А.А.* Электронный официальный документ как предмет преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ // Уголовное право. 2016. № 3. С. 57—62; *Она же.* Уголовная ответственность за подделку, сбыт и использование поддельных документов: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 92—96.

[6] *Литвишко П.* Первый «блокирующий» закон против неправомерной трансграничной иностранной и международной правоохранительной и судебной деятельности в киберпространстве // Законность. 2025. № 10(1092). С. 24—28; № 11(1093). С. 16—22.

(доказательствами), т.е. данными, информацией, сообщениями, доступными для непосредственного восприятия и понимания человеком (обычным или специалистом) их значения, а именно путем их визуального наблюдения, прочтения или прослушивания, все они должны в процессе следообразования попасть из атмосферы на осязаемый и видимый следовоспринимающий материальный носитель, в ходе следового контакта быть на нем зафиксированы для дальнейшего использования (воспроизведения) в уголовном процессе, декодирования и иного преобразования, визуализации, снятия и считывания с помощью программно-аппаратных средств. При выведении их на бумажный, иной аналоговый или цифровой постоянный носитель они фактически становятся «альтер эго», репродукцией самих себя. В конце концов сигналы трансформируются в сведения на физическом носителе, составляющем вещественное доказательство либо иной документ в действующей традиционной классификации доказательств. В своей же оригинальной форме они скорее остаются источником доказательства, нежели становятся самим доказательством.

Как пишут В.В. Бычков и В.А. Прорвич, «оперативными сотрудниками фиксируются не какие-либо цифры или комбинации цифр, которых нет даже в процессоре компьютера, где каждую секунду преобразуются многие миллионы электрических сигналов в параллельно-последовательном режиме с помощью специального, системного программного обеспечения. Речь идет о переводе с помощью специальных компьютерных программ, написанных на искусственных алгоритмических языках, которые принято называть компьютерными кодами, комбинаций этих сигналов на язык, понятный следователю, суду, а также другим участникам уголовного судопроизводства»[1].

Более того, как отмечает С.Ю. Скобелин, «в протоколах следственных действий в качестве объекта осмотра указывается не сама электронная переписка, фото- или видеофайлы, облачные хранилища (компьютерная, цифровая информация, ресурсы Интернета), а те объекты (предметы), на которые такая криминалистически значимая компьютерная информация была скопирована (CD-диски, иные внешние накопители) или с помощью которых был получен доступ к такой информации (смартфоны, планшеты, ноутбуки, иные компьютеры)»[2].

В этом контексте заслуживают внимания соображения об условно нематериальной (неощутимой) природе данных скорее в юридическом, нежели естественно-научном, смысле и роли их физического носителя, высказанные в тематическом документе ООН 2000 г.: «Главная функция любой компьютерной системы заключается в обработке данных. Термин «данные» определяется как факты, инструкции или концепции, излагаемые обычным образом, в форме, поддающейся пониманию человеком или автоматизированной обработке. Электронные данные представляют собой серию магнитных точек в постоянной или временной запоминающей среде (на хранящем носителе) или форме электронных зарядов в процессе их передачи. Если данные поддаются идентификации и контролю по конкретному носителю данных, например данные, хранящиеся на одной или нескольких дискетах, то с юридической точки зрения они могут рассматриваться как единый и ощутимый материальный предмет. В целом данные, обрабатываемые в рамках компьютерной системы, уже нельзя квалифицировать и контролировать по их носителю. Операционные системы автономно

[1] *Бычков В.В., Прорвич В.А.* Указ. соч. С. 109.

[2] *Скобелин С.Ю.* Тактика осмотра криминалистически значимой компьютерной информации // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2025 года) / Отв. ред. Д.В. Воронков. Екатеринбург: АНО «КримЛиб», 2025. С. 189.

перемещают файлы данных из одного физического места в запоминающей среде в другое. В компьютерных сетях распределенная обработка данных делает невозможным для лиц, контролирующих данные, устанавливать физическое местонахождение всего или части файла без принятия специфических мер. Такие данные контролируются только в рамках логических операций, а не физических действий, что затрудняет подход к чистым данным в юридическом смысле как к материальным предметам»[1].

Исходя из указанных обстоятельств, уже в XIX в., с появлением телеграфа, телефона и радио, можно было вести речь о феномене, подобном электронным доказательствам в уголовном процессе. Хотя тогда они существовали в аналоговой, но не цифровой, форме, но так или иначе имели электрическую природу. Затем с появлением телевидения и ЭВМ в XX в. этот феномен продолжил свое развитие.

Однако этот «старый новый» вид доказательств с тех пор так и не был обособлен ни в одном из уголовно-процессуальных законов Российской империи, республик Советского Союза и Российской Федерации, став предметом дискурса лишь в последнее десятилетие, как представляется, под влиянием со стороны иностранных и международных источников, тоже сравнительно недавних.

Таким образом, на вопрос о том, имеют ли доказательственное значение в уголовном процессе закодированные сигналы, потоки электронов или фотонов сами по себе либо все-таки вкупе со своими традиционными носителями (названными в действующей ст. 74 УПК РФ), можно ответить похожими вопросами, к примеру: имеют ли самостоятельное доказательственное значение атомы вещества, из которого состоит физическое тело — орудие убийства — либо их носитель — само это орудие; летучие химические вещества (молекулы) в запаховых следах или спирали ДНК на одежде обвиняемого либо их носитель — сама одежда с этими следами (вещественное доказательство), направляемые на соответствующие экспертизы и иным образом исследуемые в ходе уголовного судопроизводства, с тем чтобы стать доступными для непосредственного восприятия и понимания их значения его участниками при выемке, осмотре конкретных физических предметов, ознакомлении с заключениями экспертов по ним, и т.д.

В отличие от идеальных следов преступлений, сохраняемых в памяти исключительно человека, электронные следы отображаются и фиксируются в памяти устройства (равно как могут, естественно, записываться и в человеческой памяти в воспринятом с носителя зрением и (или) слухом виде), являются, как показано, следами материальными. Хотя идеальные следы в своей основе — тоже материальны, представляя собой совокупность электрохимических сигналов (нервных импульсов), с той принципиальной особенностью, что такие следы не могут быть механически извлечены или скопированы из мозга и органов чувств человека (здесь можно вспомнить лишь неудачные опыты оптографии, исходившей из того, что образ убийцы остается запечатленным, «сфотографированным» на сетчатке глаз его жертвы).

2. *Процессуально-лингвистический аспект.* Второй аспект противостояния вокруг электронных доказательств — процессуально-лингвистический.

Так, отдельные авторы подчеркивают принципиальную необходимость использования понятия «электронная (компью-

[1] Преступления, связанные с использованием компьютерной сети: Справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10—17 апреля 2000 года (Документ ООН A/CONF.187/10 от 14.12.1999) (п. 8).

терная) информация» вместо «электронного доказательства» на том основании, что качество доказательства она может приобрести лишь после своего процессуального закрепления, т.е. проверки, оценки и приобщения к делу уполномоченным субъектом доказывания[1], — подобно позиции противников положений ст. 455 УПК РФ об эквивалентной юридической силе полученных за рубежом доказательств, которые становятся таковыми только после введения российским субъектом соответствующих заграничных данных, документов или материалов в установленном порядке в уголовное дело.

Однако подобное стремление к максимальной теоретической чистоте и языковой точности может оборачиваться казуистикой и доведением до абсурда. Ведь во многом данные рассуждения сводятся к тому, что нельзя говорить, употребляя глаголы несовершенного вида, о процессе собирания, получения ни электронных, ни каких-либо других доказательств (поскольку в динамике, в момент их собирания (получения), они таковыми еще не являются, что самоочевидно), а можно вести речь только об итоговом результате трансформации, окончательном состоянии — сформированности доказательства, несмотря на то что по определению (ст. 74 УПК РФ) доказательства на любом этапе их формирования — процессуальных сбора, отбора, обработки и, наконец, преобразования в доказательство — представляют собой «сведения».

Следуя такой логике, нельзя, к примеру, получать (процесс) показания как вид доказательства непосредственно в ходе допроса, но можно их получить (результат), только когда они обретут этот доказательственный статус после изготовления и приобщения к делу протокола допроса.

И так со всеми следственными и судебными действиями, что приводит к использованию таких словосочетаний, как «будущие доказательства», «доказательственные полуфабрикаты»[2] либо аморфного обиходного понятия «улика», которыми можно обозначать объекты-следоносители, оперативно и (или) криминалистически значимую информацию (сведения) до приобретения ими доказательственного значения в установленном уголовно-процессуальным законом порядке[3].

Это равносильно тому, что нельзя построить дом, пока он не будет введен в эксплуатацию; нельзя посадить дерево, пока оно не вырастет из саженца; строить можно только будущий дом, сажать лишь будущее дерево. Использовать в речи оборот «совершение лицом преступления» можно только после вступления в законную силу обвинительного приговора. Требование к языку закона, как и к языку в целом, уложиться в прокрустово ложе подобной словоблудной юрислингвистики вряд ли разумно.

В современных международных нормативных и научных источниках понятие «электронное доказательство» является естественно воспринимаемым и устоявшимся, причем в равной мере в статике и в динамике — как для обозначения результата процессуальной «легализации» добытых сведений в уголовном производстве, так и в контексте предшествующего ей процесса получения первичных, «сырых» данных от провайдеров ИКТ-услуг[4]

---

[1] См., например: *Цифровое* право: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 666—667.

[2] *Кольцов Д.В.* Негласные оперативно-розыскные мероприятия как форма реализации специальных методов расследования в российском законодательстве // Тр. Акад. управления МВД России. 2022. № 4(64). С. 152.

[3] См., например, о соотношении в испаноязычном дискурсе понятий «улика» (indicio), «следоноситель» (huello portador), «доказательство» (prueba, evidencia; pieza de convicción (дословно «элемент (формирования внутреннего) убеждения»)): *Posada Jeanjacques J.Á.* Teoría criminalística de las huellas. La Habana: Editorial Capitán San Luis, 2015. P. 36—51.

[4] Так, вышеупомянутый Регламент ЕС определяет электронное доказательство как «данные о подписчике, трафике или контенте, которые хранятся поставщиком услуг или от его имени, в электронной форме». См. также: Второй дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности о расширенном сотрудничестве и раскрытии электронных доказательств от 12.05.2022.

и из иных источников, включая заграничные.

Заключение

Итак, рассмотренные объекты требуют отдельных категоризации и правил обращения в криминалистике, экспертной деятельности, правоохранительной и судебной практике, научно-методической литературе.

Формальное же дополнение электронными доказательствами перечня их видов в ст. 74 и остальных посвященных этим конкретным видам статей УПК РФ избыточно, являлось бы дроблением всеобъемлющих общих понятий на частные случаи.

Поэтому обоснованной видится позиция законодателя, ограничившегося установлением в УПК РФ особенностей производства процессуальных действий в отношении электронных носителей информации впервые в 2012 г., электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений — в 2016 г., электронных денежных средств — 2025 г. и, наконец, цифровой валюты[1] — 2026 г.

В то же время оправданно существующее положение дел с выделением электронных доказательств в специальную категорию для целей международно-правовых документов, исходя из их узконаправленной проблематики в сфере киберпреступности, взаимодействия с провайдерами ИКТ-услуг и универсальности их весьма «заобщенного» языка, естественным образом не укладывающегося в устойчивые концептуальные и терминологические рамки законов стран, не совпадающего с ними[2].

В целях обеспечения трансграничного юридически значимого электронного документооборота и допустимости доказательств, передаваемых исключительно в безбумажной (электронной) форме, при оказании международной правовой помощи по уголовным делам требуется внесение дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Список источников

1. *Антонов О.Ю.* Классификация следов преступной деятельности, фиксируемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и ее значение для решения экспертных задач // Вестн. криминалистики. 2023. № 1(85). С. 14—20.

2. *Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н.* Цифровые следы преступлений: Монография. М.: Проспект, 2021. 168 с.

3. *Беломытцев Н.Н.* Криптовалюта как предмет хищения путем использования компьютерной техники // Использование криптовалют в противоправных целях и методика противодействия: Материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (Москва, 25 апреля 2019 года) / Под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 16—22.

4. *Бессонов А.А.* Некоторые особенности криминалистической характеристики киберпреступлений (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации). Ч. 2 // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 4. С. 20—29.

5. *Бычков В.В.* Теория и практика расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023. 722 с.

[1] Об отнесении криптовалюты к материальным объектам (в силу того, что в программно-технических средствах она представлена электрическим зарядом, электромагнитным полем, набором магнитных меток, сигналов, представляющих собой определенное физическое состояние, обладает пространственной ограниченностью и тем самым «телесностью») см.: *Беломытцев Н.Н.* Криптовалюта как предмет хищения путем использования компьютерной техники // Использование криптовалют в противоправных целях и методика противодействия: Материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (Москва, 25 апреля 2019 года) / Под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 16—22.

[2] Так, вместо понятия «оперативно-розыскные мероприятия», не знакомого подавляющему большинству стран мира, в универсальных конвенциях и других международных документах используется термин «(негласные) специальные методы расследования».

6. *Бычков В.В., Прорвич В.А*. Научные основы государственной программы борьбы с киберэкстремизмом: Монография / Под ред. д.ю.н., д.т.н., проф. В.А. Прорвича. М.: Альпен-Принт, 2024. 572 с.

7. *Головко Л.В*. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестн. экон. безопасности. 2019. № 1. С. 15—25.

8. *Евдокимов К.Н*. Вопросы квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (по материалам судебной практики) // Росс. следователь. 2023. № 5. С. 15—19.

9. *Ефремова М.А*. К вопросу о понятии компьютерной информации // Росс. юстиция. 2012. № 7. С. 50—52.

10. *Кольцов Д.В*. Негласные оперативно-розыскные мероприятия как форма реализации специальных методов расследования в российском законодательстве // Тр. Акад. управления МВД России. 2022. № 4(64). С. 147—158.

11. *Литвишко П*. Первый «блокирующий» закон против неправомерной трансграничной иностранной и международной правоохранительной и судебной деятельности в киберпространстве // Законность. 2025. № 10(1092). С. 24—28; № 11(1093). С. 16—22.

12. *Лукьянова А.А.* Уголовная ответственность за подделку, сбыт и использование поддельных документов: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 266 с.

13. *Лукьянова А*. Электронный официальный документ как предмет преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ // Уголовное право. 2016. № 3. С. 57—62.

14. *Малык А.В*. Электронные доказательства: дискуссия // Мир криминалистики. 2024. № 3. С. 50—54.

15. *Полицан Д.А.* Цифровое и электронное доказательство — pro et contra: проблемы терминологии // Росс. судья. 2022. № 7. С. 38—44.

16. *Преступления*, связанные с использованием компьютерной сети: Справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10—17 апреля 2000 года (Документ ООН A/CONF.187/10 от 14.12.1999).

17. *Скобелин С.Ю*. Сложные вопросы расследования киберпреступлений // Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Москва, 29 февраля 2024 г.). М.: Моск. акад. Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 228—231.

18. *Скобелин С.Ю.* Тактика осмотра криминалистически значимой компьютерной информации // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2025 года) / Отв. ред. Д.В. Воронков. Екатеринбург: АНО «КримЛиб» 2025. С. 188—193.

19. *Собирание* электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: Монография / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Проспект, 2022. 168 с.

20. *Цифровое* право: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. М.: Юрлитинформ, 2024. 720 с.

21. *Collecting* Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems: Monograph / editors S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow: Publishing House «Gorodets», 2024. 224 p.

22. *Guidelines* CM(2018)169-add1final of the Committee of Ministers of the Council of Europe on electronic evidence in civil and administrative proceedings (Adopted by the Committee of Ministers on 30 Jan. 2019, at the 1335th meeting of the Ministers' Deputies), Explanatory Memorandum.

23. *ISO/IEC* 27037:2012 Information technology — Security techniques — Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence.

24. *Model* Law on Mutual Assistance in Criminal Matters (2007), as amended with provisions on electronic evidence and the use of special investigative techniques (2022) (UN Doc. E/CN.15/2022/CRP.6 of 11 May 2022).

25. *Posada Jeanjacques J.Á.* Teoría criminalística de las huellas. La Habana: Editorial Capitán San Luis, 2015. 226 p.

26. *Regulation* (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings.

27. *The Practical* Guide for Requesting Electronic Evidence across Borders. Vienna: United Nations, 2021. 241 p.

References

1. *Antonov O.Yu*. Classification of traces of criminal activity recorded with the use of information and telecommunication technologies and its significance for solving expert tasks // Bulletin of criminalistics. 2023. No. 1(85). P. 14—20.

2. *Bagmet A.M., Bychkov V.V., Skobelin S.Yu., Ilyin N.N*. Digital traces of crimes: monograph. Moscow: Prospekt, 2021. 168 p.

3. *Belomyttsev N.N*. Cryptocurrency as an object of theft through the use of computer technology // Use of cryptocurrencies for illicit purposes and methodology of counteraction: proceedings of the International scientific and practical «roundtable» (Moscow, 25 April 2019) / gen. ed. A.M. Bagmet. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. P. 16—22.

4. *Bessonov A.A.* Some specificities of the criminalistic characteristics of cybercrimes (based on the practice of the Investigative Committee of the Russian Federation). Part 2 // Investigation of crimes: problems and ways of their solution. 2025. No. 4. P. 20—29.

5. *Bychkov V.V.* Theory and practice of investigation of crimes of an extremist character committed with the use of information and telecommunications networks: Diss. … Doctor of Juridical Sciences. Moscow, 2023. 722 p.

6. *Bychkov V.V., Prorvich V.*A. Scientific foundations of the state program for combating cyber extremism: monograph / ed. Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor V.A. Prorvich. Moscow: Alpen-Print, 2024. 572 p.

7. *Golovko L.V*. Digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution? // Bulletin of economic security. 2019. No. 1. P. 15—25.

8. *Evdokimov K.N*. Issues of qualification of illegal impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation (based on the materials of court practice) // Russian investigator. 2023. No. 5. P. 15—19.

9. *Efremova M.A.* On the issue of the concept of computer information // Russian justice. 2012. No. 7. P. 50—52.

10. *Koltsov D.V.* Covert operational-search measures as a form of implementation of special investigation techniques in the Russian legislation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4(64). P. 147—158.

11. *Litvishko P*. The first «blocking» statute against unlawful cross-border foreign and international law enforcement and judicial activities in cyberspace // Legality. 2025. No. 10(1092). P. 24—28; No. 11(1093). P. 16—22.

12. *Lukyanova A.A.* Criminal liability for forgery, uttering and use of counterfeited documents: Diss. … Candidate of Juridical Sciences. Moscow, 2017. 266 p.

13. *Lukyanova A.* An electronic official document as an object of a crime envisaged by art. 327 of the RF Criminal Code // Criminal Law. 2016. No. 3. P. 57—62.

14. *Malyk A.V.* Electronic evidence: discussion // World of criminalistics. 2024. No. 3. P. 50—54.

15. *Politsan D.A.* Digital and electronic evidence — pro et contra: problems of terminology // Russian judge. 2022. No. 7. P. 38—44.

16. *Crime*s related to computer networks. Background paper for the workshop on crimes related to the computer network. Tenth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. Vienna, 10—17 April 2000 (UN Doc. A/CONF.187/10 of 3 February 2000).

17. *Skobelin S.Yu*. Complex issues of the investigation of cybercrimes // Soviet and Russian criminalistics: traditions and modern vectors: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, 29 February 2024). Moscow: Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024. P. 228—231.

18. *Skobelin S.Yu*. Tactics of inspecting forensically relevant computer information // Technologies of the 21st century in jurisprudence: proceedings of the Seventh international scientific and practical conference (Yekaterinburg, 5 June 2025) / ed. D.V. Voronkov. Yekaterinburg: ANO «CrimLib», 2025. P. 188—193.

19. *Collecting* electronic evidence in criminal cases in the territory of Russia and foreign countries: experiences and problems: monograph / gen. and sci. ed. S.P. Shcherba. Moscow: Prospekt, 2022. 168 p.

20. *Digital* law: study aid / ed. Doctor of Juridical Sciences, Professor of the MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia E.L. Sidorenko. Moscow: Yurlitinform, 2024. 720 p.

21. *Collecting* Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experiences and Problems: Monograph / editors S.P. Shcherba (Russian ed.) and P.A. Litvishko (English ed.). Moscow: Publishing House “Gorodets”, 2024. 224 p.

22. *Guidelines* CM (2018)169-add1final of the Committee of Ministers of the Council of Europe on electronic evidence in civil and administrative proceedings (Adopted by the Committee of Ministers on 30 Jan. 2019, at the 1335th meeting of the Ministers’ Deputies), Explanatory Memorandum.

23. *ISO/IEC* 27037:2012 Information technology — Security techniques — Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence.

24. *Model* Law on Mutual Assistance in Criminal Matters (2007), as amended with provisions on electronic evidence and the use of special investigative techniques (2022) (UN Doc. E/CN.15/2022/CRP.6 of 11 May 2022).

25. *Posada Jeanjacques J.Á.* Teoría criminalística de las huellas [The criminalistics theory of traces]. La Habana: Editorial Capitán San Luis, 2015. 226 p.

26. *Regulatio*n (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings.

27. *The Practical* Guide for Requesting Electronic Evidence across Borders. Vienna: United Nations, 2021. 241 p.

Информация об авторе

П.А. Литвишко — кандидат юридических наук, заместитель начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации — начальник управления правовой помощи и правоохранительного содействия.

Information about the author

P.A. Litvishko — is a Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the General Department of International Legal Cooperation — Head of the Department of Legal and Law Enforcement Assistance, Prosecutor General’s Office of the Russian Federation.

УДК 34

©Озеров И.Н.,2026

К вопросу о пределах компетенции следователя, оперативного подразделения и специалиста при раскрытии и расследовании преступлений в особых условиях

Игорь Николаевич Озеров
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
E-mail: 79092026466@yandex.ru

Аннотация. Предметом статьи является ситуация, в которой специалист предупреждает следователя о том, что избранный способ работы создает конкретную угрозу безопасности участников, сохранности объекта либо проверяемости результата, тогда как процессуальное решение остается в ведении следователя и должно быть принято без промедления. УПК РФ определяет статус участников, но прямо не устанавливает юридического значения такого предупреждения. На основе нормативного анализа, сопоставления научных позиций и изучения правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации сформулирован вывод: предупреждение специалиста не обладает силой процессуального вето, однако влечет обязанность уполномоченного лица дать на него мотивированный ответ. Отступление от предупреждения допустимо при неотложности, если отсутствует менее рискованный способ, причины решения зафиксированы, а необратимое воздействие на объект сведено к необходимому минимуму. Показаны пределы этого правила применительно к деятельности оперативного подразделения, работе с цифровыми устройствами и разграничению функций специалиста и эксперта.

Ключевые слова: следователь, оперативное подразделение, специалист, специальные знания, профессиональное предупреждение, процессуальное решение, особые условия, цифровая информация.

Для цитирования: Озеров И.Н. К вопросу о пределах компетенции следователя, оперативного подразделения и специалиста при раскрытии и расследовании преступлений в особых условиях // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 60—68.

On the issue of the limits of competence of an investigator, an operational unit and a specialist in the detection and investigation of crimes in special conditions

Igor N. Ozerov
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia
E-mail: 79092026466@yandex.ru

Abstract. The article examines a situation in which a specialist warns an investigator that the chosen method poses a specific risk to participant safety, object integrity or result verifiability, while the procedural decision remains within the investigator's authority and must be made without delay. The Criminal Procedure Code defines the participants' status but does not expressly determine the legal effect of such a warning. Based on normative analysis, comparison of scholarly positions and examination of the case law of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, the article argues that a specialist's warning does not amount to a procedural veto but triggers a duty of reasoned response by the authorised decision-maker. Departure from the warning is permissible in urgent circumstances where no less risky method is available, the reasons are recorded and irreversible interference is reduced to the necessary minimum. The limits of this rule are considered in relation to operational units, digital devices, and the distinction between the functions of a specialist and an expert.

Keywords: investigator, operational unit, specialist, special knowledge, professional warning, procedural decision, special conditions, digital information.

For citation: Ozerov I.N. On the issue of the limits of competence of an investigator, an operational unit and a specialist in the detection and investigation of crimes in special conditions // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 60—68.

Разграничение полномочий следователя, оперативного подразделения и специалиста обычно описывается через их процессуальный статус. Для практики этого недостаточно. Наиболее сложная коллизия возникает тогда, когда специалист до начала либо в ходе действия сообщает, что избранный технический прием может привести к взрыву, обрушению, уничтожению следа, изменению цифровых данных или получению результата, который нельзя будет проверить. Следователь сохраняет право определять процессуальную цель и порядок действия, а обстановка не всегда оставляет время для замены участника или оборудования. УПК РФ регулирует полномочия сторон, но не отвечает прямо на вопрос, какое значение имеет профессионально мотивированное предупреждение специалиста и как должно быть оформлено решение, принятое вопреки ему.

Под *особыми условиями* здесь понимается не отдельная форма уголовного судопроизводства, а фактическая обстановка, в которой обычный порядок организации работы ограничен непосредственной опасностью, кратким временем доступа к объекту, нарушением связи, недостатком технических средств либо риском безвозвратной утраты информации. Такие обстоятельства влияют на очередность действий и объем доступных организационных решений, но сами по себе не приостанавливают действия процессуальных гарантий. Статья не охватывает распределения административной ответственности внутри ведомств и не претендует на статистическую оценку распространенности рассматриваемых конфликтов[1].

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: ограничивает ли профессиональное предупреждение специалиста процессуальную самостоятельность следователя и, если не ограничивает, какие обязанности возникают у следователя после его получения? Проверяется гипотеза о том, что такое предупреждение не переносит решение к специалисту, но исключает немотивированное игнорирование сообщенного риска. Для проверки использованы системное толкование ст. 38, 58, 164, 166 и 168 УПК РФ, сопоставление функций участников, анализ двух судебных позиций и разбор ситуаций, в которых технический способ способен необратимо изменить объект.

С.А. Шейфер характеризовал специалиста при осмотре как научно-технического помощника следователя и связывал решение о его приглашении со степенью владения следователем соответствующими приемами обнаружения и закрепления доказательств. Эта конструкция последовательно сохраняет руководящую роль следователя. Ее ограничение обнаруживается при работе с объектами, свойства которых нельзя надежно оценить без специальной подготовки: следователь может не знать о риске до тех пор, пока специалист его не обозначит. Критерий, основанный только на самооценке знаний следователя, в подобных случаях не обеспечивает выбора безопасного метода[2].

Е.Р. Россинская относит к специальным знаниям систему теоретических знаний и практических навыков, приобретенных посредством специальной подготовки или профессионального опыта и используемых для решения задач судопроизводства. Из этой позиции не вытекает право специалиста принимать юридические решения. Она, однако, показывает, почему профессиональное суждение о свойствах объекта нельзя заменить должностным старшинством: основание

[1] *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2026); *Озеров И.Н.* Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях: Монография. М.: Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 142 с.; *Расследование* преступлений в чрезвычайных условиях: Учеб. пособие / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2020. 304 с.

[2] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 55.

такого суждения находится не в процессуальной власти, а в знаниях, которыми другие участники могут не обладать[1].

Р.Н. Абасов и Е.И. Симоненко разграничивают процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний, относя к первым собственные знания следователя, участие специалиста и судебную экспертизу. Ю.В. Красненко предлагает различать технические средства по степени их уголовно-процессуальной регламентации. Обе схемы описывают форму участия или положение технического средства, но оставляют открытым вопрос о конфликте между процессуальной целью и профессиональной оценкой способа ее достижения. Именно этот промежуток между статусом и конкретным решением составляет предмет настоящей статьи[2][3].

Е.А. Зайцева и А.И. Садовский рассматривают следователя как субъекта формирования доказательств, который использует специальные знания и научно-технические средства, но сохраняет ответственность за процессуальную форму результата. Такая постановка убедительно препятствует переносу доказательственной функции к специалисту. При этом она требует дополнения применительно к конфликтной ситуации: если доказательство формируется следователем с опорой на техническую операцию другого лица, в материалах должны быть различимы профессиональная оценка условий операции и самостоятельное решение следователя о ее продолжении[4].

Нормативная отправная точка не вызывает сомнений. Следователь в пределах находящегося в его производстве дела самостоятельно направляет ход расследования и принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Он определяет правовое основание вмешательства, круг устанавливаемых обстоятельств, обеспечивает права участников и оценивает полученные сведения. Из этого, однако, нельзя вывести право следователя единолично устанавливать физическую безопасность операции либо достоверность специального метода, если для такой оценки требуются знания иной профессиональной области[5].

Статус специалиста построен иначе. Он привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств и разъяснении вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Специалист вправе отказаться от участия при отсутствии необходимых знаний, знакомиться с протоколом и заявлять замечания, подлежащие внесению в него; следователь до начала действия удостоверяется в его компетентности. В сочетании с требованиями ст. 166 УПК РФ к описанию технических средств и заявлений участников эти нормы дают правовую основу для фиксации профессионально значимого предупреждения, хотя сам термин в Кодексе не используется[6].

Профессиональным предупреждением специалиста предлагается считать конкретное и мотивированное сообщение, сделанное в пределах специальных знаний, о том, что намеченный способ выполнения задачи создает существенный

[1] *Россинская Е.Р.* Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журн. росс. права. 2001. № 5. С. 32—34.

[2] *Красненко Ю.В.* Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты использования технических средств при производстве следственных действий // Белгород. криминал. чтения: Сб. науч. тр. Вып. 10. Белгород: Белгород. юрид. ин-т МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 69—70.

[3] *Абасов Р.Н., Симоненко Е.И.* Формы использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Белгород. криминал. чтения: Сб. науч. тр. Вып. 10. Белгород: Белгород. юрид. ин-т МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 3—6.

[4] *Зайцева Е.А., Садовский А.И.* Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

риск для жизни или здоровья, сохранности объекта либо возможности проверить полученный результат. Предупреждение должно указывать не только на нежелательность действия, но и на механизм предполагаемого неблагоприятного последствия. Высказывание о юридической квалификации, допустимости доказательства или целесообразности оперативно-розыскного мероприятия к такому предупреждению не относится.

Предупреждение необходимо отличать от отказа специалиста и обычной технической рекомендации. Отказ по п. 1 ч. 3 ст. 58 УПК РФ означает, что лицо не считает себя обладающим требуемыми знаниями. *Рекомендация* выражает предпочтение одного из допустимых способов. *Предупреждение* касается способа, который, по профессиональной оценке специалиста, способен причинить конкретный и существенный вред. Различие имеет практическое значение: рекомендация допускает выбор без специальной мотивировки, тогда как предупреждение требует от уполномоченного лица проверки основания риска и выраженного ответа.

Авторская позиция состоит в том, что предупреждение специалиста не обладает силой процессуального вето. Иное решение фактически передало бы специалисту полномочие определять ход следственного действия. Вместе с тем полученное предупреждение порождает обязанность мотивированного реагирования: следователь должен выяснить фактическое основание риска, рассмотреть менее опасный способ и зафиксировать принятое решение. Эта обязанность не ограничивает процессуальную самостоятельность; она делает проверяемым использование самостоятельности в ситуации, когда существенная часть исходных данных поступает от лица со специальными знаниями.

При угрозе жизни и здоровью предел усмотрения задается ч. 4 ст. 164 УПК РФ, запрещающей действия, создающие такую опасность. Если взрывотехник сообщает о вероятности срабатывания устройства при перемещении либо инженер указывает на признаки обрушения конструкции, правовым основанием прекращения или изменения осмотра служит не распоряжение специалиста, а установленный законом запрет. Специалист устанавливает профессионально значимый факт, на который следователь обязан отреагировать. Необоснованное либо выходящее за пределы знаний заявление, напротив, не связывает следователя и может быть проверено привлечением другого сведущего лица[1].

Риски повреждения объекта и снижения надежности результата требуют более гибкого решения. Уголовно-процессуальный закон не запрещает всякого воздействия на исследуемый предмет: осмотр, изъятие и применение технических средств нередко предполагают изменение его положения или состояния. Поэтому предупреждение о возможной утрате части данных не означает автоматической остановки. Следователь вправе продолжить действие, когда промедление создает больший риск, но должен сопоставить последствия, ограничить вмешательство необходимым объемом и сохранить сведения, позволяющие впоследствии проверить способ получения результата[2].

Против обязанности мотивированного реагирования можно возразить, что она создает скрытую зависимость следователя от специалиста. Такое возражение было бы справедливым, если бы специалист определял итог решения. Предлагаемая конструкция этого не предусматривает: следователь вправе не согласиться, а специалист не вправе остановить

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
[2] Там же; *Зайцева Е.А., Садовский А.И.* Указ. соч.

действие только по причине профессионального разногласия. Обязательным является не согласие, а отражение существенного сообщения и причин выбранного варианта. Аналогичный подход уже заложен в праве участника знакомиться с протоколом и вносить замечания, которые не подменяют решения следователя, но сохраняют для последующей проверки иную оценку условий действия[1].

Другое возражение связано с возможной ошибкой или чрезмерной осторожностью специалиста. Профессиональный статус не гарантирует безошибочности. Поэтому следователь должен проверить, относится ли вопрос к подготовке привлеченного лица, попросить раскрыть фактическое основание предупреждения и, если позволяет время, получить мнение другого специалиста. При расхождении профессиональных оценок решение все равно принимает субъект, наделенный соответствующим полномочием; в протоколе либо приложении к нему следует отразить содержание разногласия и причины выбора одного способа.

Неотложность образует предел предлагаемого правила, но не отменяет его. Когда отказ от немедленной операции с высокой вероятностью приведет к утрате объекта, продолжению преступления или опасности для людей, а равноценной альтернативы нет, следователь может действовать вопреки предупреждению. Для такого решения необходимы три условия, вытекающие из его проверяемости: риск промедления должен быть конкретным, вмешательство — минимально достаточным, а причины отступления — зафиксированными. Наличие этих условий не предрешает допустимости доказательства, но позволяет суду оценить обоснованность выбранного способа.

Компетенция оперативного подразделения основана на Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Следователь вправе поручить установление обстоятельств, имеющих значение для дела, но не приобретает права самостоятельно выбирать оперативно-розыскное мероприятие, определять негласную тактику или раскрывать защищаемые законом источники. Поручение должно задавать результат, сроки и допустимые процессуальные ориентиры; решение о законном сочетании оперативных сил и средств остается за уполномоченным оперативным должностным лицом[2].

Поэтому адресат обязанности мотивированного реагирования определяется предметом предупреждения. При производстве следственного действия им является следователь. Если предупреждение относится к способу проведения оперативно-розыскного мероприятия, решение принимает должностное лицо оперативного органа, отвечающее за его организацию. При производстве судебной экспертизы вопрос о пригодности методики разрешается экспертом и руководителем экспертного учреждения в пределах закона. Специалист не получает общего права запрещать действия иных участников; его сообщение должно рассматриваться тем субъектом, которому принадлежит спорное решение.

Показательна правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе Д.А. Прозоровского. Заявитель оспаривал возможность получения текстов сообщений и иных сведений из памяти изъятых абонентских устройств без отдельного судебного решения; суды по его уголовному делу отказались признавать протоколы осмотра недопустимыми. Конституционный Суд указал, что

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

[2] *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.; Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 1 апреля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2026); *Кривенко А.И.* Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М.: Юрлитинформ, 2008. 240 с.

осмотр и экспертиза информации в памяти устройства, законно изъятого при следственном действии, сами по себе не требуют специальной судебной санкции, а действия следствия могут быть обжалованы по ст. 125 УПК РФ[1].

Из определения № 189-О нельзя выводить универсальное разрешение на любой способ доступа к цифровому устройству. Суд разрешал вопрос о необходимости отдельного судебного решения, а не о выборе программного средства, сохранении энергозависимых данных или допустимой степени изменения файловой системы. Пример показывает различие двух уровней: следователь определяет процессуальное основание осмотра, тогда как технические последствия конкретного способа должны оцениваться с использованием специальных знаний. Профессиональное предупреждение в такой ситуации не оспаривает права на осмотр, а касается условий его безопасного и проверяемого осуществления.

Иной аспект границ специальных знаний рассмотрен Верховным Судом Российской Федерации в определении № 5-УД23-13-К2, включенном в «Обзор судебной практики» № 2 за 2025 г. По делу о нарушении правил дорожного движения сторона защиты представила заключения специалистов, в которых выводы судебно-медицинских экспертиз объявлялись ошибочными и поверхностными, и ходатайствовала о комплексной медико-автотехнической экспертизе. Верховный Суд согласился с отклонением этих заключений, поскольку поставленные специалистам вопросы сводились к ревизии экспертных исследований и фактически предполагали проведение сходного исследования вне формы судебной экспертизы[2].

Предел вывода из этого у́же, чем общий запрет специалисту критиковать эксперта. Верховный Суд одновременно отметил, что сторона защиты могла использовать высказанные специалистом суждения для аргументации и постановки вопроса о дополнительной экспертизе. Значит, специалист вправе указывать на профессионально значимые противоречия и ограничения, но не вправе подменять исследование, для которого закон предусматривает экспертную форму. Это разграничение применимо и к рассматриваемому предупреждению: сообщение о риске допустимо, а окончательный вывод, требующий самостоятельного исследования, должен быть получен посредством судебной экспертизы[3,4].

На опасном месте происшествия распределение решений может быть показано без создания искусственной иерархии. Оперативное подразделение сообщает о возможных соучастниках, оружии и сохраняющейся угрозе. Профильный специалист оценивает физическую возможность доступа и условия обращения с объектом. Следователь устанавливает процессуальную цель и пределы осмотра. Если предупреждение специалиста подтверждает угрозу, запрещенную ч. 4 ст. 164 УПК РФ, осмотр изменяется или откладывается. Если речь идет только о снижении качества фиксации, следователь вправе выбрать иной баланс при условии мотивированного решения.

---

[1] *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision314926.pdf (дата обращения: 21.07.2026).

[2] *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. П. 31, определение № 5-УД23-13-К2 // URL: https://www.vsrf.ru/documents/reviews/34521/ (дата обращения: 21.07.2026).

[3] *Федеральный* закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22 июля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2026); *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (с изм. от 29 июня 2021 г. № 22) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2;

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025). П. 31, определение № 5-УД23-13-К2.

При осмотре включенного цифрового устройства заранее установленной универсальной последовательности нет. Отключение может прекратить удаленное воздействие, но одновременно уничтожить данные оперативной памяти или активировать защиту. Специалист обязан объяснить риск применительно к конкретному устройству, а не воспроизвести общую инструкцию. Следователь фиксирует исходное состояние, цель доступа, выполненные операции и результат. Когда немедленное получение сведений необходимо для предотвращения продолжаемого преступления, оперативная потребность должна быть отделена в документах от последующего процессуального закрепления информации[1].

Игнорирование предупреждения не влечет автоматического признания доказательства недопустимым. Такой вывод был бы чрезмерным, поскольку ст. 75 УПК РФ связывает недопустимость с нарушением требований закона, а не с любым профессиональным разногласием. Значение имеют последствия: возникла ли опасность, изменился ли объект, можно ли установить происхождение данных, воспроизвести способ их получения и проверить достоверность результата. Зафиксированное предупреждение становится одним из материалов для этой оценки, но не заменяет ее[2].

Для документирования не требуется вводить новый процессуальный акт. Достаточно, чтобы протокол и приложения позволяли установить содержание предупреждения, его профессиональное основание, принятое решение и фактический результат операции. При сложном техническом действии специалист может изложить пояснение письменно, а следователь — приобщить его как приложение к протоколу с указанием собственного решения. Такая запись защищает не только права участников, но и самого следователя: она показывает, какие сведения были ему доступны и почему выбранный риск признан приемлемым.

Взаимодействие с оперативным подразделением требует отдельной оговорки. В особых условиях краткая ориентирующая информация может быть передана до полного оформления материалов ОРД, если она необходима для предотвращения опасности или выбора первоочередных действий. Ее временный характер не должен стирать происхождение сведений. После устранения препятствий результаты представляются в установленном межведомственной Инструкцией порядке; следователь проверяет их и принимает самостоятельное решение о возможном процессуальном использовании[3].

Практическая подготовка участников должна проверять не запоминание перечней полномочий, а способность действовать при конфликте профессиональных оценок. Учебная ситуация может включать предупреждение о риске повреждения цифрового носителя, ограниченное время доступа и отсутствие второго специалиста. От следователя требуется не угадать единственно правильный прием, а сформулировать цель, запросить основания предупреждения, выбрать вариант и оформить причины решения. Такой подход соответствует задачам подготовки к работе в особых условиях, но не предполагает обучения специалиста

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; *Красненко Ю.В.* Указ. соч.; *Приказ* МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. 13 дек.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; приказ МВД России и других федеральных органов от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

юридической оценке или следователя — замещению профильного специалиста[1].

Предлагаемое правило имеет четкие границы. Оно действует, когда сообщение сделано компетентным лицом, относится к конкретному техническому или иному специальному вопросу и указывает на существенный риск безопасности, сохранности либо проверяемости результата. Оно не распространяется на несогласие специалиста с квалификацией деяния, оценкой доказательств, выбором меры процессуального принуждения или оперативно-розыскного мероприятия. Получение второго мнения желательно, но не является обязательным, если обстановка объективно не позволяет его получить.

Проведенный анализ дает ответ на поставленный вопрос. Профессиональное предупреждение специалиста не сужает установленную законом компетенцию следователя и не превращает специалиста в сопринимающее решение лицо. Его юридическое значение состоит в другом: после получения конкретного и мотивированного предупреждения решение не может оставаться немотивированным. Уполномоченный участник обязан проверить основание риска, рассмотреть доступную альтернативу и сохранить в материалах сведения, позволяющие оценить принятое решение.

На уровне действующего законодательства этот результат может быть реализован через ст. 58, 166 и 168 УПК РФ без введения новой процессуальной формы. Межведомственные рекомендации должны раскрывать порядок фиксации предупреждения и ответа на него, особенно при работе с цифровыми и опасными объектами. Необходимость самостоятельной законодательной нормы может обсуждаться после изучения следственной и судебной практики: настоящая статья не содержит эмпирических данных, достаточных для вывода о масштабе проблемы и частоте случаев, когда отсутствие такой нормы повлекло утрату доказательств или угрозу участникам.

Список источников

1. *Абасов Р.Н., Симоненко Е.И.* Формы использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Белгород. криминал. чтения: Сб. науч. тр. Вып. 10. Белгород: Белгород. юрид. ин-т МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 3—6.

2. *Зайцева Е.А., Садовский А.И*. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.

3. *Красненко Ю.В*. Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты использования технических средств при производстве следственных действий // Белгород. криминал. чтения: Сб. науч. тр.. Вып. 10. Белгород: Белгород. юрид. ин-т МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 67—71.

4. *Кривенко А.И*. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М.: Юрлитинформ, 2008. 240 с.

5. *Озеров И.Н*. Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях: Монография. М.: Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 142 с.

6. *Расследование* преступлений в чрезвычайных условиях: Учеб. пособие / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2020. 304 с.

7. *Россинская Е.Р*. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журн. росс. права. 2001. № 5. С. 32—43.

[1] *Озеров И.Н.* Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях; *Расследование* преступлений в чрезвычайных условиях / Отв. ред. Я.В. Комиссарова.

8. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 183 с.

References

1. *Abasov R.N., Simonenko E.I.* Forms of Using Special Knowledge in Crime Detection and Investigation // Belgorod Criminalistic Readings: Collection of Scientific Papers. Issue 10. Belgorod: Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 3—6.

2. *Zaitseva E.A., Sadovsky A.I.* Formation of Evidence by an Investigator Using Special Knowledge and Scientific and Technical Means. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 292 p.

3. *Krasnenko Yu.V.* Criminalistic and Criminal-Procedural Aspects of the Use of Technical Means in Investigative Actions // Belgorod Criminalistic Readings: Collection of Scientific Papers. Issue 10. Belgorod: Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 67—71.

4. *Krivenko A.I.* Theory and Practice of Interaction between an Investigator and Bodies Carrying Out Operational-Search Activity. Moscow: Yurlitinform, 2008. 240 p.

5. *Ozerov I.N.* Organization of Crime Detection and Investigation under Special Conditions. Moscow: Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. 142 p.

6. *Crime* Investigation in Emergency Conditions / ed. by Ya.V. Komissarova. Moscow: Prospekt, 2020. 304 p.

7. *Rossinskaya E.R.* Special Knowledge and Modern Problems of Its Use in Legal Proceedings // Journal of Russian Law. 2001. No. 5. P. 32–43.

8. *Sheifer S.A.* Investigative Actions: Grounds, Procedural Order and Evidentiary Significance. Moscow: Yurlitinform, 2004. 183 p.

Информация об авторе

И.Н. Озеров — заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

I.N. Ozerov — is Head of the Department of Forensic Expertise and Operational-Search Activity, Faculty of Criminalist Training, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of Legal Sciences, Associate Professor, Colonel of Justice.

УДК 34

©Ревин В.В., 2026

Правовая природа виртуального имущества как предмета хищения: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства

Владимир Викторович Ревин
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-mail: vladimir.revin36@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы виртуального имущества как предмета хищения в уголовном праве Российской Федерации. Анализируется понятие виртуального имущества, его ключевые признаки и соотношение с категориями «цифровые права», «иное имущество» и объектами интеллектуальной собственности. Рассматриваются основные доктринальные концепции прав пользователя на виртуальное имущество в российской и зарубежной цивилистической доктрине: вещно-правовая теория, теория интеллектуальных прав, договорная теория (теория оказания услуг) и теория натуральных обязательств. На основе анализа нормативных источников, судебной практики и доктринальных позиций проводится сравнительно-правовой анализ подходов к уголовно-правовой квалификации посягательств на виртуальное имущество в законодательстве и правоприменении Китая, Тайваня, Южной Кореи, Нидерландов и Российской Федерации. Выявляются модели признания виртуальных объектов предметом хищения, критерий реальной экономической ценности и тенденция «дематериализации» предмета хищения. Устанавливаются коллизии и правовые пробелы российского уголовного законодательства, связанные с неопределенностью статуса виртуального имущества и неоднородностью квалификации по ст. 158, 272 и 146 УК РФ, и формулируются предложения по совершенствованию ст. 158 УК РФ и гражданско-правового регулирования, направленные на обеспечение правовой определенности и эффективной уголовно-правовой охраны виртуального имущества

Ключевые слова: виртуальное имущество, хищение, предмет хищения, уголовная ответственность, дематериализация, сравнительное правоведение, квалификация преступлений, цифровые права, киберпреступность.

Для цитирования: Ревин В.В. Правовая природа виртуального имущества как предмета хищения: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 69—78.

The Legal Nature of Virtual Property as a Subject of Theft: a Comparative Legal Analysis of Russian and Foreign Legislation

Vladimir V. Revin
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Ogarev Mordovia State University», Saransk, Russia

E-mail: vladimir.revin36@yandex.ru

Abstract. The article examines the legal nature of virtual property as a subject of theft under the criminal law of the Russian Federation. It analyses the concept and key features of virtual property and its correlation with the categories of «digital rights», «other property» and intellectual property objects. The paper discusses the main civil-law concepts of the user's rights to virtual property developed in Russian and foreign doctrine: the property-law (real rights) theory, the intellectual property theory, the contractual (services) theory and the theory of natural obligations. On the basis of legislation, case law and scholarly writings, the author conducts a comparative legal analysis of approaches to the criminal-law qualification of unlawful acts against virtual property in the laws and practice of China, Taiwan, South Korea, the Netherlands and the Russian Federation. The research identifies different models of recognising virtual objects as the subject of theft, the criterion of real economic value and the general trend towards «dematerialization» of the subject of theft. The article reveals conflicts and gaps in current Russian criminal legislation, including the inconsistent use of Articles 158, 272 and 146 of the Criminal Code, and proposes amendments to Article 158 of the Criminal Code and to civil regulation aimed at ensuring legal certainty and effective criminal-law protection of virtual property.

Keywords: virtual property, theft, object of theft, criminal liability, dematerialization, comparative law, qualification of crimes, digital rights, cybercrime.

For citation: Revin V.V. The Legal Nature of Virtual Property as a Subject of Theft: a Comparative Legal Analysis of Russian and Foreign Legislation // The World of Criminology. 2026. No. 2. P.

Введение

Масштабная цифровизация экономики и повсеместное развитие разнообразных платформ для взаимодействия людей в сети Интернет привели в своей совокупности к появлению качественно нового вида имущества — виртуального, призванного выступать формой расчета, своего рода эквивалента денежным средствам и иному имуществу (движимому, недвижимому) в его классическом понимании.

По прогнозу компании Juniper Research, сделанному в 2018 г., совокупный объем мирового рынка внутриигровых предметов к 2022 г. составит 160 млрд долл. США [19]. Однако, по разным оценкам, по состоянию на 2025 г. рынок достиг показателей от 609,2 млн долл. США [20] до 20,8 млрд долл. США [21]. Вместе с тем большая разница между представленными цифрами никак не коррелирует с ростом преступности. Так, по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 г. число преступлений с применением информационно-телекоммуникационных технологий превысило 680 тыс., а причиненный ущерб составил свыше 156 млрд руб. [22]. На расширенном заседании коллегии МВД России в 2024 г. Президент Российской Федерации В. Путин прямо указал на необходимость серьезного совершенствования механизмов борьбы с правонарушениями в данной сфере [23]. Указанное обусллвливает актуальность темы исследования.

Вопросы правовой природы виртуального имущества в цивилистическом ключе исследовались в работах М.А. Рожковой, А.И. Савельева, Я.А. Перепелкиной, В.В. Кресса и др. Уголовно-правовые аспекты разрабатывались А.В. Шеслером, В.В. Хилютой, С.Н. Титовым, Е.В. Хромовым и В.Ю. Зябликовым и др. Зарубежный опыт правового регулирования систематизирован в трудах Дж. Фэйрфилда, а также Д. Пана в исследованиях, посвященных китайской модели охраны виртуального имущества. Вместе с тем комплексный сравнительно-правовой анализ подходов к уголовно-правовой квалификации посягательств на виртуальное имущество в законодательстве и судебной практике России и зарубежных государств в отечественной науке по-прежнему освещен недостаточно.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также метод анализа судебной практики. Нормативную базу образуют Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также законодательство Китая, Тайваня, Южной Кореи и Нидерландов.

Цель исследования состоит в установлении правовой природы виртуального имущества как предмета хищения и выработке предложений по устранению правовых пробелов в действующем уголовном и гражданском законодательстве. Для достижения указанной цели решаются следующие *задачи*:

- определить понятие и признаки виртуального имущества;
- проанализировать основные цивилистические концепции правовой природы прав пользователя на виртуальное имущество;
- исследовать уголовно-правовой аспект дематериализации предмета хищения;

- провести сравнительно-правовой анализ законодательства и судебной практики Китая, Тайваня, Южной Кореи, Нидерландов и Российской Федерации;
- выявить коллизии и правовые пробелы российского законодательства и сформулировать предложения по его совершенствованию.

Основная часть
Понятие виртуального имущества, его признаки

Уголовное законодательство Российской Федерации до настоящего времени не содержит специальной нормы, которая прямо предусматривала бы ответственность за хищение виртуального имущества, а сложившаяся правоприменительная практика отличается существенной неоднородностью.

Разумно выдвинуть предположение, что это происходит в отсутствие развитого понятийного аппарата и методологии. Отчасти это верно, поскольку термин «виртуальное имущество» (англ. virtual property) не имеет легального определения ни в российском, ни в большинстве зарубежных правопорядков. Сумма предлагаемых в доктрине определений сводится к пониманию виртуального имущества как нематериальных объектов, существующих исключительно в цифровой форме, обладающих экономической ценностью и ограниченных в использовании пределами соответствующей информационной системы или виртуального пространства, к которому относят внутриигровые предметы (так называемые скины, внутриигровую валюту), персонажей и аккаунты, а также объекты метавселенных и NFT-токены.

Кроме того, отсутствуют однозначные критерии для отнесения к указанной категории, а существующий плюрализм точек зрения по своей сути сводится к следующим [11, с. 4—7]:

- нематериальному характеру при аналогичной экономической ценности;
- существованию исключительно в цифровом виде (программный код);
- ограниченности копирования (или полной невоспроизводимости);
- «квазивладению» пользователя, осуществляемому посредством контроля учетных данных;
- зависимости судьбы объекта от «цифровой власти» оператора платформы.

Совокупность перечисленных признаков принципиально отличает виртуальное имущество как от традиционных вещей, так и от классических объектов интеллектуальной собственности.

Цивилистические подходы к правовой природе виртуального имущества

Согласно ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), цифровые права как новый объект гражданских прав охватывают «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». Данная норма сформировала частичную легальную платформу для признания виртуальных объектов объектами гражданских прав, однако ее действие ограничено преимущественно цифровыми финансовыми активами и не распространяется на игровое имущество в многопользовательских играх.

В цивилистической доктрине сложились четыре основных концепции правовой природы прав пользователя на виртуальное имущество: вещно-правовая теория [9], теория интеллектуальных прав, договорная теория (теория оказания услуг) и теория натуральных обязательств [3, с. 1—2].

Вещно-правовая концепция наделяет пользователя абсолютными правами, проводя аналогию между паролем от аккаунта и физическим владением вещью.

Теория интеллектуальных прав предполагает рассмотрение виртуальных объектов как результатов интеллектуальной деятельности либо как аудиовизуальные и (или) программные объекты, к которым пользователь получает неисключительную лицензию, а не вещное право [8, с. 5].

Договорная концепция квалифицирует отношения как обязательство из договора возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ).

Теория натуральных обязательств (ст. 1062 ГК РФ) отказывает пользователю в судебной защите, приравнивая многопользовательскую игру к азартной.

Дематериализация предмета хищения: уголовно-правовой аспект Традиционное уголовно-правовое учение исходит из того, что предмет хищения — это предмет материального мира, обладающий экономической ценностью и принадлежащий иному лицу на законных основаниях. Закрепление в примечании к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) указанных признаков оставляет вопрос о возможности отнесения нематериальных цифровых объектов к предмету хищения риторическим.

А.В. Шеслер убедительно доказывает, что «понятие имущества как предмета хищения не может быть идентично понятию имущества в гражданском праве», поскольку имеет самостоятельную уголовно-правовую природу [16, с. 7]. В.В. Хилюта исследует процесс «дематериализации предмета хищения», указывая на постепенный отход законодателя и судебной практики от требования материальности предмета при условии наличия у него экономической ценности и подконтрольности потерпевшему [14, с. 10]. Подтверждением этой тенденции служит распространение ст. 158 УК РФ на хищения безналичных денежных средств [25].

В правоприменительной практике сложились три конкурирующих подхода к квалификации незаконного завладения виртуальным имуществом:

- отказ в уголовно-правовой охране со ссылкой на отсутствие материального предмета посягательства;
- квалификация по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации);
- квалификация как хищения (ст. 158 УК РФ) при наличии реальной денежной стоимости виртуального объекта [13, с. 9—12].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации» [26] рекомендует в случаях, когда хищение сопряжено с неправомерным доступом к компьютерной информации, применять совокупность преступлений, не разрешая при этом самостоятельно вопрос о допустимости признания виртуальных объектов предметом хищения.

В 2016 г. в Красноярске двое злоумышленников, применив насилие к участнику турнира по Counter-Strike, принудили его передать виртуальные предметы на сумму 29 000 руб. [24]. Следствие квалифицировало деяние по ч. 2 ст. 162 УК РФ, указав, что «виртуальные предметы не являются имуществом, так как не являются объектом материального мира». Противоположная позиция выражена в приговоре Хорошевского районного суда г. Москвы [27], в котором суд признал создание и продажу внутриигровых предметов из игры King of kings 3 нарушением авторских прав (ч. 2 ст. 146 УК РФ) в совокупности с ч. 2 ст. 272 УК РФ. В 2020 г. Далматовский районный суд Курганской области осудил гражданина за четырехкратный неправомерный доступ к аккаунту в World of Tanks [28].

Правовое регулирование хищения виртуального имущества в зарубежных странах

Наиболее продвинутое регулирование в рассматриваемой сфере сформировалось в государствах Восточной Азии. Тайвань ввел уголовную ответственность за кражу виртуальных объектов путем включения компьютерных данных, обладающих имущественной ценностью, в понятие «имущества» в Уголовном кодексе. На Тайване было расследовано уже несколько сотен дел о краже виртуальной собственности, а Южная Корея ежегодно регистрирует десятки тысяч заявлений о хищении виртуальной собственности [13, с. 9].

В Китае Гражданский кодекс КНР 2020 г. (ст. 127) прямо указывает, что охране подлежит виртуальное имущество в соответствии со специальным законодательством при наличии такового, однако конкретной уголовно-правовой нормы по-прежнему не предусмотрено. Пробел восполняется судебной практикой: китайские суды квалифицируют хищение виртуального имущества либо как кражу (ст. 264 УК КНР), либо как мошенничество (ст. 266 УК КНР), ориентируясь на способ завладения и наличие обмана потерпевшего [10, с. 3—4].

Принципиальной вехой в европейской практике стало решение Верховного суда Нидерландов 2012 г. по делу о краже виртуальных предметов в онлайн-игре RuneScape. Суд оставил в силе обвинительный приговор, указав, что «вещи не обязаны быть материальными для того, чтобы право признало их похищенными», а «волшебные предметы обладают игровой ценностью и добываются игроками в результате приложения усилий и затрат времени» [7, с. 5]. Суд констатировал, что в результате цифровизации общества возникла виртуальная реальность, «которую нельзя рассматривать во всех аспектах как простую иллюзию, в отношении которой совершение правонарушения невозможно». Данная позиция до настоящего времени остается наиболее проработанным европейским прецедентом в рассматриваемой области.

В США вопрос квалификации хищения виртуального имущества решался преимущественно через доктрину fraud (мошенничество) и Computer Fraud and Abuse Act (18 U.S.C. § 1030), не предусматривающий специальных норм об ответственности за хищение именно виртуальных ценностей. В деле Kremen v. Cohen (2003) 9-й федеральный апелляционный суд признал право собственности на доменное имя как на имущество, открыв путь к аналогичным рассуждениям применительно к игровым объектам. Была обоснована концепция «виртуальной собственности» как разновидности права на вещь, указывая на схожесть контроля посредством пароля с физическим владением [18, с. 9].

Сравнительный анализ подходов

Проведенное исследование позволяет выделить несколько сложившихся подходов к правовой защите виртуального имущества от преступных посягательств. Так, государства Восточной Азии и Нидерланды фактически признали виртуальное имущество предметом хищения, применяя либо специальные нормы закона, либо расширительное толкование существующих составов преступлений против собственности. Россия по-прежнему остается в стороне от этой тенденции, опираясь главным образом на нормы о компьютерных преступлениях, которые, однако, не отражают имущественной природы совершаемых деяний.

Базовым доктринальным разногласием остается вопрос, является ли наличие материальной формы конститутивным признаком предмета хищения. Следует согласиться с позицией, согласно которой дематериализация предмета хищения — объективная тенденция развития

уголовного права в цифровую эпоху, и вопрос заключается лишь в выборе надлежащего правотворческого инструмента: расширительного толкования действующих норм либо введения специальных составов [14, с. 10]. Аргумент о невозможности украсть то, что не принадлежит потерпевшему по закону, снимается признанием режима квазивладения: пользователь фактически контролирует объект посредством учетных данных, и лишение его этого контроля причиняет реальный имущественный ущерб.

Проблемы квалификации хищения виртуального имущества в России

В действующем российском уголовном праве сформировалось пять конкурирующих подходов к квалификации незаконного завладения виртуальным имуществом:

- отказ от уголовной ответственности ввиду отсутствия предмета материального мира;
- квалификация по ст. 272 УК РФ;
- признание виртуального имущества предметом хищения (ст. 158 УК РФ);
- квалификация как преступления против интеллектуальной собственности (ст. 146 УК РФ);
- квалификация по совокупности (ст. 158 и 272 либо ст. 146 и 272 УК РФ).

Наиболее распространенный в практике подход — квалификация по ст. 272 УК РФ — обладает существенным дефектом: объектом данного преступления выступают общественные отношения в сфере правомерного доступа к компьютерной информации, а не имущественные права пользователя. Квалификация по ст. 272 УК РФ не отражает корыстной направленности деяния и не позволяет применить квалифицирующие признаки хищения (значительный ущерб, крупный и особо крупный размер). Применение ст. 146 УК РФ обоснованно, когда объект создан творческим трудом пользователя и соответствует критериям охраноспособности по авторскому праву; однако большинство стандартных игровых предметов этому критерию не удовлетворяет.

Применению ст. 158 УК РФ препятствует отсутствие в ГК РФ прямого указания на виртуальное игровое имущество как на самостоятельный объект гражданских прав. Согласно господствующей доктрине, уголовное право охраняет лишь те правоотношения, которые уже урегулированы регулятивными отраслями; следовательно, приведение к единообразию понимания в гражданском законодательстве является первичным условием для последовательного применения ст. 158 УК РФ. Вместе с тем ряд авторов обоснованно указывают на возможность самостоятельного уголовно-правового определения понятия «чужое имущество», исходя из наличия реальной экономической ценности объекта [15, с. 13].

Системной проблемой является также неурегулированность процедуры установления стоимости виртуального имущества для целей квалификации по признаку размера ущерба. Стоимость игрового аккаунта или предмета определяется рыночными котировками на вторичных площадках (Steam Market, FunPay и др.), которые волатильны и не признаются официальными источниками ценообразования. Отсутствие методик оценки создает дополнительные препятствия для возбуждения уголовного дела и доказывания состава преступления.

Предложения по совершенствованию законодательства

По итогам проведенного сравнительно-правового анализа представляется целесообразным рекомендовать следующее.

Во-первых, необходимо нормативно закрепить понятие «виртуальное имущество» в ГК РФ путем включения его в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) как разновидность «иного

имущества». Оптимальное определение: *виртуальное имущество* — нематериальные объекты, существующие в информационной системе, обладающие экономической ценностью и состоящие под контролем определенного пользователя посредством доступа к учетной записи. Данный шаг устраняет межотраслевой разрыв и создает гражданско-правовую основу для уголовно-правовой охраны.

Во-вторых, следует дополнить ст. 158 УК РФ примечанием следующего содержания: «Под имуществом в настоящей статье понимаются в том числе виртуальные объекты, обладающие реальной экономической ценностью и находящиеся под контролем потерпевшего в информационно-телекоммуникационной сети». Альтернативный вариант — введение самостоятельного квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 158 УК РФ: «г) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в отношении виртуального имущества».

В-третьих, необходима разработка ведомственного нормативного акта (методических рекомендаций МВД России или постановления Пленума Верховного Суда РФ), регулирующего порядок установления стоимости виртуального имущества для целей уголовного судопроизводства.

В-четвертых, квалификация по совокупности (ст. 158 и 272 УК РФ) должна применяться в случаях, когда завладение виртуальным имуществом сопряжено с неправомерным доступом к компьютерной информации; Пленум Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 создал для этого надлежащую правовую основу, однако она нуждается в конкретизации применительно к хищениям в игровом пространстве.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что вопрос о правовой природе виртуального имущества как предмета хищения перестал быть исключительно академическим: правопорядки Тайваня, Южной Кореи, Китая и Нидерландов выработали практические механизмы уголовно-правовой охраны виртуальных объектов, опираясь либо на расширительное толкование традиционных составов хищения, либо на специальные законодательные нормы.

Сложившаяся практика применения российского уголовного законодательства характеризуется своей неоднородностью в силу наличия правового пробела применительно к игровому имуществу, что ставит под угрозу реализацию конституционного права граждан на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) и принцип равенства перед законом, однако предлагаемые изменения образуют комплексное решение, которое вписывается в логику развития отечественного законодательства и опирается на уже существующий зарубежный опыт. Принятие таких мер обеспечит не только надлежащую уголовно-правовую охрану, но и правовую определенность для всех участников правоотношений рынка виртуального имущества.

Список источников

1. *Батурин Ю.М., Полубинская С.В*. Что делает виртуальные преступления реальными // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2018. № 2. С. 99—123.

2. *Васильев А.М., Козырин А.А*. Уголовно-правовая защита правомерных интересов в отношении виртуальных объектов // Урал. журн. правовых исследований. 2019. № 1 (2). С. 27—41.

3. *Васильева Д.Ю*. Виртуальное игровое имущество как объект гражданских прав // Ломоносов-2024: Материалы XXXI Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 12—26 апреля 2024 г. М., 2024. С. 1—2.

4. *Гаразовская Н.В*. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового

регулирования // E-Scio. 2020. № 4 (43). С. 276—290.

5. *Горохова О.Н.* «Игровое имущество» как разновидность «виртуального имущества» // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. С. 378—392.

6. *Дюранске Б.Т., Кейн Ш.Ф.* Виртуальные миры, реальные проблемы // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 115—134.

7. *Каткова М.М., Сурьянинова П.А*. Виртуальная собственность в компьютерных играх: проблемы регулирования в российском законодательстве // Тр. по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43, № 4. С. 91—106.

8. *Кресс В.В*. Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) прав // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9, № 1. С. 101—111.

9. *Нуждин Д.В*. Вещные права на виртуальные объекты // Legal Bulletin. 2023. № 1. С. 123—132.

10. *Пан Д*. Уголовно-правовая охрана кибервиртуального имущества в современном Китае // Государство и право. 2023. № 5. С. 168—180.

11. *Перепелкина Я.А*. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журн. Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 45—59.

12. *Савельев А.И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестн. гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127—150.

13. *Титов С.Н*. Квалификация завладения чужим имуществом в виртуальных мирах // Правосудие / Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 128—143.

14. *Хилюта В.В.* Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журн. росс. права. 2021. Т. 25, № 5. С. 68—82.

15. *Хромов Е.В., Зябликов В.Ю.* Хищение бестелесного имущества // Уголовное право. 2024. № 8. С. 46—67.

16. *Шеслер А.В*. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. № 491. С. 188—196.

17. *E-commerce* и взаимосвязанные области (правовое регулирование): Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. 447 с.

18. *Fairfield J.* (2005) Virtual Property. Boston University Law Review. Vol. 85 No. 4. P. 1048—1102.

19. *Juniper* Research. Loot Boxes In-Game Spend to Drive Digital Games Market, Surpassing $160 Billion by 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.juniperresearch.com/press/loot-boxes-in-game-spend-drive-digital-games-market-surpassing-160-billion-by-2022/ (дата обращения: 03.05.2026).

20. *Research* Nester. Gaming Merchandise Market Size & Share, Growth Trends 2025—2037 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/gaming-merchandise-market/6863 (дата обращения: 03.05.2026).

21. *Precedence* Research. Gamification Market Size, Share, Growth Analysis 2024—2034 [Электронный ресурс]. URL: https://www.precedenceresearch.com/gamification-market (дата обращения: 03.05.2026).

22. *В 2023* году ущерб от действий IT-преступников достиг 156 млрд рублей // Ведомости. 14.05.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/05/14/1037099-v-2023-godu-ot-deistvii-it-prestupnikov-postradali-113-000-pensionerov (дата обращения: 03.05.2026).

23. *Путин* призвал МВД серьезно совершенствовать борьбу с ИТ-преступлениями // ТАСС. 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/20419691 (дата обращения: 03.05.2026).

24. *В Красноярске* у геймера отобрали виртуальное оружие на 27 тыс. рублей // РИА Новости. 23.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20161223/1484383934.html (дата обращения: 13.06.2026).

25. *Постановлени*е Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

26. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

27. *Приговор* Хорошевского районного суда г. Москвы от 22 апреля 2014 г. по делу № 1-260/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

28. *Приговор* Далматовского районного суда Курганской области от 19 апреля 2020 г. по делу № 1-40/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V.* What makes virtual crimes real // Tr. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 2. P. 99—123.

2. *Vasiliev A.M., Kozyrin A.A.* Criminal law protection of legitimate interests in relation to virtual objects // Ural Journal. legal research. 2019. No. 1 (2). P. 27—41.

3. *Vasilyeva D.Y.* Virtual gaming property as an object of civil rights // Lomonosov-2024: Proceedings of XXXI International Scientific conference of students, postgraduates and young scientists. Moscow, April 12—26, 2024, Moscow, 2024. P. 1—2.

4. *Garazovskaya N.V.* Virtual property in games: prospects for legal regulation // E-Scio. 2020. No. 4 (43). P. 276—290.

5. *Gorokhova O.N.* «Gaming property» as a type of «virtual property» // E-commerce and interrelated areas (legal regulation): Collection of articles / Ed. by M.A. Rozhkov. Moscow: Statute, 2019. P. 378—392.

6. *Duranske B.T., Kane S.F.* Virtual worlds, real problems // Jurisprudence. 2013. No. 2 (307). P. 115—134.

7. *Katkova M.M., Suryaninova P.A.* Virtual property in computer games: regulatory issues in Russian legislation // Tr. on intellectual property. 2022. Vol. 43, No. 4. P. 91—106.

8. *Kress V.V.* Civil law regime of virtual (digital) rights // Economy. Right. Society. 2024. Vol. 9, No. 1. P. 101—111.

9. *Nuzhdin D.V.* Real rights to virtual objects // Legal Bulletin. 2023. No. 1. P. 123—132.

10. *Pan D.* Criminal and legal protection of cybervirtual property in modern China // State and Law. 2023. No. 5. P. 168—180.

11. *Perepelkina Ya.A.* Virtual gaming property: prospects of legal regulation // Journal. Intellectual property Rights courts. 2020. No. 3 (29). P. 45—59.

12. *Savelyev A.I.* The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games // Vestn. civil law. 2014. Vol. 14, No. 1. P. 127—150.

13. *Titov S.N.* Qualification of taking over other people's property in virtual worlds // Justice / Justice. 2025. Vol. 7, No. 2. P. 128—143.

14. *Khilyuta V.V.* Dematerialization of the object of theft and issues of qualification of encroachments on virtual property. Ross. rights. 2021. Vol. 25, No. 5. P. 68—82.

15. *Khromov E.V., Zyablikov V.Yu.* Theft of disembodied property // Criminal Law. 2024. No. 8. P. 46—67.

16. *Shesler A.V.* Virtual objects as a subject of illegal mercenary acquisition // Vestn. Volume of the State University. 2023. No. 491. P. 188—196.

17. *E-commerce* and interrelated areas (legal regulation): A collection of articles / Author's col. and ed. by Doctor of Law M.A. Rozhkov. Moscow: Statute, 2019. 447 p.

18. *Fairfield J.* (2005) Virtual Property. Boston University Law Review. Vol. 85 No. 4. P. 1048—1102.

19. *Juniper* Research. Loot Boxes In-Game Spend to Drive Digital Games Market, Surpassing $160 Billion by 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.juniperresearch.com/press/loot-boxes-in-game-spend-drive-digital-games-market-surpassing-160-billion-by-2022 / (date of access: 05/03/2026).

20. *Research* Nester. Gaming Merchandise Market Size & Share, Growth Trends 2025—2037 [Electronic resource]. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/gaming-merchandise-market/6863 (date of access: 05/03/2026).

21. *Precedence* Research. Gamification Market Size, Share, Growth Analysis 2024—2034 [Electronic resource]. URL: https://www.precedenceresearch.com/gamification-market (date of request: 05/03/2026).

22. *In 2023*, the damage caused by the actions of IT criminals reached 156 billion rubles. // Vedomosti. 05/14/2024 [Electronic resource]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/05/14/1037099-v-2023-godu-ot-deistvii-it-prestupnikov-postradali-113-000-pensionerov (date of appeal: 05/03/2026).

23. *Putin* called on the Ministry of Internal Affairs to seriously improve the fight against IT crimes // TASS. 2024 [Electronic resource]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/20419691 (date of request: 05/03/2026).

24. *In Krasnoyarsk*, a gamer was robbed of a virtual weapon worth 27 thousand rubles // RIA Novosti. 12/23/2016 [Electronic resource]. URL: https://ria.ru/20161223/1484383934.html (date of appeal: 06/13/2026).

25. *Resolution* of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

26. *Resolution* of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 No. 37 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 2.

27. The verdict of the Khoroshevsky District Court of Moscow dated April 22, 2014 in case no. 1-260/2014 // SPS «ConsultantPlus».

28. The verdict of the Dalmatovsky District Court of the Kurgan region dated April 19, 2020 in case no. 1-40/2020 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

В.В. Ревин — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

Information about the author

V.V. Revin — Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev».

УДК 34

©Скобелин С.Ю., 2026

Транснациональная киберпреступность как угроза национальной безопасности

Сергей Юрьевич Скобелин
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
Email: sergskob@inbox.ru

Аннотация. Раскрыты реальные угрозы национальной безопасности страны от киберпреступности. Дано актуальное состояние киберпреступности в России, современные способы ее выявления и противодействия.

Рассмотрены практические проблемы раскрытия и расследования данных преступлений, совершенных в условиях глубокой анонимизации, использовании прокси-серверов, VPN, теневых цифровых ресурсов.

Предложены некоторые меры повышения эффективности противодействия указанному явлению в России.

Ключевые слова: киберпреступность, ущерб, выявление, доказательства, противодействие.

Для цитирования: Скобелин С.Ю. Транснациональная киберпреступность как угроза национальной безопасности // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 79—83.

Transnational Cybercrime as a Threat to National Security

Sergey Yu. Skobelin
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia
Email: sergskob@inbox.ru

Abstract. This article reveals the real threats to national security posed by cybercrime. It also provides an overview of the current state of cybercrime in Russia and current methods for detecting and countering it.

The article examines the practical challenges of detecting and investigating these crimes committed under conditions of deep anonymization, using proxy servers, VPNs, and shadow digital resources.

Some measures are proposed to improve the effectiveness of countering this phenomenon in Russia.

Keywords: cybercrime, damage, detection, evidence, counteraction.

For citation: Skobelin S.Y. Transnational Cybercrime as a Threat to National Security // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 79—83.

Реальные масштабы киберпреступности в стране, ее реальные угрозы и причиненный (и причиняемый в настоящую минуту) ущерб гражданам, организациям и государству в целом представить довольно сложно. Сегодня с помощью сети Интернет и сотовой связи совершается огромное количество общественно опасных деяний (хищения денежных средств, в том числе цифровой валюты; незаконный оборот (чаще сбыт) наркотических средств, оружия, порнографии; склонения и доведения до самоубийств; развратные действия; экстремистские и террористические преступления; посягательства на объекты критической инфраструктуры; дискредитация ВС РФ и организация диверсионной деятельности; государственная измена, шпионаж и мн. др.). В эту противоправную деятельность вовлечены миллионы людей, а экономический, моральный, физический, политический вред от киберпреступности колоссальный[1].

Вряд ли в России есть человек, которому не звонили мошенники. Каждый такой звонок — это приготовление или

[1] *Информационные* технологии в уголовно-правовой сфере: Монография / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 7.

покушение, а иногда, к сожалению, и оконченные преступления (ст. 30, 159, 159.3 УК РФ), которые, согласно действующему законодательству, следует регистрировать и отражать в юридической статистике. По ним должны предприниматься соответствующие меры противодействия на организационном, социально-правовом, техническом, программно-аппаратном уровне[1].

В то же время внедренный Сбербанком России программный комплекс для предотвращения мошеннических транзакций, подключивший основных операторов сотовой связи страны к своей системе транзакционного антифрода в 2022 г., открыл поразительный факт — мошенники сделали 1,5 млрд звонков клиентам банков с целью похитить денежные средства. В 2024 г., по оценкам Сбербанка РФ, количество мошеннических звонков с подменных номеров гражданам страны составляло до 6 млн в сутки[2].

По информации Банка России, за 2023 г. граждане РФ перевели злоумышленникам 15,8 млрд руб. Согласно данным МВД России, ущерб по таким преступлениям в 2023 г. составил 156 млрд руб. Объем мошенничества в РФ сегодня оценивается экспертами до 165 млрд руб. в год[3]. Однако далеко не все жертвы мошеннических звонков обращаются с заявлениями в правоохранительные органы или жалобами в банк (около 3 млн за 2022 г.)[4].

При этом практикующие юристы и ученые в основном оперируют более скромными официальными данными. Так, по данным ГИАЦ МВД России, на протяжении последних трех лет из 2 млн регистрируемых преступлений 1/3 (около 700 тыс.) составляют именно преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Две трети таких преступлений (65%) совершается путем кражи или мошенничества, каждое шестое (18%) — в целях незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств[5]. Из регистрируемых раскрывается лишь 25% таких преступлений. Таким образом, около 150 тыс. виновных устанавливаются и привлекаются к уголовной ответственности[6].

Изучение следственной и судебной практики с 2022 по 2025 г. подтверждает печальный факт, что представшие перед судом — это чаще всего лица, нашедшие банковские карты и совершившие по ним покупки (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств); любители и отправители друг другу через мессенджеры и социальные сети порнографических материалов (ст. 242.1 УК РФ — распространение, публичная демонстрация порнографических материалов или предметов); организаторы азартных игр в сети (ст. 171.2 УК РФ)[7]. Выявляются и задерживаются лица, совершающие на территории страны без использования VPN и прокси-серверов такие преступления, как развратные действия, публичные призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, неправомерный доступ к компьютерной информации[8].

Современная следственная практика свидетельствует о том, что сеть Интернет

[1] *Номоканов В.А., Тропина Т.Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 47.
[2] https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-vvedenie
[3] https://www.kommersant.ru/doc/5218254
[4] https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-glava-1
[5] *Состояние* преступности в России за январь—декабрь 2025 года // file:///C:/Users/user/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf
[6] *Состояние* преступности в России за январь-декабрь 2023 года. МВД России ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения 12.02.2024).
[7] *Цифровые* следы преступлений: Монография / Багмет А.М. и др. М.: Проспект, 2025. С. 94.
[8] *Щерба С.П.* и др. Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: Монография. М.: Проспект, 2022.

и мобильная телефония стали активно использоваться в целях совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Если в 2013 г. было зарегистрировано 52 сообщения о преступлениях указанной категории, в 2014 г. — уже 276, а в последующие годы их количество только росло и в 2023 г. было зарегистрировано уже около тысячи подобных преступлений, при этом 1/3 из них остается нераскрытыми.

Согласно данным специалистов, эта цифра явно занижена и не отражает реального положения дел в этой области. Так, сотрудниками ГУК СК РФ в 2025 г. в ходе мониторинга социальной сети «ВКонтакте» с помощью обновленного программного обеспечения и нейросетей было выявлено около 6 тыс. фактов развратного и порнографического контента с несовершеннолетними.

Иногда правоохранительным органам удается задержать и доказать вину лиц, находящихся на территории РФ:

1) создающих информационную базу для мошенников — организаторов утечек и «пробивов» баз данных и торгующих персональными данными граждан РФ (ст. 272.1 УК РФ «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения» (введена Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ);

2) организующих телефонную связь с использованием SIP-телефонии, работы SIM-боксов либо предоставляющих свои SIM-карты, аккаунты, профили (ст. 274.3 УК РФ «Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции», 274.4 УК РФ «Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства РФ», 274.5 УК РФ «Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса» (введены Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ);

3) дропов — лиц, участвующих в обналичивании и зачислении похищенных денежных средств на свои банковские карты или счета в банкоматах или офисах банков РФ и последующего перевода на подконтрольные организаторам call-центра криптокошельки (ч. 3—6 ст.187 УК РФ «Передача из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств предоставленных ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций»; «Осуществление из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств неправомерных операций с использованием электронного средства платежа, предоставленного ему оператором по переводу денежных средств, по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица» и др. (введены Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ)

Что касается иных киберпреступлений, то удается также выйти на след и привлечь к уголовной ответственности так называемых «закладчиков» наркотических средств, исполнителей диверсионных и террористических актов.

Провальная ситуация на сегодняшний день относительно организаторов — лидеров преступных групп и деятельности тысяч мошеннических call-центров (Украина, Мьянма, Филиппины и др.), преступных сообществ, занимающихся с помощью теневых цифровых ресурсов (Kraken, Mega, BlackSprut и др.) незаконным оборотом наркотических средств,

оружия, заказчиков терактов, их HR — служб, технической поддержки и самих обзвонщиков, вербовщиков, продавцов (а последние сегодня — это чаще не физические лица — субъекты преступной деятельности, а боты-роботы). Пресечь такие кибепреступления, идентифицировать и задержать виновных лиц, наладить межгосударственное взаимодействие[1], расследовать и привлечь к справедливой ответственности правоохранительные органы РФ в сложившейся геополитической обстановке не в могут (если не считать уничтожение таких центров в ходе СВО военными методами).

Противодействие строится на профилактическо-просветительских методах работы с гражданами, усложнением аутентификации пользователей в сети Интернет, нарушении логистики преступников через специальные барьеры в банковской системе РФ (препятствия в транзакциях, выводе и обналичивании похищенного), блокировки подозрительных сайтов и чат-ботов в социальных сетях и мессенджерах, выявлении и привлечении к уголовной ответственности дропов, закладчиков, поджигателей и т.д.

Предлагаются следующие меры повышения эффективности противодействия указанному явлению в России.

1. Организовать межведомственное (в том числе электронное) взаимодействие правоохранительных органов, организаций кредитно-финансовой сферы, и операторов сотовой связи в целях оперативного обмена информацией о совершенных преступлениях и проведения блокирующих мероприятий по похищенным денежным средствам клиентов с проработкой вопроса возмещения причиненного гражданам ущерба.

2. Роскомнадзору совместно с компетентными органами нейтрализовать возможности использования скрытого сегмента сети Интернет (Tor, I2P и др.) с луковой маршрутизацией, по представлениям правоохранительных органов оперативно осуществлять блокировку интернет-ресурсов, где расположены площадки дроп-сервисов[2].

3. Предусмотреть уголовную ответственность за создание, руководство (администрирование), организацию, поддержку и обеспечение функционирования даркнет-рынков в целях незаконного оборота наркотических средств и иных запрещенных к свободному обороту предметов, веществ, документов (включив выявление, пресечение, раскрытие и расследование подобных преступлений в систему показателей работы соответствующих подразделений правоохранительных органов);

4. Использование даркнет-площадок для совершения преступлений или способствующих их совершению считать отягчающим обстоятельством и включить в ст. 63 УК РФ.

5. Субъектам, которые используют такие площадки для сбыта наркотических средств и иных ограниченных к свободному обороту объектов, вменять по совокупности ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления».

6. Предусмотреть уголовную ответственность с административной преюдицией за пропаганду либо незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ.

[1] *Литвишко П.А.* Алгоритм получения электронных доказательств из-за рубежа с учетом механизмов Конвенции ООН против киберпреступности 2024 г. // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 4 июня 2025 г.). М., 2025. С. 47—58.

[2] *Лебедева А.А.* Цифровые технологии в финансовой сфере (на примере криптовалют). Неизбежность или осознанный выбор Российской Федерации: Монография. М.: Проспект, 2021. С. 35.

Список источников

1. *Информационные* технологии в уголовно-правовой сфере: Монография / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.

2. *Лебедева А.А.* Цифровые технологии в финансовой сфере (на примере криптовалют). Неизбежность или осознанный выбор Российской Федерации: Монография. М.: Проспект, 2021.

3. *Литвишко П.А*. Алгоритм получения электронных доказательств из-за рубежа с учетом механизмов Конвенции ООН против киберпреступности 2024 г. // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 4 июня 2025 г.). М., 2025. С. 47—58.

4. *Номоканов В.А., Тропина Т.Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24).

5. *Состояние* преступности в России за январь—декабрь 2025 года// file:///C:/Users/user/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf

6. *Цифровые* следы преступлений: монография / Багмет А.М. и др. М.: Проспект, 2025.

7. *Щерба С.П.* и др. Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: Монография. М.: Проспект, 2022. 168 с.

References

1. *Information* Technologies in the Criminal Law Sphere: Monograph / ed. by A.I. Bastrykin, A.N. Savenkov. Moscow: UNITY-DANA, 2023.

2. *Lebedeva A.A.* Digital Technologies in the Financial Sphere (using Cryptocurrencies as an Example). Inevitability or a Conscious Choice of the Russian Federation: Monograph. Moscow: Prospect, 2021.

3. *Litvishko P.A.* Algorithm for Obtaining Electronic Evidence from Abroad Taking into Account the Mechanisms of the 2024 UN Convention against Cybercrime // Problems of Combating Cybercrime. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Moscow, June 4, 2025). Moscow: 2025. P. 47—58.

4. *Nomokanov V.A., Tropina T.*L. Cybercrime as a New Criminal Threat // Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2012. No. 1 (24).

5. *The State* of Crime in Russia for January-December 2025 // file:///C:/Users/user/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf

6. *Digital* Traces of Crimes: Monograph / Bagmet A.M. et al. Moscow: Prospect, 2025.

7. *Shcherba S.P.* et al. Collection of Electronic Evidence in Criminal Cases in Russia and Foreign Countries: Experience and Challenges. Monograph. Moscow: Prospect, 2022. 168 p.

Информация об авторе

С.Ю. Скобелин — доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

S.Yu. Skobelin — Associate Professor of the Department of Information Technology and Cybercrime Investigation at the A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, PhD in Law, Associate Professor, and Colonel of Justice.

УДК 34

©Хорев М.В., Бондаренко Р.В.,2026

Открытые данные как инструмент борьбы с трансграничной киберпреступностью

Михаил Владимирович Хорев
Тульский государственный университет, Тула, Россия

Роза Ватановна Бондаренко
Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
E-mail: bon_roz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования открытых данных (OSINT) как инструмента противодействия трансграничной киберпреступности. На основе анализа статистических данных за 2025 г. и практики правоохранительных органов РФ раскрывается методология сбора и анализа информации из общедоступных источников, включая социальные сети, мессенджеры, даркнет и утекшие базы данных. Особое внимание уделяется правовым аспектам использования OSINT в России в контексте ужесточения законодательства об обороте персональных данных и международному сотрудничеству в рамках Конвенции ООН против киберпреступности. Автором обосновывается необходимость перехода от реактивной модели защиты киберпространства к проактивной разведке угроз на основе открытых данных.

Ключевые слова: OSINT, открытые данные, киберпреступность, трансграничная преступность, цифровые следы, разведка по открытым источникам, Конвенция ООН против киберпреступности, утечки баз данных, персональные данные, проактивное выявление угроз, правоохранительные органы.

Для цитирования: Хорев М.В., Бондаренко Р.В. Открытые данные как инструмент борьбы с трансграничной киберпреступностью // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 84—88.

Open Data as a Tool for Combating Cross-Border Cybercrime

Mikhail V. Khorev
Tula State University, Tula, Russia

Roza V. Bondarenko
Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia
E-mail: bon_roz@mail.ru

Abstract: This article examines the potential of using open data (OSINT) as a tool for combating cross-border cybercrime. Based on an analysis of statistical data for 2025 and the practices of Russian law enforcement agencies, a methodology for collecting and analyzing information from publicly available sources, including social media, instant messaging apps, the dark web, and leaked databases, is presented. Particular attention is given to the legal aspects of OSINT use in Russia in the context of tightening legislation on personal data circulation and international cooperation under the UN Convention against Cybercrime. The author substantiates the need to transition from a reactive model of cybersecurity to proactive threat intelligence based on open data.

Keywords: OSINT, open data, cybercrime, cross-border crime, digital footprints, open-source intelligence, UN Convention against Cybercrime, database leaks, personal data, proactive threat detection, law enforcement.

For citation: Khorev M.V., Bondarenko R.V. Open Data as a Tool for Combating Cross-Border Cybercrime // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 84—88.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к эскалации киберпреступности, которая сегодня приобрела выраженный трансграничный характер. По данным Генпрокуратуры РФ, киберпреступления

составляют около 40% общего числа всех регистрируемых преступлений, а совокупный ущерб от кибератак в России в 2025 г. достиг 1,5 трлн руб.[1] Злоумышленники используют криптовалюты для вывода похищенных средств через границы — только в 2025 г. через криптообменники было выведено 295 млрд руб. В такой ситуации традиционные правоохранительные механизмы, основанные на реактивной защите и межгосударственных запросах, зачастую оказываются недостаточно эффективными. Все более значимым инструментом становится работа с открытыми данными — OSINT (Open Source Intelligence, разведка на основе открытых источников), позволяющая выявлять, отслеживать и пресекать киберпреступные действия на ранних стадиях, независимо от географического расположения злоумышленников.

В современном мире процессы выявления и изучения информации, имеющей значение для оперативной либо следственной работы правоохранительных органов, все больше зависят от современных информационных технологий, позволяющих извлекать, обрабатывать и сохранять цифровые данные пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет[2].

Преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, становятся все более изощренными и набирают все больший вес по сравнению с классическими. Так, в настоящее время доля таких преступлений растет в геометрической прогрессии. В связи с этим актуальной задачей для оперативных подразделений органов внутренних дел является активное использование интернет-ресурсов.

Сеть Интернет сегодня дает доступ к огромному количеству информации, представленной в открытом виде, — социальные сети, форумы, новостные сайты, специализированные платформы и др. На данных ресурсах содержится информация о различных событиях, личностях, взаимоотношениях людей, анализ которой может помочь при раскрытии и расследовании преступлений[3].

OSINT представляет собой методологию сбора, анализа и интерпретации информации из общедоступных источников[4]. К таким источникам относятся социальные сети, форумы, мессенджеры, средства массовой информации, а также публичные базы данных. Хакеры активно используют OSINT для планирования атак: они изучают открытые источники на предмет случайно опубликованных секретов, собирают данные о потенциальных жертвах через социальные сети. Однако те же методы могут быть обращены против преступников. Современные системы раннего предупреждения, основанные на OSINT, анализируют социальные сети и даркнет для выявления угроз до начала атаки. Технологический арсенал OSINT включает как пассивный сбор данных (IP-адреса, временные метки), так и активный мониторинг специализированных хакерских форумов и Telegram-каналов, где обсуждаются уязвимости, координируются атаки и продаются похищенные базы данных.

В России открытые данные уже превратились в действенный инструмент противодействия киберпреступности. Генпрокуратурой совместно с Росфинмониторингом, МВД и Центробанком создана единая база цифровых следов киберпреступников. В этой системе

[1] *Ущерб* от кибератак в России в 2025 году достиг 1,5 трлн рублей // ВЗГЛЯД.РУ, 23 октября 2025 г. URL: https://vz.ru/amp/news/2025/10/23/1368802.html[reference:28]

[2] *Кочергин Я.А.* Использование открытых источников информации (OSINT) в следственной и оперативно-розыскной деятельности // Вестн. науки. 2025. Т. 3, № 5 (86). С. 503.

[3] *Попов А.Д.* Основные этапы OSINT для нахождения оперативно значимой информации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2024. № 10-2. С. 194—197.

[4] *Подход* OSINT (Open-source intelligence) — способы использования злоумышленниками и экспертами по кибербезопасности // RT-Solar, 27 октября 2025 г. URL: https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/4674/[reference:25]

содержится информация более чем о 6 млн телефонных номеров, банковских реквизитах и сайтах, связанных с киберпреступной деятельностью. Как заявил Генеральный прокурор РФ Александр Гуцан, база позволяет выявлять серийные преступления, прекращать работу мошеннических кол-центров, замораживать преступные активы и во многих случаях предотвращать преступления[1].

На региональном уровне сотрудники правоохранительных органов также активно используют цифровые следы — IP-адреса, данные биллинга, геолокацию вышек сотовой связи и метаданные SIM-карт для идентификации киберпреступников. В сентябре 2025 г. в Санкт-Петербурге полицейские задержали киберпреступников, которые с помощью вредоносного ПО перехватывали контроль над мобильными приложениями и оформляли кредиты через портал «Госуслуги». Благодаря анализу цифровых следов были вскрыты каналы связи и установлены организаторы схемы.

Особого внимания заслуживает подход, основанный на анализе утекших баз данных. Специалисты F6 зафиксировали за 2025 г. 250 случаев публикации баз данных компаний СНГ на андеграундных форумах и в Telegram-каналах, из них 230 относятся к российским организациям. Суммарный объем утекших данных превысил 767 млн строк, включая электронные адреса, пароли, номера телефонов и паспортные данные. Для правоохранительных органов эти массивы информации представляют двойной интерес: во-первых, они сами являются предметом расследования; во-вторых, служат источником криминалистически значимой информации о преступных сетях. Анализ распространенных в утечках паролей и учетных данных позволяет выстраивать связи между различными преступными эпизодами и идентифицировать серийных злоумышленников.

Ключевая проблема использования открытых данных в борьбе с киберпреступностью — трансграничный характер самого киберпространства. Данные часто фрагментированы и хранятся в нескольких юрисдикциях, что затрудняет как их получение, так и юридическую квалификацию. Эту проблему усугубляет асимметрия правовых режимов: каждая страна имеет собственное законодательство о защите данных и доступе к цифровым доказательствам.

В России правовое регулирование в этой сфере в последние годы претерпело значительные изменения. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»[2] служит главным ограничителем для OSINT-деятельности. Как отмечают эксперты, красная линия проходит между сбором информации для себя и ее публичным распространением — опубликование найденных в открытых источниках персональных данных без согласия субъекта является прямым нарушением закона. С конца ноября 2024 г. введены ужесточенные нормы ответственности за утечки персональных данных, включая оборотные штрафы от 1 до 3% годового оборота компании и уголовную ответственность по ст. 272 УК РФ с максимальным наказанием до 10 лет лишения свободы[3]. Эти законодательные изменения затронули в том числе специалистов по OSINT и расследованию цифровых преступлений, что, по мнению экспертного сообщества, создает риск криминализации их профессиональной деятельности.

---

[1] *Россия* создала базу цифровых следов кибермошенников, сообщил Гуцан // РИА Новости, 21 октября 2025г. URL: https://fedsfm.ru/mediaaboutus/9184

[2] *Федеральный* закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

[3] *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) Статья 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации) // СПС «КонсультантПлюс».
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5c337673c261a026c476d578035ce68a0ae86da0/

Осознавая необходимость скоординированных усилий, Россия активно участвует в формировании международно-правовой базы противодействия киберпреступности. По инициативе России была разработана и 24 октября 2025 года Генеральной Ассамблеей ООН консенсусом одобрена Конвенция ООН против киберпреступности[1]. Этот документ, состоящий из девяти глав и 68 статей, охватывает как киберзависимые преступления (собственно компьютерные атаки), так и киберопосредованные — традиционные преступления, совершаемые с помощью информационно-коммуникационных технологий. По состоянию на конец января 2026 г. 71 государство подписало Конвенцию, а Россия приступила к ее ратификации.

Перспективы дальнейшего развития открытых данных как инструмента борьбы с трансграничной киберпреступностью связаны с двумя основными направлениями. Первое — технологическое: внедрение систем искусственного интеллекта для анализа больших массивов открытых данных, автоматизации выявления аномалий и прогнозирования преступных действий. Второе — правовое: гармонизация национальных законодательств на основе Конвенции ООН, создание унифицированных процедур обмена электронными доказательствами и разработка этических стандартов использования OSINT, которые позволят сбалансировать эффективность расследований и защиту прав граждан.

Открытые данные представляют собой один из наиболее эффективных и доступных инструментов в арсенале современного правоохранителя, противостоящего трансграничной киберпреступности. OSINT позволяет перейти от реактивной модели защиты к проактивной разведке угроз, выявляя приготовления к атакам на ранних стадиях и собирая доказательства, не зависящие от юрисдикционных барьеров. Российская практика создания единой базы цифровых следов киберпреступников и разработка Конвенции ООН против киберпреступности свидетельствуют о признании этого инструмента на всех уровнях. Дальнейшее развитие OSINT-методологии, гармонизация международного права и внедрение технологий искусственного интеллекта позволят превратить открытые данные в надежный щит против киберугроз.

Список источников

1. *Федеральный* закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

2. *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ.1996. № 25. Ст. 2954.

3. *Аверин А.С.* Актуальные проблемы реализации положений Конвенции ООН против киберпреступности // Мировой судья. 2026. № 2. С. 2—5.

4. *Кочергин Я.А.* Использование открытых источников информации (OSINT) в следственной и оперативно-розыскной деятельности // Вестн. науки. 2025. Т. 3, № 5 (86). С. 503—512.

5. *Подход* OSINT (Open-source intelligence) — способы использования злоумышленниками и экспертами по кибербезопасности // RT-Solar, 27 октября 2025 г. URL: https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/4674/[reference:25]

6. *Попов А.Д.* Основные этапы OSINT для нахождения оперативно значимой информации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2024. № 10-2. С. 194—197.

[1] Аверин А.С. Актуальные проблемы реализации положений Конвенции ООН против киберпреступности // Мировой судья. 2026. № 2. С. 2—5.

7. *Россия* создала базу цифровых следов кибермошенников, сообщил Гуцан // РИА Новости, 21 октября 2025 г. URL: https://fedsfm.ru/mediaaboutus/9184

8. *Ущерб* от кибератак в России в 2025 году достиг 1,5 трлн рублей // ВЗГЛЯД.РУ, 23 октября 2025 г. URL: https://vz.ru/amp/news/2025/10/23/1368802.html[reference:28]

References

1. *Federal* Law «On Personal Data» of July 27, 2006, No. 152-FZ (latest revision) // Collected Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31 (Part 1). Article 3451.

2. *Criminal* Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, No. 25. Article 2954

3. *Averin A.S.* Current Issues of Implementing the Provisions of the UN Convention against Cybercrime // Magistrate Judge. 2026. No. 2. P. 2—5.

4. *Kochergin Ya.A.* Use of Open Source Information (OSINT) in Investigative and Operational-Search Activities // Science Bulletin. 2025. Vol. 3, No. 5 (86). P. 503—512.

5. *The OSINT* (Open-source Intelligence) Approach — Methods of Use by Attackers and Cybersecurity Experts // RT-Solar, October 27, 2025. URL: https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/4674/[reference:25]

6. *Popov A.D.* The Main Stages of OSINT for Finding Operationally Significant Information // Public Safety, Law and Order in the III Millennium. 2024. No. 10-2. P. 194—197.

7. *Russia* Created a Database of Digital Traces of Cybercriminals, Gutsan Reported // RIA Novosti, October 21, 2025. URL: https://fedsfm.ru/mediaaboutus/9184

8. *Damage* from The cost of cyberattacks in Russia in 2025 reached 1.5 trillion rubles // VZGLYAD.RU, October 23, 2025. URL: https://vz.ru/amp/news/2025/10/23/1368802.html[reference:28]

Информация об авторах

М.В. Хорев — кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», кандидат юридических наук.

Р.В. Бондаренко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции; доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

M.V. Khorev — Candidate of Law, Associate Professor of the Forensic Science and Customs Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tula State University», Candidate of Law.

R.V. Bondarenko — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Document Research Department of the Forensic Science Educational and Scientific Complex of the Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Police Colonel; Associate Professor of the Forensic Science and Criminalistics Department of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

УДК 343

©Чеснокова Е.В., 2026

Использование технологий искусственного интеллекта при совершенствовании научно-методического обеспечения судебной экспертизы

Елена Владимировна Чеснокова
ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, Москва, Россия
Email: lebedevnu@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена деятельности по совершенствованию научно-методического обеспечения (НМО) в ФБУ Российского федерального центра судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ). Ее осуществление видится в создании единой методологической судебно-экспертной платформы на основе системы НМО как прогрессивного комплекса всех видов методических материалов и процессов их разработки, валидации и внедрения в экспертную практику. Анализ происходящих процессов подтверждает значение системного подхода к использованию технологий искусственного интеллекта при совершенствовании научно-методического обеспечения судебной экспертизы, который позволяет адекватно реагировать на современные вызовы. В частности, для повышения эффективности использования экспертных методик планируется создание ведомственного реестра и репозитория (централизованного цифрового хранилища) научно-методических разработок РФЦСЭ, доступ к которому будет организован как для работников СЭУ Минюста России, так и для иных субъектов судебно-экспертной деятельности. Перспективным направлением совершенствования НМО с использованием технологий искусственного интеллекта представляется стандартизация в судебно-экспертной деятельности и, в частности, проводимая в настоящее время работа по разработке и принятию профессионального стандарта «Судебный эксперт».

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, судебная экспертиза, научно-методическое обеспечение, система научно-методических материалов.

Для цитирования: Чеснокова Е.В Использование технологий искусственного интеллекта при совершенствовании научно-методического обеспечения судебной экспертизы // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 89—92.

Using Artificial Intelligence Technologies to Improve Scientific and Methodological Support for Forensic Expertise

Elena V. Chesnokova
Federal State Budgetary Institution Russian Forensic Science Center named after Professor A.R. Shlyakhov under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia
Email: lebedevnu@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the improvement of scientific and methodological support (SMS) at the A.R. Shlyakhov Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation (RFCFE). This is envisaged through the creation of a unified methodological forensic platform based on the SMS system as a progressive complex of all types of methodological materials and the processes for their development, validation, and implementation in forensic practice. An analysis of current processes confirms the importance of a systematic approach to the use of artificial intelligence technologies in improving the scientific and methodological support of forensic examination, which allows for an adequate response to modern challenges. Specifically, to improve the efficiency of expert methodologies, it is planned to create a departmental registry and repository (centralized digital storage) of scientific and methodological developments of the Russian Center for Forensic Expertise (RFCSEF), accessible to both employees of the Forensic Examination Institution of the Ministry of Justice of Russia and other forensic experts. A promising area for improving continuing medical education using artificial intelligence technologies is standardization in forensic examination activities, in particular, the ongoing work to develop and adopt a professional standard for «Forensic Expert».

Keywords: artificial intelligence technologies, forensic examination, scientific and methodological support, system of scientific and methodological materials.

For citation: Chesnokova E.V. Using Artificial Intelligence Technologies to Improve Scientific and Methodological Support for Forensic Expertise // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 89—92.

Стратегия развития ФБУ Российского федерального центра судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации (далее — РФЦСЭ) до 2035 г. в части научно-методического обеспечения (далее — НМО) предполагает разработку единой методологической судебно-экспертной платформы на основе системы НМО как прогрессивного *комплекса* всех видов методических материалов и *процессов* их разработки, валидации и внедрения в экспертную практику.

НМО судебной экспертизы включает, прежде всего, комплекс научно-методических материалов (далее — НММ), состоящий из методических пособий, методических рекомендаций, методических писем, типовых и частных экспертных методик, научных публикаций, содержащих алгоритмы решения экспертных задач и взаимоувязанных с текущими запросами правоприменителя. Кроме того, перспективной формой НММ являются стандартные судебно-экспертные методики, разработанные с учетом требований международных стандартов, и видовые методики по экспертным специальностям, охватывающие весь спектр утвержденных видов судебной экспертизы в Минюсте России[1]. Для повышения эффективности использования экспертных методик планируется создание ведомственного реестра[2] и репозитория (централизованного цифрового хранилища) научно-методических разработок РФЦСЭ, доступ к которому будет организован как для работников СЭУ Минюста России, так и для иных субъектов судебно-экспертной деятельности.

Указанное направление и связанный с ним круг задач РФЦСЭ по развитию НМО могут быть выполнены при его обеспеченности соответствующими нормативно-правовыми и организационными решениями, что предполагает в том числе:

- принятие ряда правовых актов о НМО и системе НММ как комплексе методических материалов и процессов их разработки, валидации и внедрения в экспертную практику. Например, в РФЦСЭ в этом году актуализировано Положение о НМО[3] и разработано Положение о системе НММ[4];
- создание электронного реестра научно-методических материалов в области судебной экспертизы и ведение репозитория научно-методических разработок РФЦСЭ.

Практика показывает, что разработка новых экспертных методик представляет собой сложный научно-технических процесс, требующий научной обоснованности, обеспечения воспроизводимости результатов и соответствия правовым актам и стандартам, автоматизации, цифровизации и междисциплинарного подхода. Оптимизация этого процесса позволяет сократить сроки разработки, повысить точность результатов экспертных исследований и ускорить внедрение новых методов в судебную практику.

Внедрение интеллектуальных систем (технологий ИИ) существенно способствует сокращению сроков создания и валидации экспертных методик. Перспективным направлением является развитие информационных ресурсов, таких как:

- нейросети для анализа почерковых объектов, аудио- и видеозаписей;
- Big Data в судебной экспертологии — обработка огромных массивов данных для выявления закономерностей в

[1] *Приказ* Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (в ред. приказа Минюста России от 31.01.2024 № 32) // URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/prikaz-minyusta-rossii-ot-20042023-n-72-red-ot-31012024-perechen.rtf (дата обращения: 29.05.2026).

[2] *Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Чеснокова Е.В.* Современная система научно-методических материалов по судебной экспертизе в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. Т. 20, № 4. С. 59—69.

[3] *Положение* о научно-методическом обеспечении судебно-экспертной деятельности в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, утверждено приказом Минюста России от 16.11.2022 №282 // URL: http://www.sudexpert.ru/methodics/nmo2022.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

[4] *Положение* о системе научно-методических материалов по производству судебной экспертизы в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации.

схемах совершения преступлений и возможностей использования специальных знаний;

- дидактические технологии в освоении НМО: виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) — VR-тренажеры для обучения судебных экспертов экспертным методикам на виртуальных моделях мест происшествий;
- AR-анализ вещественных доказательств в режиме реального времени с использованием мобильных устройств.

Совершенствование системы НММ. Реестр таких материалов с позиции документирования, представляет собой систематизированный перечень документов в виде методических пособий, методических рекомендаций, методических писем, типовых и частных экспертных методик, научных публикаций, содержащих алгоритмы решения экспертных задач, используемых в судебно-экспертной деятельности. С точки зрения судебно-экспертной технологии это информационный и постоянно пополняемый массив, содержащий теоретическую базу (общие и частные теории, учение о фундаментальной триаде — единстве предмета, объектов и методик экспертного исследования), прикладные разработки на основе многообразия экспертных ситуаций и состояний объектов исследования с учетом возрастающей доли комплексирования знаний и усложнения приборной базы. Мы писали ранее[1], что экспертная практика разнообразна, при внешней схожести экспертных ситуаций каждая из них по своей сути обладает индивидуальными признаками, поэтому базовой системой знаний для определения возможностей применения технологий ИИ может стать именно экспертная ситуация.

Некоторые экспертные методики имеют устойчивое положение, выраженное в стандартных алгоритмах исследования, другие — в особенности по новым родам и видам судебных экспертиз (религиоведческие, политологические, экспертизы охраны труда и техники безопасности и др.) — представляют собой полностью или частично эвристические. Вот именно здесь использование технологий ИИ — автоматизация трудоемких задач по систематизации множества ситуаций и состояний объекта исследования при изменяющихся условиях правового, организационного, технологического характера, а также моделирование и визуализация результатов — крайне необходимо для совершенствования НМО.

В упомянутой ранее научной статье мы отмечали[2], что перспективы развития технологий ИИ в судебной экспертизе связаны с обработкой больших данных на основе экспертной ситуации, достоверностью данных, используемых при обучении ИИ, и дальнейшей валидацией (оценкой пригодности) применяемой методологии обучения, анализом результатов работы технологии ИИ в судебно-экспертной деятельности (далее — СЭД). Одной из наиболее перспективных представлена технология генерирования и распознавания текстов, в том числе для решения рутинных задач поиска и обработки массива документов по стандартизации.

В целях решения организационно-правовых вопросов интеграции ИИ в судопроизводство, в том числе и в судебную экспертизу, мы предлагали систему стандартов, регулирующих порядок, алгоритмы и процедуры внедрения и использования технологий ИИ в СЭД. При этом оценка пригодности результатов применения ИИ должна стать постоянным процессом, включенным в деятельность каждой судебно-экспертной организации. Необходимость осуществления данного процесса определяет обновленную парадигму судебной экспертологии в условиях функционирования в ней технологий ИИ и цикличность всего процесса их внедрения и использования.

В подтверждение наших тезисов можно привести проводимую в настоящее время работу по разработке и принятию

[1] *Чеснокова Е.В., Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Никулина М.В*. Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 60—77.
[2] Там же. С. 60.

профессионального стандарта «Судебный эксперт»[1]. Некоторое время назад в рамках публичных обсуждений были поддержаны предложения о включении в профстандарт функции по обучению IT-компетенциям судебных экспертов и профессиональной деятельности по созданию dataset в отношении различных видов судебных экспертиз.

В заключение еще раз подчеркнем, что только системный подход к использованию технологий искусственного интеллекта при совершенствовании научно-методического обеспечения судебной экспертизы позволяет адекватно реагировать на современные вызовы.

Список источников

1. *Основы* судебной экспертологии. Fundamentals of Forensic Expertology : учебно-методическое пособие / А.И. Усов, Г.Г. Омельянюк, А.Ю. Бутырин и др. М.: Росс. федер. центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2023. 384 с.

2. *Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Чеснокова Е.В*. Современная система научно-методических материалов по судебной экспертизе в судебно-экспертных учреждениях Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. Т. 20, № 4. С. 59—69.

3. *Чеснокова Е.В., Усов А.И., Омельянюк Г.Г., Никулина М.В*. Искусственный интеллект в судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 3. С. 60—77.

4. *Чеснокова Е.В.* Аудит экспертных методик в деятельности аккредитованных судебно-экспертных учреждений // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: Материалы IV Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 3 июля 2025 года. М.: Моск. акад. Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева, 2025. С. 278—281.

References

1. *Fundamentals* of Forensic Expertology. Fundamentals of Forensic Expertology: a teaching aid / A.I. Usov, G.G. Omelyanuk, A.Yu. Butyrin et al. Moscow: Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. 384 p.

2. *Usov A.I., Omelyanuk G.G., Chesnokova E.V.* Modern system of scientific and methodological materials on forensic examination in forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia. Theory and practice of forensic examination. 2025; 20 (4): 59—69.

3. *Chesnokova E.V., Usov A.I., Omelyanuk G.G., Nikulina M.V.* Artificial intelligence in forensic expertology. Theory and practice of forensic examination. 2023;18(3):60—77.

4. *Chesnokova, E.V.* Audit of expert methods in the activities of accredited forensic institutions // Forensic examinations in criminal proceedings: theory and practice: Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference, Moscow, July 3, 2025. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after. A.Ya. Sukhareva, 2025. P. 278—281.

Информация об авторе

Е.В. Чеснокова — начальник отдела научно-методического обеспечения и аспирантуры ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, доктор юридических наук.

Information about the author

E.V. Chesnokova — is a Head of the Scientific and Methodological Support and Postgraduate Department, A.R. Shlyakhov Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Doctor of Law.

[1] *Совет* по профессиональным квалификациям в сфере управления и права // URL: https://nasdobr.ru/ (дата обращения: 21.05.2026).

УДК 34

©Шайкова М.В., 2026

Детерминанты деструктивного поведения несовершеннолетних в современном социуме

Марина Витальевна Шайкова
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
E-mail: shaikovamarina@mail.ru

Аннотация. Преступность несовершеннолетних, несмотря на имеющуюся позитивную динамику, продолжает оставаться серьезным дезорганизующим фактором, который характеризуется латентностью, групповым характером и тенденцией к «омоложению». Развитие информационных технологий в современном социуме способствует новым формам преступности, в которую вовлекаются подростки. Соответствующие детерминанты способствуют формированию деструктивного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, детерминанты, деструктивное поведение, современный социум, статистические данные.

Для цитирования: Шайкова М.В. Детерминанты деструктивного поведения несовершеннолетних в современном социуме // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 93—98.

Determinants of Destructive Behavior in Juveniles in Modern Society

Marina V. Shaikova
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
E-mail: shaikovamarina@mail.ru

Abstract. Juvenile delinquency, despite the current positive trend, continues to be a serious disruptive factor characterized by latency, group nature, and a tendency toward «rejuvenation». The development of information technology in modern society facilitates new forms of crime involving adolescents. The corresponding determinants contribute to the development of destructive behavior in juveniles.

Keywords: juveniles, determinants, destructive behavior, modern society, statistical data.

For citation: Shaykova M.V. Determinants of Destructive Behavior of Minors in Modern Society // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 93—98.

В течение длительного времени преступность среди несовершеннолетних и ее характеристики находятся под пристальным вниманием государства и правоохранительных органов. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние — это поколение, которое в будущем будет оказывать значительное влияние на социальное и нравственное состояние общества.

Несовершеннолетние в силу своего психологического развития подвержены влиянию как взрослых, так и сверстников. Они склонны подражать взрослым, но одновременно стремятся совершать действия, учитывая реакции окружающих. Негативные примеры поведения, такие как противопоставление себя обществу и проявление бунта, могут казаться им привлекательными. Эти действия могут рассматриваться подростками как способ самоутверждения или даже как показатель успеха. Уровень криминогенной обстановки среди молодежи также сильно зависит от моральной ситуации в обществе, наличия негативных тенденций, бедности и отсутствия общепринятых ценностей.

Это подчеркивает необходимость внимательного исследования проблемы преступности несовершеннолетних для разработки эффективных мер по ее профилактике.

Многие отечественные криминологи считают, что основные детерминанты преступности на общесоциальном уровне связаны с экономическими явлениями, так как экономика влияет на социальные, политические и духовные процессы в обществе. В связи с этим возникает вопрос, произошли ли за анализируемый период значительные изменения в социально-экономическом благополучии населения, которые могли повлиять на уровень преступности среди несовершеннолетних.

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2025 год, среднедушевые денежные доходы населения распределились по группам. Наименьшая группа — с доходами 9943 руб. в месяц, тогда как наибольшая — 149 864 руб. Средний доход составил 49 467 руб. в месяц, что при значительном разрыве между доходами первых и десятых групп указывает на сохраняющееся социальное расслоение.

Е.А. Писаревская, Е. Н. Рахманова считают, что «с социальной несправедливостью несовершеннолетние сталкиваются особенно болезненно, так как их личности находятся в процессе формирования. Для них сложно понять причины такого расслоения, и они склонны к максималистским оценкам происходящего. Важно учитывать, что любые внешние позитивные и негативные воздействия на несовершеннолетних могут блокироваться их ближайшим окружением»[1].

Президентом РФ В.В. Путиным подписан Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2], где определена поддержка семьи и благополучие детей, профилактика и помощь семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Потому что семья — это основа общества, хранительница традиций и культурных ценностей.

Тем не менее статистические данные показывают, что проблемы остаются. Каждый год в России фиксируется значительное количество разводов, и эта цифра имеет тенденцию к повышению. Например, в 2000 г. у было зарегистрировано 897 327 браков и 627 703 развода, в 2019 г. — 950 167 браков и 620 730 разводов, а в 2024 г. — 1 053 756 браков и 682 850 разводов. Особенно настораживает тот факт, что значительное количество несовершеннолетних преступников (44,7% в 2023 г.) воспитываются в семьях с одним родителем.

В настоящее время наблюдается снижение числа осуждений за грабеж (ст. 161 УК РФ) с 13,6 до 9,7% и разбой (ст. 162 УК РФ) с 4,2 до 2,8%. Угон автомобилей также стал менее распространенным: удельный вес осужденных за это преступление снизился с 11,9% в 2014 г. до 9,9% в 2024 г. В то же время удельный вес несовершеннолетних, совершивших мошенничество (ст. 159 УК РФ), возрос с 0,8 до 1,1%. Эти данные, несмотря на то что они представляют лишь «верхушку айсберга», указывают на структурные изменения в преступности несовершеннолетних, которые заслуживают особого внимания. Причины латентности преступности также изменились в контексте научно-технического прогресса. Сегодня несовершеннолетних вовлекают в преступную деятельность лица более старшего возраста для совершения различных

[1] *Писаревская Е. А., Рахманова Е. Н.* Преступность несовершеннолетних в России: тенденции и детерминанты // Моск. юрид. журн. 2024. № 1. С. 88—97.

[2] *Об утверждении* Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mozrtrluuj189863321 (дата обращения: 09.06.2026).

видов преступлений, в том числе в цифровой сфере.

Однако регистрация фактов не всегда означает привлечение к ответственности. Низкий уровень регистрации и осуждения в этой сфере часто связывается с трудностями доказательства фактов правонарушений, и эта проблема усугубляется в условиях виртуализации преступности. Например, в 2024 г. судами было осуждено всего 390 лиц по ст. 150 и 151 УК РФ. В 2023 г. было зарегистрировано 1467 таких случаев, в 2024 г. — 1237, а в 2025 г. — 1118, что говорит о снижении числа зарегистрированных преступлений данной категории. Это говорит о большом значении для дальнейшего анализа ситуации и необходимости улучшения механизмов правоприменения для защиты несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность.

К примеру, Н.В. Андриянова[1] указывает, «что основные субъекты уличной преступности — это подростки и молодежь, которые в последние десятилетия ушли в виртуальный мир. Снижение преступности несовершеннолетних может быть косвенно подтверждено сокращением их числа даже при отсутствии значимых причин для этого». В России Интернетом ежедневно пользуются почти 100 млн человек, что в 100 раз больше по сравнению с 1998 г., и не все из них действуют законопослушно. Преступления в Интернете совершаются как несовершеннолетними, так и в отношении них.

Следует отметить, что для подросткового поведения весьма характерны такие черты, как легкомыслие и беспечность. Особенно ярко это проявляется в хулиганстве — наиболее распространенном среди несовершеннолетних преступлении. Как правило, подростки не задумываются о той грани, где безобидное озорство и ребячество перерастает в уголовно наказуемое деяние.

Нанесение граффити на стены, порча общественного транспорта, битье стекол, поломка игровых и спортивных площадок — характерные способы совершения преступления несовершеннолетними. Зачастую преступления совершаются почти всегда группой несовершеннолетних как способ заявить о себе или просто от бесцельного времяпрепровождения. Действия часто сопровождаются распитием спиртного. Мотив — не материальная выгода, а желание развлечься, самоутвердиться, физическая или вербальная агрессия.

Киберпреступность несовершеннолетних представляет собой одну из наиболее динамично растущих и сложных с точки зрения противодействия угроз современности. Масштаб проблемы демонстрирует стремительную динамику: если в 2020 г. в России было зарегистрировано 54 киберпреступления, совершенных подростками, то к 2023 г. их число выросло до 4 тыс., что свидетельствует об увеличении в 74 раза всего за три года. Параллельно растет и число несовершеннолетних жертв: за первые девять месяцев 2025 г. количество пострадавших от киберпреступлений детей увеличилось на 120%. Подростки оказываются одновременно и уязвимыми жертвами, и активными субъектами цифровой преступности. С психологической точки зрения пик вовлеченности в киберпреступную деятельность приходится на возрастную группу 17—20 лет, что часто связывают с подростковым кризисом, стремлением к самоутверждению и протестному поведению. Следует заметить, что большинство из тех, кто начинает этот путь, прекращают противоправную активность к 20—25 годам, и лишь

[1] *Андриянова Н.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступности несовершеннолетних // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: В 5 ч. Белгород, 30 сентября 2017 года / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Т./Ч. IV. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 10—13.

около 4% продолжают заниматься ею в более взрослом возрасте, движимые не столько корыстью, сколько устойчивым интересом к технологиям как к самоцели.

Подростки при совершении киберпреступлений, стремятся продемонстрировать свои навыки перед сверстниками и завоевать авторитет в определенных онлайн-сообществах, а также выражают протест против правил и социальных норм. Корыстные мотивы, безусловно, присутствуют, особенно в сфере мошенничества и вымогательства, но они часто переплетаются с психологическими и социальными факторами взросления. Уход преступности несовершеннолетних в виртуальное пространство влечет за собой изменения в ее качественных показателях, увеличение уровня латентности и изменение характеристик личности несовершеннолетнего преступника.

Актуальной проблемой на настоящий момент в условиях проведения СВО являются преступления террористической направленности, совершаемые несовершеннолетними. Они представляют собой особо опасную и тревожную тенденцию в современной преступности. Вовлечение подростков в террористическую деятельность является одной из самых деструктивных форм воздействия на их сознание.

Основным способом часто становится целенаправленная вербовка молодежи через Интернет. Злоумышленники используют возрастные особенности: идеализм, максимализм, поиск идентичности и стремление к принадлежности к значимой референтной группе. Подростки легко поддаются манипуляциям, когда им предлагают ложное чувство цели, героизма и мнимой справедливости.

Чаще всего несовершеннолетние совершают такие преступления, как пропаганда терроризма в социальных сетях, публичные призывы к экстремистской деятельности, финансирование терроризма, а также подготовка к совершению терактов (например, изготовление взрывных устройств). Реже, но встречаются случаи непосредственного участия в насильственных актах. Например, сегодня появилась новая ст. 205.1 УК РФ (Содействие террористической деятельности) — двое несовершеннолетних Курской области привлекаются по данной статье.

Таким образом, подростковая преступность имеет ярко выраженные возрастные особенности, которые проявляются как в способах совершения правонарушений, так и в их мотивах. Несовершеннолетние, в основном в возрасте 14—17 лет, крайне редко прибегают к продуманным способам совершения преступления, предпочитая простые и легкодоступные средства. Для подростков, совершающих преступления, характерна общая психическая неустойчивость, которая выражается в повышенной внушаемости, импульсивности, стремлении к самоутверждению в глазах сверстников и неразвитых навыках самоконтроля. Немаловажным фактором является групповой конформизм — желание быть частью социальной группы и показать свою важность и «взрослость». Вследствие этого в силу возрастного развития они еще не в полной мере способны критически осмыслить и предвидеть долгосрочные последствия своих действий. Противоправные поступки несовершеннолетних являются следствием сложного переплетения естественных возрастных особенностей, недостаточной сформированной личности и неблагоприятного влияния окружающей среды.

Некоторые несовершеннолетние преступники проживают в благополучных семьях, это говорит о том, что материальное положение не всегда является определяющим фактором. На данный момент развития общества следует остановиться на окружении социума, в котором проживает несовершеннолетний. Речь идет о

влиянии отрицательного поведения родителей, отсутствии внимания и контроля над поведением несовершеннолетних, отсутствии взаимопонимания с подростком и тем самым игнорировании возникновения и развитие акцентуаций характера и психических расстройств подростков, что препятствует успешной адаптации к жизни в социуме. Исследовавший эти вопросы А.Е. Личко пишет, что «при эмоциональном отвержении ребенок и подросток постоянно ощущают, что ими тяготятся, что они — обуза в жизни родителей, что без них им было бы лучше, свободнее и привольнее. Еще более ситуация усугубляется, когда есть рядом кто-то другой — брат или сестра, особенно сводные, отчим или мачеха, кто гораздо ближе и любимее (воспитание по типу «Золушки»)»[1]. А.Е. Личко считает, что «скрытое эмоциональное отвержение имеет место тогда, когда мать или отец сами по себе не признаются в том, что тяготятся сыном или дочерью, гонят от себя подобную мысль, даже возмущаются, если им указывают на это. Силами разума и воли родители подавляют в себе эмоциональное отвержение к детям как недостойное и обычно даже обнаруживают гиперкомпенсацию в виде подчеркнутой заботы, утрированного внимания. Однако ребенок, и особенно подросток, чувствует искусственную вымученность таких забот и внимания и ощущает недостаток эмоционального тепла»[2].

Школьная неуспеваемость или отчисление из образовательного учреждения дополнительно снижают самооценку подростков и увеличивают их уязвимость к негативным влияниям со стороны сверстников. В то же время участие в положительных внеклассных мероприятиях и наличие опытных учителей или наставников могут укрепить самооценку подростка и способствовать нормативному поведению.

Сегодня меры предупреждения преступности несовершеннолетних представляют собой единую систему, где работа с подростками, воздействие на их окружение и правовое регулирование взаимосвязаны и применяются совместно:

- работа с подростками направлена на развитие личности, правосознания и создание альтернатив противоправному поведению;
- работа с семьей и окружением исходит из понимания семьи как ключевого института социализации;
- правовые и организационные меры создают основу для всей профилактической работы[3].
- Поэтому мы считаем, что профилактика делинквентного поведения подростков требует межведомственного подхода, который должен учитывать все аспекты преступности несовершеннолетних. Для достижения ощутимых результатов в снижении уровня преступности и рецидивов необходимо использовать следующие меры:
- раннее вмешательство для выявления и поддержки несовершеннолетних, находящихся в группе риска;
- создание благоприятной социальной среды, способствующей позитивному развитию;
- обеспечение доступа к образованию и другим возможностям, позволяющим развивать жизненные навыки и достигать поставленных целей.
- разработка специализированных программ по реабилитации и социальной интеграции несовершеннолетних преступников.

[1] *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2020.
[2] Там же.
[3] *Шайкова М.В*. Региональный подход к профилактике и предупреждению преступности несовершеннолетних // Общество и наука: векторы развития. 2022. С. 175.

По нашему мнению, необходимо переосмыслить всю концепцию профилактики преступности несовершеннолетних, которая традиционно фокусируется на уличной и дворовой преступности, привлекая общественные организации, органы здравоохранения, общеобразовательные учреждения. Такой комплексный подход может существенно снизить уровень преступности среди несовершеннолетних и стать основой для формирования более безопасного и здорового общества.

Список источников

1. *Андриянова Н.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступности несовершеннолетних // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: В 5 ч. Белгород, 30 сентября 2017 года / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Т./Ч. IV. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 10—13.

2. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2020.

3. *Писаревская Е.А., Рахманова Е.Н.* Преступность несовершеннолетних в России: тенденции и детерминанты // Моск. юрид. журн. 2024. № 1. С. 88—97.

4. *Шайкова М.В.* Региональный подход к профилактике и предупреждению преступности несовершеннолетних // Общество и наука: векторы развития. 2022. С. 175.

References

1. *Andrianova N.V.* Criminological characteristics and prevention of juvenile delinquency // Social and humanitarian problems of our time: a collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference: in 5 parts, Belgorod, September 30, 2017 / General editor E. P. Tkacheva; Agency for Advanced Scientific Research. Volume Part IV. Belgorod: Limited Liability Company «Agency for Advanced Scientific Research», 2017. P. 10—13.

2. *Lichko A.E.* Psychopathy and character accentuations in adolescents. St. Petersburg: Piter, 2020.

3. *Pisarevskaya E.A., Rakhmanova E.N.* Juvenile Delinquency in Russia: Trends and Determinants. // Moscow Law Journal. 2024. No. 1. P. 88—97.

4. *Shaykova M.V.* Regional Approach to the Prevention and Control of Juvenile Delinquency // Society and Science: Development Vectors. 2022.

Информация об авторе

М.В. Шайкова — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета г. Курска, кандидат психологический наук, доцент, подполковник милиции в отставке.

Information about the author

M.V. Shaykova — is a Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, South-West State University, Kursk, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, retired police lieutenant colonel.

УДК 343

©Шеметов А.К., 2026

Направления поиска малолетнего, пропавшего без вести

Алексей Константинович Шеметов
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
E-mail: shemetov_alexey@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления поиска несовершеннолетнего, пропавшего без вести. Затрагиваются вопросы организации розыскных действий, взаимодействия с оперативными службами, населением и поисковиками. Определены особенности производства проверочных мероприятий и следственных действий, направленных на обнаружение несовершеннолетнего, признаков совершенного в отношении него преступления.

Ключевые слова: пропавший без вести, малолетний, организация поиска, розыск, поиск свидетелей, опрос.

Для цитирования: Шеметов А.К. Направления поиска малолетнего, пропавшего без вести // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 99—102.

Directions for searching for a minor who has gone missing

Alexey K. Shemetov
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia
E-mail: shemetov_alexey@mail.ru

Abstract. This article examines the main areas of investigation for a missing minor. It addresses the organization of search operations, interactions with emergency services, the public, and search teams. It identifies the specifics of verification and investigative actions aimed at identifying the minor and identifying evidence of a crime committed against them.

Keywords: missing person, minor, search organization, search, witness search, interview.

For citation: Shemetov A.K. Directions for searching for a minor who has gone missing // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 99—102.

Несмотря на то что в последние пять лет резко снижается количество детей, пропавших без вести, их количество все равно остается внушительным. В 2024 г. в розыск было объявлено 5313 несовершеннолетних[1]. Каждый такой случай не терпит промедления правоохранителей, сопряжен с серьезной проверочной работой различных органов и ведомств.

При поступлении сообщения о пропавшем без вести малолетнем формируются сложные ситуации, характеризующиеся острым дефицитом сведений о произошедшем событии, его характере, участниках и их месте нахождения. Время, прошедшее с момента обнаружения пропажи ребенка играет существенную роль для результативности поисковых мероприятий.

Первоочередной задачей становится получение как можно более полной информации о последних занятиях ребенка, месте их проведения, лицах, которые его окружали. С этой целью должен быть осуществлен детальный опрос заявителя, свидетелей и очевидцев, наблюдавших ребенка незадолго до пропажи.

[1] *Бастрыкин* сообщил о снижении числа пропавших детей на 60% // https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/05/30/1113855-bastrikin-soobschil-o-snizhenii (дата обращения: 15.06.2026).

После этого организуется незамедлительный выезд на осмотр места, в котором пропавшего ребенка видели в последний раз.

Еще до приезда на осматриваемую территорию решается вопрос организации заградительных мероприятий, направленных на блокирование и прочесывание этих участков. Участникам указанной деятельности ставятся задачи не только поиска ребенка, обладающего определенными внешними признаками, но и следов его перемещения, обнаружения предметов одежды пропавшего и ее фрагментов, поиска потенциальных свидетелей. Сотрудникам органов дознания ставятся задачи среди прочего установления личности граждан, покидающих блокированные участки или находящихся на них. Особое внимание должно быть уделено лицам, имеющим на одежде или участках тела следы загрязнений, свежих ссадин, дефекты одежды и т.п.

Одновременно сотрудникам оперативно-розыскных органов дается поручение о прочесывании близлежащих остановок общественного транспорта, об установлении проходивших через них конкретных транспортных средств.

На прилегающих территориях внимание отдается системам видеонаблюдения, которые обычно располагаются на зданиях коммерческих предприятий, организаций общественного питания и торговли, банкоматах. Кроме всего прочего, ведется поиск припаркованных транспортных средств, снабженных видеорегистраторами.

Значительная часть детей имеют при себе и постоянно используют аппараты мобильной связи, треккеры, снабженные SIM-картой, другие устройства коммуникации. Место нахождение указанных предметов, частота их использования до момента пропажи и после этого должны быть установлены.

Статьей 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена возможность в течение 24 ч после поступления в органы расследования сообщения о безвестном исчезновении несовершеннолетнего получить информацию о соединениях и местоположении аппарата мобильной связи пропавшего ребенка путем снятия информации с технических каналов связи. Указанная деятельность осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с согласия одного из родителей (законных представителей) ребенка. За принятым решением должен осуществляться судебный контроль[1].

Это позволяет оперативно получить в распоряжение сведения о месте нахождения устройства связи, последних контактах, произведенных несовершеннолетним[2].

Для организации осмотра места происшествия и поисков вблизи этих территорий может быть истребована техническая документация об инженерных коммуникациях, пустотах, оборудовании и устройствах, располагающихся на них. В ряде ситуаций это позволяет расширить представления об исследуемом объекте, увеличить площадь поиска и количество участков, включаемых в них.

Так, в ходе поисков бесследно исчезнувшего младшего школьника в администрации города была изъята документация, включающая схему технических колодцев, располагающихся в зоне поиска ребенка. Однако их обследование не принесло результата. Тогда следственная группа решила исследовать архивную документацию такого рода. При сравнении

[1] *Ложис З.З., Чупахин Р.В.* Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // Росс. следователь. 2022. № 4. С. 25.

[2] *Расследование* преступлений, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних (первоначальный этап расследования): Науч.-практ. пособие / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 82.

была обнаружена часть колодцев, которые не были включены в представленные схемы. Их обследование позволило на дне одного из подобных углублений в воде обнаружить тело ребенка. Школьник стал жертвой несчастного случая, в результате которого погиб.

В поисковые группы должны включаться сотрудники органов дознания, лица, обладающие специальными знаниями в области устройства отдельных участков местности и перемещения по ним, волонтеры. Сотрудники правоохранительных органов, помимо знаний о методике поиска, обладают полномочиями на проведение проверочных мероприятий, истребование документов, устанавливающих личность.

В ситуациях, когда на территории поиска располагаются жилые и административные здания, следует проводить опрос присутствующих там лиц. В ходе указанного действия подлежит выяснению, где они находились во время, близкое к моменту исчезновения ребенка, видели ли пропавшего, других субъектов, ведущих себя странно, осведомлены ли о событии со слов знакомых[1]. Следует учитывать, что подобные лица далеко не всегда заинтересованы в даче правдивых объяснений, поэтому полученные от них показания должны сопоставляться с имеющимися данными. Следует обращать внимание и на внешний вид опрашиваемых.

При посещении указанных участков участники поиска должны обращать внимание на прилегающие территории, захламленные участки на ней, территории, на которых имеется строительный мусор, свален мусор и т.д.

На обследуемых территориях могут быть обнаружены следы пребывания несовершеннолетнего. О месте их нахождения должен быть уведомлен следователь. На названные территории организуется выход специалистов, содействующих в отыскании следов пропавшего[2].

К поискам могут быть подключено население, обращение к которому организуется в средствах массовой информации[3].

В розыскных целях изготавливаются рисованные композиционные портреты, подыскиваются фотоизображения пропавшего, соответствующие его современному состоянию. Желательно, чтобы на этих изображениях ребенок размещался в полный рост, в той одежде, в которой его видели незадолго до исчезновения.

Если в распоряжении следствия имеется информация о том, что ребенка видели в сопровождении взрослого, его приметы также передаются поисковикам, демонстрируются потенциальным свидетелям.

Целесообразно также истребование данных об аппаратах мобильной связи, двигавшихся параллельно с телефоном исчезнувшего малолетнего.

В случае обнаружения элементов одежды, обуви, других вещей пострадавшего они изымаются и подвергаются экспертному исследованию для выявления повреждений, а также следов выделений организма субъекта преступления, отделившихся от него, его тела, одежды микрочастиц, веществ, материалов и т.п. В случае выявления биологических выделений проводится проверка по данным геномно-молекулярного учета ранее судимых лиц.

В подобных ситуациях также запрашиваются биллинговые сведения о расположении аппарата мобильной связи

[1] *Карагодин В.Н.* Организация поисковых мероприятий в ситуациях безвестного исчезновения детей дошкольного или младшего школьного возрастов // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 446.

[2] *Котяжов А.В*. Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2013. С. 11.

[3] *Вебелюнас А.Ю.* Криминалистическое обеспечение деятельности по поиску лиц, пропавших без вести // Материалы криминалистических чтений: Сб. материалов, Барнаул, 21 ноября 2024 года. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД РФ, 2024. С. 24

несовершеннолетнего, движении параллельно с ним аналогичных устройств, принадлежащих другим лицам, и т.п.

Полученная в ходе поисков информация используется в качестве фактической базы выдвигаемых версий, организации дальнейших проверочных и следственных действий.

Список источников

1. *Вебелюнас А.Ю.* Криминалистическое обеспечение деятельности по поиску лиц, пропавших без вести //Материалы криминалистических чтений: Сб. материалов, Барнаул, 21 ноября 2024 года. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД РФ, 2024. С. 22—25.

2. *Карагодин В.Н.* Организация поисковых мероприятий в ситуациях безвестного исчезновения детей дошкольного или младшего школьного возрастов // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 444—448.

3. *Котяжов А.В.* Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2013. 28 с.

4. *Ложис З.З., Чупахин Р.В.* Актуальные проблемы использования геолокационных данных при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // Росс. следователь. 2022. № 4. С. 23—27.

5. *Расследование* преступлений, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних (первоначальный этап расследования): Науч.-практ. пособие / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юрлитинформ, 2021. 252 с.

References

1. *Vebelyunas A.Yu.* Forensic support for the search for missing persons // Materials of forensic readings: Collection of materials, Barnaul, November 21, 2024. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 22—25.

2. *Karagodin V.N.* Organization of search activities in situations of disappearance of preschool or primary school children // Counteracting crimes committed by or against minors: Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. (Moscow, February 13, 2015) / Ed. by A.I. Bastrykin. M.: UNITY-DANA, 2015. P. 444—448.

3. *Kotyazov A.V.* Activities of an investigator in the search for missing minors: Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences; 12.00.12 Moscow, 2013. 28 p.

4. *Lozhis Z.Z., Chupakhin R.V.* Current issues of using geolocation data in the search for missing minors // Russian investigator. 2022. No. 4. P. 23—27.

5. *Investigation* of crimes related to the disappearance of minors (initial stage of the investigation): a scientific and practical guide / Ed. by A.I. Bastrykin. Moscow: Yurlitinform, 2021. 252 p.

Информация об авторе

А.К. Шеметов — старший преподаватель кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Information about the author

A.K. Shemetov — is a senior lecturer at the Department of Forensic Science at the Yekaterinburg branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev.

УДК 348

© Звягинцев А.Г., 2026

Следствие сквозь годы…

Аромат вины

Александр Григорьевич Звягинцев
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Научно-технический прогресс сейчас оказывает колоссальное влияние на развитие криминалистики и дает ей новые технологии в выявлении следов преступлений, их фиксации, их извлечении и получения значимой информации для следствия. Стремительное развитие цифровых технологий, их проникновение в жизнь человека дает возможность получать информацию из электронных устройств, из облачных хранилищ, из открытых источников глобальной сети. В статье рассказано, как следователи раскрывают даже самые сложные, хорошо замаскированные преступления.

Ключевые слова: Следственный комитет, следователи, личность преступника, запаховые следы, ольфакторная экспертиза.

Для цитирования: Звягинцев А.Г. Аромат вины // Мир криминалистики. 2026. № 2. С. 103—106

Investigation through the years…

The Flavor of Guilt

Alexander G. Zvyagintsev
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Scientific and technological progress is now having a tremendous impact on the development of criminology and gives it new technologies in detecting traces of crimes, fixing them, extracting them and obtaining meaningful information for the investigation. The rapid development of digital technologies and their penetration into human life makes it possible to obtain information from electronic devices, cloud storage, and open sources on the global network. The article describes how investigators solve even the most complex, well-disguised crimes.

Keywords: The Investigative Committee, the investigators, the identity of the perpetrator, odor traces, olfactory examination.

For citation: Zvyagintsev A.G. The Flavor of Guilt // The World of Criminology. 2026. No. 2. P. 103—106.

Августовским утром 1994 г. в одной из квартир по улице Морозова г. Сыктывкара было обнаружено тело девушки. Ее звали Анной. Она лежала на диване, руки и ноги были связаны. Потерпевшую избили, оглушили бутылкой по голове и задушили. Из квартиры пропали дорогие вещи. Удалось найти свидетелей, которые видели, как двое молодых мужчин продавали украденное на рынке. Узнать их имена было не сложно…

Криминальные гости из Молдавии

В ходе расследования уголовного дела изначально была установлена причастность к преступлению двух граждан Молдавии по фамилии Буцан и Гунич, которые приехали в Сыктывкар на заработки. Жили в общежитии. Аню встретили в компании общих знакомых.

Еще до того, как было совершено это убийство, Гунич и Буцан планировали совершить разбой в другом месте. Они ис-

кали любые способы, в основном преступные, чтобы получить деньги, уехать из Сыктывкара в Москву и далее бежать на родину. Случайное знакомство с Аней, судя по всему, и зародило план убийства и разбоя в целях наживы…

Личности преступников установили быстро, но задержать их по горячим следам не удалось. Дело в том, что мать убитой девушки работала проводницей. По этой причине она неделями отсутствовала дома.

Убийство ее дочери было совершено как раз в один из таких отъездов, и тело девушки обнаружили лишь через несколько дней. Но этих нескольких дней хватило Гуничу и Буцану, чтобы продать похищенные вещи, уехать в Москву и затем покинуть территорию Российской Федерации.

Тогда же, в 1994-м, следователи собрали множество вещественных доказательств. Нашли окурки, одежду убийц, их отпечатки. Провели многие экспертные исследования, а отпечатки следов пальцев рук были поставлены на учет. Гунича и Буцана объявили в международный розыск, заочно предъявили обвинение и арестовали. Однако подвижек в деле не было, поэтому предварительное следствие приостановили. Как только появлялись новые сведения, его возобновили. Но реальных результатов не было, и преступление долгое время оставалось нераскрытым.

Перелом произошел после того, как следователи Следственного комитета РФ получили информацию о том, что Гунич за совершенное изнасилование осужден в Молдавии и находится в местах лишения свободы. Они тут же выехали в командировку в Молдавию и допросили его по обстоятельствам дела.

В ходе допроса тот уверял, что он в убийстве девушки участия не принимал. Утверждал, что преступление совершил Буцан. Но тот сумел сбежать и по поддельным документам скрывался за границей. Установить его местонахождение долгое время не представлялось возможным.

От судьбы не убежишь

Шли годы, и в 2021 г. беглец попался на рядовой проверке, когда пытался перебазироваться из Украины в Польшу. На границе проверили его отпечатки, и они совпали с теми, что находились в базе с 1994 г. Стало ясно, что это не добропорядочный гастарбайтер, а лицо, находящееся в розыске.

Преступник пользовался поддельным паспортом. Но у следователей была фотография молодого Буцана, и для установления его личности провели портретную экспертизу. Даже с учетом того, что с момента совершения преступления прошло уже много лет, внешность кардинальным образом не изменилась.

«Ведь строение черепа у каждого человека индивидуально, и асимметричность черепа индивидуальна, и расположение мышц, кожи, повреждений на ней, пропорции между глазами, пропорции носа относительно лба и так далее — все это присущие человеку параметры, которые не спрячешь», — утверждают криминалисты.

Сейчас опознать человека можно даже по уху. Современные компьютерные программы выявляют характерные черты и сопоставляют изображения. Но за результат в любом случае отвечает специалист.

Личность преступника была установлена. Российская сторона предоставила все документы и неопровержимые доказательства, подтверждающие причастность Буцана к убийству в Сыктывкаре. После этого преступника экстрадировали в Россию.

Однако к моменту, когда доставленного в наручниках Буцана арестовали, его криминальный напарник скончался от болезни. И подельник решил этим воспользоваться. Он знал достоверно, что Гунич

уже мертв, поэтому на него спокойно можно валить все! Кто опровергнет?

В квартире Ани были найдены отпечатки и ДНК-следы Буцана. Узнав это, преступник не стал отрицать, что был там. Буцан выбрал такую тактику защиты: да, он действительно был в момент убийства в квартире, помог Гуничу собрать ценные вещи, но участия в убийстве девушки не принимал…

Убийцу вычислили… по запаху

Искренность арестанта решили проверить с помощью техники и для этого использовали полиграф. Датчики на полиграфе показали, что Буцан врет. Тем не менее преступник не сдавался и упорно продолжал утверждать, что даже не трогал девушку. Расставить все по своим местам помогли… небольшие кусочки ткани.

В ходе осмотра места происшествия были изъяты пояски. Ими убийцы перевязали руки и ноги убитой девушки. Они и сыграли ключевую роль. А точнее сказать – ключевую роль сыграл запах, который на них остался.

Запаховый след человека еще называют ольфакторным. Он так же уникален, как и отпечатки пальцев. И если все сделать правильно – может храниться десятилетиями. В данном случае изъятие, консервация и хранение были проведены очень профессионально.

Касаясь каких-либо предметов, человек оставляет свой запах, который в дальнейшем можно изъять с предметов, выделить его в лабораторных условиях, законсервировать…

Для этого эксперты используют средства гео- и гидрокации. А также применяют средства металлопоиска, газоанализаторы, анализаторы паров взрывчатых веществ. Во время работы на больших, открытых территориях используют беспилотные летательные аппараты в целях проведения поисковых работ, осмотра места авиакатастроф, железнодорожных, дорожно-транспортных происшествий, пожаров, взрывов…

Однако запаховые следы невозможно просто заметить или засечь приборами. Чтобы их обнаружить, нужно понять, где искать, т.е. проникнуть в сущность натуры преступника, представить, как он попал в квартиру, что делал, до чего дотрагивался. Поэтому следователи всегда моделируют ситуацию, что происходило на месте совершения преступления.

По пояскам, которыми была связана девушка и которые удалось изъять с места происшествия, следователи провели ольфакторную экспертизу. Она установила наличие запаховых следов Буцана на этих предметах. Стало ясно, что именно он связывал Анну. А значит, принимал непосредственное участие в ее убийстве. В протоколе осмотра места происшествия и фототаблице от 1994 г. была детально зафиксирована обстановка на кухне. В частности, на изъятой посуде обнаружены следы рук Гунича и Буцана.

В ходе расследования следователи допросили более 20 свидетелей, провели десятки экспертиз. Они помогли разоблачить преступника почти через 30 лет после убийства и осудить его к длительному сроку лишения свободы.

Главная сила следствия

Вот так научно-технический прогресс сейчас оказывает колоссальное влияние на развитие криминалистики и дает ей новые технологии в выявлении следов преступлений, их фиксации, их извлечении и получения значимой информации для следствия.

Продолжают, в частности, открываться новые свойства крови: по ней сегодня можно узнать не только генотип, но также национальность и регион проживания человека. Появляются новые методы консервации следов преступника.

Активно развивается цифровая криминалистика. Стремительное развитие цифровых технологий, их проникновение в жизнь человека дает возможность получать информацию из электронных устройств, из облачных хранилищ, из открытых источников глобальной сети.

Одно из востребованных направлений — использование данных дистанционного зондирования Земли из космоса, анализ биллинговой информации, изучение соединений между абонентами и абонентскими устройствами на предмет их взаимосвязи, перемещения в пространстве…

Изучаются и возможности применения искусственного интеллекта в современной криминалистике. Работа с открытыми источниками данных и с так называемыми большими данными позволяет сказать, что сейчас целесообразно применение компьютерных нейронных сетей, которые дают возможность эффективно, быстро в автоматизированном порядке выявлять и классифицировать искомые объекты.

Но главной силой следствия всегда были и остаются люди. Люди, которые тщательно исследуют место совершения преступления, фиксируют криминальные следы, оставшиеся после действий преступников. Иногда цепляясь за обыкновенный окурок или полустертый отпечаток пальца. А порой — и за одно-единственное совпадение… За звук и запах. И в конце концов раскрывают даже самые сложные, хорошо замаскированные преступления. Потому что следователи все чаще находят те самые ключевые доказательства — улики, которые приводят прямиком к преступнику. А преступника — к неминуемому наказанию.

Информация об авторе

А.Г. Звягинцев — заместитель директора Института государства и права Российской академии наук, президент Академии Нюрнбергских принципов, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции 1-го класса, член Президиума Международного союза криминалистов.

Information about the author

A.G. Zvyagintsev — Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, President of the Academy of Nuremberg Principles, Honored Lawyer of the Russian Federation, 1st Class State Adviser of Justice, member of the Presidium of the International Union of Criminologists.